

ЕКАТЕРИНА
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ПРИЗРАКИ
ДОМА

на Торьково

Annotation

Квартира на четвертом этаже на улице Горького, д. 9 хранила свои секреты еще заселения в нее семьи Крещенских: загадочное и так и не раскрытое когда-то убийство таинственным образом повлияло и на жизнь новых обитателей. Бабушка Лида была уверена, что в чулане завелся призрак, а десятиклассница Катя и ее школьная подруга Ирка не упускали возможности вместе поохотиться ночью на эту квартирную нечисть.

Но это так, мелочи, потому как в семидесятые здесь, в доме на Горького, помимо призрака уже имелось и «приятное людское наполнение» – известные соседи: Бондарчук, Ефремов, Басов, множество других актеров, режиссеров, физиков и прочих талантов; рядом располагались центровые московские магазины, а из самого крайнего окна квартиры можно было увидеть краешек Исторического музея и чуть Красной площади. В комнату к Кате и вовсе заглядывал хитро прищуривающийся Ленин с огромного уличного плаката Центрального телеграфа напротив ее окна.

Автобиографический роман дочери Роберта Рождественского, раскрывающий читателю яркую и наполненную событиями семейную жизнь, где нашлось место приключениям, книгам, любви, учебе, свадьбе и большой трагедии.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

- [Екатерина Рождественская](#)
 -
 - [Подноготная](#)
 - [Нехорошая квартира](#)
 - [Подглядывающий Ленин и новые возможности](#)
 - [Книжная жизнь](#)
 - [Письмоносцы](#)
 - [Лидкин Принц](#)
 - [Консьержи](#)
 - [Ирка Королёва](#)
 - [Планы на жизнь](#)

- [Половой вопрос](#)
- [Нож гуркхов](#)
- [Первая родительская ссора](#)
- [Все-таки мгимо](#)
- [Тайное стало явным](#)
- [Окрестности дома](#)
- [Два дома композиторов](#)
- [Композиторские преимущества](#)
- [Фамильная крещенка](#)
- [Иркины секреты](#)
- [Картофельные бабы](#)
- [Автобиография](#)
- [Очередное письмо](#)
- [«Кишка» и переехавший дом](#)
- [Книжный «Москва»](#)
- [Заначки](#)
- [Елисеевский](#)
- [Выпускной](#)
- [Балтийские каникулы](#)
- [Запах кислых щей и тухлой рыбы](#)
- [Перепуг](#)
- [Катино семнадцатилетие](#)
- [Институт](#)
- [Лучше поздно, чем не туда](#)
- [Скоро свадьба](#)
- [Странная Ирка](#)
- [Очередной псих](#)
- [На югах](#)
- [Подарок из Франции](#)
- [«Интурист»](#)
- [Смотрины платья](#)
- [Свадьба](#)
- [Хорошие новости](#)
- [Пора к профессору Боку](#)
- [Девочка](#)
- [Дементий и начало той зимы](#)
- [Снова в отъезде](#)

- [Грибной супчик](#)
 - [Лидкины советы](#)
 - [Тот самый звонок](#)
 - [Совещание](#)
 - [Первое детское горе](#)
 - [Проводы](#)
-

Екатерина Рождественская

Призраки дома на Горького

© ООО Издательство «Питер», 2023

© Екатерина Рождественская, 2023

Подноготная

Квартира на улице Горького в доме номер 9 всем в семье понравилась сразу, но никто из Крещенских не знал, что в ней убили человека. Так и въехали, ни о чем не подозревая. Дом-то о-го-го какой! Не просто красивый, а роскошный! И главное, где – на самой улице Горького (Бродвей, как называли ее у Кати в школе), самый центр – центрее нет! Да еще целых пять комнат, толстенные стены, четырехметровые потолки, а на верхних этажах даже шестиметровые, представляете? Все просторное и великолепное, на горизонте из окошка виден Исторический музей и Красная площадь, у лифта всегда кто-то на дежурстве, да еще черный ход имеется и тихий двор. А что в квартире убили человека – никто не сказал. И первый раз, когда ее показывали, и потом, при оформлении документов, – молчок, хотя на том уровне, возможно, и сами были не в курсе.

Вот он, дом номер 9 по улице Горького, сразу за телеграфом. И если бы фотограф взял чуть левее, можно было бы увидеть окна квартиры на четвертом этаже, куда в 1974 году переехала семья Роберта

Дом этот был с богатой, хоть и не очень долгой историей. Построили его в 1949 году, хотя фундамент заложили еще в сорок первом, но тут война – и только что начавшуюся стройку обнесли забором и забыли до победы. Дом был основательный, внушительный и двухслойный, скорее даже двухъярусный, как торт, – снизу бордово-коричневый дорогуший гранит аж до третьего этажа, а сверху бежевая штукатурка до самой крыши, и сам весь украшенный колоннами, арочками, балкончиками, вензельками и всяческими приятными глазу милыми излишествами. Так вот, в городе ходили слухи, что гранит этот для нижней парадной части здания немцы еще в самом начале войны привезли из Финляндии, чтобы изваять из него нечто грандиозное в честь победы гитлеровской армии над СССР. Но не получилось у Гитлера с блицкригом, война была долгой, а после, опять же по легенде, этот гранит пустили на облицовку великолепного жилого дома на улице Горького, хотя стопроцентного подтверждения эффектной легенде никак не находилось. В общем, об архитектуре грандиозного здания известно было достаточно много, а вот кто жил в тех шикарных квартирах, держалось в тайне, короче, не афишировалось.

Роберт Крещенский все же решил разузнать – жена, Алена, поинтересовалась, что за люди там раньше обитали, просто так спросила, из любопытства. Он же воспринял это серьезно, поскольку в последнее время и сам увлекся историей Москвы и даже отправился хоть за какой-то информацией в писательскую библиотеку, но сведений почти не нашлось, а если и встречались, то очень общие и достаточно скудные. Самый близкий друг Крещенских, Володя Ревзин, был архитектором, вот его-то и попросили поспрашивать про этот дом у своих.

Он бы удивительный, этот Ревзин, очень привлекал к себе, чуткий, естественный, добрый, при этом настоящий мудрец. Но нет, совсем не памятник себе, а подвижный, любопытный, интересующийся, пишущий книги об архитектуре и знающий Москву, как никто другой. Подобные люди в человеческой среде редкости необычайной, те, кто,

не имея с тобой кровных и родственных связей, становятся больше чем родными. Таких было совсем мало в окружении Крещенских, а может, и не было вовсе. Познакомились они, когда Алена была беременна Катей, он и принимал вместе с Робертом народившуюся девочку из роддома. Тихо и по-доброму любил всех Крещенских, уходящих и нарождающихся в течение двадцатого века. У него была шикарная жена Наташа, любимая Аленина подруга с самого детства, мудрая княжна осетинских кровей, тоже абсолютно родная.

Знал Володя о Москве много, это было не только его профессией, но и страстью, сам писал замечательные книги, был эдаким современным Гиляровским и мог рассказывать подробно и очень увлекательно о любом закоулке старой Москвы. Говорить с ним было сплошное удовольствие, он был изысканно интеллигентен, но, когда входил в раж, было его уже не остановить. Никто, собственно, и не пытался, ничего интереснее его рассказов нельзя было придумать. Помимо Москвы, он любил дочку Ольку, своих друзей, свежесваренный чай с вишневым вареньем, и все существенные разговоры проходили обычно за столом на кухне у Крещенских.

– Во время войны на месте этого дома долго лежал огромный невзорвавшийся снаряд, сам видел, с ребятами бегали смотреть, его тогда еле обезопасили. Представляете, вот прямо тут, где мы сидим, он и зарылся... И вообще самого дома, по идее, не должно было быть, потому что Сталин в тридцатых в первом генеральном плане реконструкции Москвы решил построить нечто специфическое, необычное, эдакий город-сказку в виде пятиконечной звезды, ну, для того, чтобы внести новые идеологические установки и в архитектуру тоже. Как театр-звезда Советской Армии, если на него смотреть сверху, только в масштабе города. В общем, начертили что-то грандиозное и даже пригласили для консультаций самого Корбюзье! Представляете? Самого Корбюзье! Хотя он какую-то чушь собачью предложил – снести старую московскую застройку, оставив только Кремль и Китай-город, и построить практически новый город! Ну что вы хотите, человек мира, не москвич, не прочувствовал как следует. Эх, мне бы хоть пять минут с ним поговорить, я бы у него столько всего выпросил... – Вова взглянул в окно и мечтательно посмотрел на наглого голубя, который ходил, как цирковой, по парапету. – Но, слава богу, тот проект в виде

звезды довольно быстро похерили, что, как мне кажется, очень даже и хорошо.

А про дом номер 9 по улице Горького Вова разузнал не так уж и много, но точно знал, что братья-архитекторы называли его «фурцевским», потому что Екатерина Фурцева, будущий министр культуры, въехала в него еще в 1949-м, чуть ли не самой первой, и строго следила за тем, кому там собирались давать квартиры. Была тогда уже первым секретарем Фрунзенского райкома партии Москвы и членом Верховного Совета СССР, власть имела большую, вот и выбрала себе жилье, воспользовавшись служебным положением. Соседей отбирала сама, отсеивала неугодных или просто непонравившихся, хотела, чтоб вокруг жили товарищи интеллигентные, достойные, не буйные и тем более не запойные, а исключительно старенькие академики в шапочках, известные артисты, желательно, чтоб народные, прям с афиш, всяческие герои соцтруда с орденами на лацканах, статные боевые генералы в красивой форме, дисциплинированные и молодцеватые. Такой дом-мечта считался бы первоклассным во всех отношениях, отличаясь от других не только сталинско-ампирной помпезностью фасадов, но и приятным людским наполнением. Так и сделала.

Нехорошая квартира

Выписали в нем квартиру, продолжал Вова, в то первое заселение, и одному видному архитектору, сталинскому любимцу, который обустроивал послевоенную Москву, облагораживал набережные и парки, в общем, как тогда писали, изменял архитектурный облик столицы. Там беда и случилась. Подробностей той страшной трагедии не знает никто, дело было темное, его сразу замяли, но доподлинно известно, что архитектор, хозяин квартиры, как-то вечером спустился вниз к лифтерше с охотничьим ружьем в руках и попросил вызвать милицию. Бесстрастно так сказал, буднично, словно сантехника звал кран починить или за газетами пришел, и, опираясь на винтовку, как на посох, спокойно потом вошел в лифт и поехал к себе обратно на четвертый этаж, в квартиру номер 70.

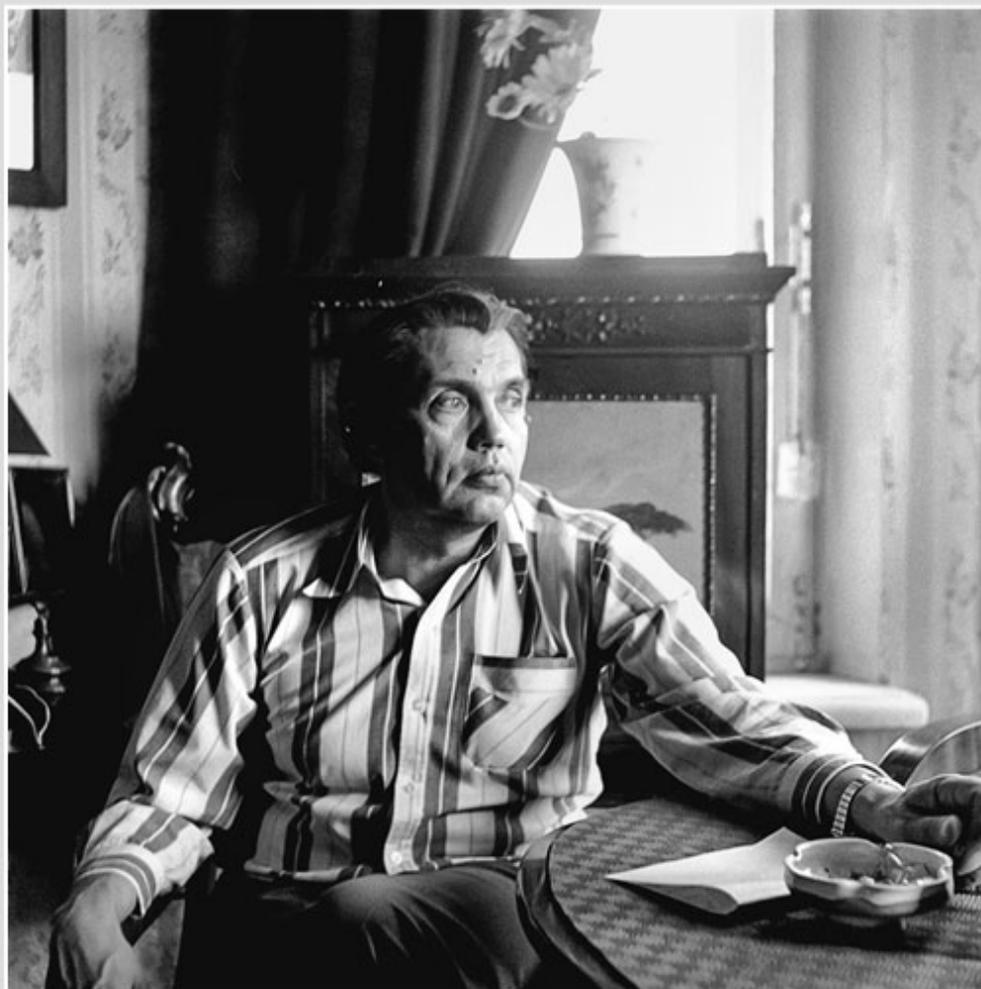

Почти в таком составе семья и переехала на новую квартиру – Роберт, Алёна и две дочери, Катя и Лиска. На фотографию не попали

еще двое – Лидка, которая готовила на кухне обед, и спаниель Бонька, собачий лентяй, храпящий где-то под столом

Примчалась милиция, поднялась на этаж, увидела страшную картину – единственного архитекторского сына с простреленной головой, который сидел за отцовским рабочим столом, залив кровью чертежи и бумаги, и его мать тут же без чувств, в глубоком обмороке. А хозяин рядом, в полном ступоре и не в силах вымолвить ни слова. Как все случилось, при каких обстоятельствах, жильцам известно так и не стало, дело сразу засекретили. Архитектора посадили под домашний арест, но вскоре отпустили за недоказанностью улик. Самострел, объявили. Как только уголовное дело было закрыто, жильцы нехорошей квартиры одним днем сложили пожитки и уехали из Москвы, оставив квартиру исполкому.

Кого-то вселили снова, потом жильцы еще раз поменялись, никто по разным причинам в квартире 70 долго не задерживался, пока наконец в 1974 году сюда не въехала семья известного советского поэта Роберта Ивановича Крещенского все в том же составе: сам Роберт с женой Аленой, их две дочери – десятиклассница Катя и мелкая четырехлетняя Лиска – и Лида, Лидия Яковлевна, их любимая бабушка по маминой линии. Да, и собака Бонька. Несмотря на полуженское имя, Бонька был мальчиком, полным именем Бонифаций его никто никогда не называл.

Роберт в домашней обстановке

Про тех первых жильцов и эту трагедию Крещенские узнали не сразу, вышло это совершенно случайно. Кто-то из сотрудников ляпнул Лиде в паспортном столе, и даже не кто-то, а старейшая паспортистка, которая сидела там со времен царя Гороха, ветеран труда, так сказать, она и спросила, мол, эта 70-я квартира теперь ваша? Та самая, в которой отец когда-то убил своего сына? Как же, помню-помню, переоформляли тогда, столько лет уже прошло, а мурашки до сих пор, вот ужас-то... Лида, вытаращив глаза, стала расспрашивать, что да как, и, хотя деталей не знал никто, а только в общих чертах, понаслышке, поняла, что да, застрелили парня, было такое, в самой дальней комнате с чуланчиком, есть у вас комната с чуланчиком-то? Значит, там, хоть и говорили, что это самоубийство. Отец то ли застукал сына за чем-то, то

ли прознал о том, что ему не полагалось, вот и стал сыну ружьем угрожать. Тот забился от него сначала в чуланчик, а когда вышел по его требованию, тот посадил его за стол, требуя какие-то ответы, а потом и не сдержался, порешил. Так что не повезло вам, гражданочка, квартира непростая, с сюрпризом.

Лида, трусиха знатная, запаниковала. Что делать, не понимала. Ведь в квартире уже живут, все отлично, в комнате с чуланчиком Робочкин кабинет, он же спальня, в чуланчике полочки и вешалки с костюмами, гардероб вроде как, а сам Робочка пишет себе стихи с утра до вечера, грех жаловаться. И вот теперь такое. Лида подумала сначала домашним про это не говорить, но как в себе такие новости удержать, вот и пришлось признаться Алене с Робертом. Ну, если и произошло когда-то несчастье, то что уж теперь, сказал Роберт, сколько лет прошло, полжизни, многое чего на свете было, на все не откликнешься. В общем, об этом больше разговоры не вели, но Лида, когда дети надолго уезжали за границу, одна никогда старалась не оставаться, а обязательно вызывала пожить к себе сестру Иду и еще кого-то из подруг – Олю или Тяпу с Надей. Павочка уже ушла, похоронили, оплакали. Еще и нянька Нюрка, конечно, была, но защита из нее небольшая, никакущая, можно сказать, всегда при ребенке, или гуляет, или спать укладывает, в призраков вообще не верит, хоть и деревенская, но все дело, хоть еще один живой человек. Анатолия часто звала, вечного своего гражданского мужа, которого приобрела еще в прошлой жизни, в прямом смысле достав из-под земли – сидел он в своей оркестровой яме и играл на альте, безумно красивый и глупый до невозможности (Поля, Лидина мама, пригвоздила его говорящим прозвищем Принц Мудило). А Лидка в это время выкаблучивалась на сцене с другими кавалерами, задирая ножки прямо у него перед глазами. Так они и нашли друг друга. Но жениться – ни за что, Лиде хватило первого раза, когда Аллусин отец, не Толя, а Борис, вернулся из странствий и привел к ней с дочкой в дом новую жену.

Роберт с мамой Верой Павловной и Иосифом Кобзоном

Семью Крещенских Анатолий, он же Принц, безоговорочно и по-настоящему полюбил, сначала Лидку, звонкую и легкую, а через нее и остальных, сильно, всем сердцем, навечно. И очень вписался контрастом, как полная им всем противоположность. Скупой до невозможности (он называл это практичностью), Анатолий переводил любые отношения в денежные. Практически как Карл Маркс, которого часто зачем-то цитировал. Когда Лидка ему на это пеняла, он на голубом глазу (а глаза у него были вправду небесно-голубые) отвечал, что дело не в деньгах, а в их количестве, и ни разу не забывал взять свои десять копеек за буханку бородинского хлеба, когда Лидка просила его по дороге купить. Деньги, мол, счет любят. Часто экономил на транспорте – или шел пешком, или ехал зайцем. Был болельщиком «Спартака» и не снимая носил значок ГТО, перекалывая его, как орден, с будничного пиджака на праздничный. А еще был заядлым собирателем писем, а также филокартистом – коллекционировал открытки, причем без какой-то особой темы, а так, что найдет. И Алена с Робертом, зная эту его страсть, из любой страны и из каждого города старались посылать на его адрес открыточку с приветом. Любил «шибануть правдой», по его же личному выражению, считая, что

правду говорить легко и приятно. К литературе в целом и к поэзии в частности дышал ровно, не забывая в этом гордо признаться, но обожал солдатские анекдоты, даже не просто солдатские, а солдафонские, и, протяжно смеясь, хрюкал, когда сам их и рассказывал. А так был вполне простодушен, верен, нежен и добр к Лидке и девочкам. Очень часто приходил, и приглашение ему не требовалось. Поэтому Лидка и рассчитывала на него как на самую из всех надежную защиту от того призрака, который мог обитать в чулане. Но когда не было ни Принца, никого другого из подмоги, то кабинет с чуланчиком Лида в целях профилактики наглухо закрывала, при этом обязательно оставляя там приоткрытым окно даже в зимнее время. Она считала, что если чей дух там и водится, то пусть лучше выходит в окно, чем бесцельно шатается по квартире.

Особые «Рождественские» взгляды. Роберт и Алёна, Алёна и Лидка

Через некоторое время ее подруга Оля, не столько набожная, сколько глубоко верующая, предложила Лиде принять единственно правильное решение – освятить квартиру. И когда Алена с Робертом уехали в очередную командировку, явился одетый в гражданское батюшка, походил по комнатам, помахал кадиллом, побурчал молитвы и хорошенько обрызгал все святой водой. По Лидиной просьбе подольше задержался в кабинете Роберта.

Освящение квартиры Лидка считала необходимым, но оставила это в тайне. И Оле строго наказала. Ведь Аллуся с Робочкой все время в разъездах по дальним и не очень странам, а она дома с детьми, ей требуется духовная защита. Хотя, если посмотреть с другой стороны, понимала, что приход священника в дом известного советского поэта – дело такое, мягко сказать, сомнительное. Ни на чьей биографии это, конечно, не отразится, уже не те времена, слава богу, но осадок у компетентных органов может остаться. Поэтому чем меньше народа знает о визите, тем лучше. А ей самой так спокойнее.

Подглядывающий Ленин и новые возможности

Ну, в общем, разбрелись по комнатам, стали жить.

Жить там было интересно и необычно, особенно Кате.

Она смотрела в окно и видела советский герб и земной шар, который еле заметно крутился прямо у нее перед глазами. Ведь окна квартиры выходили не только на улицу Горького, но и на угол с улицей Огарева, то есть прямо на Центральный телеграф. Земшар был оплетен снопами пшеницы в красных пролетарских полотнищах, а наверху, над всем этим богатством, днем и ночью сияла алая пятиконечная звезда. Где-то там, в этой сложной, но очень знакомой с детства композиции, точно должно было быть написано «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», хотя из комнаты разглядеть это было невозможно. Кроме глобуса, такого наглядного и объемного, виднелось и время на электронных часах, оно было всегда под рукой. Время высвечивалось и днем и ночью, да и герб светился не только по праздникам. Первые дни Катя почти не спала, ведь никогда еще ее ночи так заботливо не подсвечивались. А на 7 ноября почти всю ночь просидела на подоконнике среди горшков с цветами, разглядывая это внушительное здание напротив, закрытое огромным светящимся каркасом, разработанным, видимо, специально обученными инженерами и художниками. Это был своего рода световой театр. Катя видела, что прохожие внизу притормаживают, задирают голову и тоже рассматривают гигантское полотно, восхищаясь, видимо, красотой, полетом мысли, размахом и успехами нашей страны.

Ночной вид телеграфа на 7 ноября. И товарищ Ленин, подглядывающий в праздники в окна к Кате. А чуть дальше по улице скудно освещенная гостиница «Интурист»

Центральный телеграф в будни. Электронные часы и погодный термометр – привычный вид из окна помимо других красот

Стены телеграфа за один день – Катя даже не успела заметить – превратились в громадные, пылающие огнями живые плакаты: в космос дружно взлетали ракеты из маленьких лампочек, на соседнем панно стройными рядами ехали комбайны, собирающие созревшую светящуюся пшеницу, не переставая качали нефть крошечные

нефтяные выщечки. Будничный и скромный герб, висющий над входом в телеграф, еще вчера совершенно не выделяющийся, за одну ночь приделся в объемный сияющий саркофаг из раскрашенных лампочек с детальной проработкой каждого колоска и каждого флажочка.

Дуэт Муслима Магомаева и Александры Пахмутовой. Роберт, видимо, поет. Про себя

Так называемый «триумвират»: Бабаджанян, Магомаев, Рождественский, композитор – певец – поэт. Золотой век советской песни, лучшие образцы которой были написаны этой великой тройцей

Да еще вывесили и огромный портрет Ленина, в целых два этажа! Ленин подглядывал к Кате в окно, и она по-девчачьи его стеснялась. Он слегка улыбался и немного щурился, глядя на нее, словно был близорук и недоглядывал. Ложась спать, Катя в праздничные дни обязательно задергивала занавески, чтобы огромное светящееся лицо вечно живого вождя не стояло у нее перед глазами и не смотрело по-педофильски на спящую ее. Иногда прореха между занавесками оставалась чуть больше обычного, и тогда от пытливого Ленинского глаза с прищуром деться было совсем некуда, разве что укрыться одеялом с головой. Поэтому перед сном вспоминались совсем не те строчки, которые хотелось бы повторять молоденькой девушке, не сладкий запевный Есенин и не «Какая ночь! Как воздух чист» Фета, а самое что ни на есть ненавистное стихотворение Маяковского:

Грудой дел,
суматохой явлений

день отошел,
 постепенно стемнев.
Двое в комнате.
 Я
 и Ленин —
фотографией
 на белой стене.
Рот открыт
 в напряженной речи,
усов
 щетинка
 вздернулась ввысь,
в складках лба
 зажата
 человечья,
в огромный лоб
 огромная мысль.

С этой огромной мыслью теперь и приходилось засыпать.

Лида, бабушка, тоже радовалась новой квартире. Хотя она радовалась всегда и всему. Просто смотрела на любую, даже самую плачевную ситуацию под каким-то своим особым углом и остальных убеждала в том, что все, собственно, не настолько уж и плохо, можно сказать, в порядке, даже более чем. А тут и особый взгляд был не нужен, все и так было роскошно! Все эти высокие потолки, дубовые паркетные, хоть и слегка скрипучие, полы, огромные окна с блестящими латунными ручками, просторная ванная комната, названная Лидкой с ходу купальной, черный ход, которым никто никогда не пользовался, но сам факт его наличия радовал, почта, которую доставляли прямо в прорезь на входной двери, и даже холодильник в нише под кухонным окном, куда влезали тонны консервов, – все это безмерно восхищало Лидку, которая дождалась-таки на закате своей насыщенной событиями, но не удобствами жизни такого высочайшего уровня комфорта.

Роберт с замечательным артистом Анатолием Кузнецовым и его женой, а на заднем плане – Принц Анатолий

Книжная жизнь

Главное, что было особенно важно, соорудили здесь наконец огромную библиотеку, которая на прошлой квартире где только не размещалась – и в Лидкиной комнате на антресолях, и у всех под кроватями, и в платяных шкафах среди обуви, и на подоконниках, и под подоконниками, и вместо подоконников... Хотя назвать то библиотекой было бы кощунством, скорее книгохранилище.

Семейные библиотеки всегда были основой любого наследства, вот и у Крещенских книги, их отбор и чтение уже с давней давности вошли в негласный семейный уклад. Всегда тщательно и придирчиво собирались, и не лишь бы что, валом, поскольку места для них всегда не хватало. А у Крещенских уж было что почитать! За два с небольшим десятилетия существования их семьи книги копились и за счет подписок, и покупок, скажем, у спекулянтов или в букинистических магазинах, и, конечно же, подарочных книг, обязательно с автографами, ведь многие из друзей Крещенских были люди пишущие. Самые современные и читаемые авторы, которых Крещенские знали в лицо, одаривали своими творениями сами, убиваться за ними в магазине было не обязательно. Юрий Трифонов, Виктор Астафьев, Василий Аксенов, Юлиан Семенов, Виль Липатов, Владимир Войнович – все они для Крещенских были живыми людьми, а не только дефицитными томиками на полках. Так, понемногу, год за годом, библиотека выросла, почти вытеснив членов семьи. Это, кстати, и стало одной из тех важных причин, которую указали в заявлении о расширении жилплощади и переезде с Калининского проспекта в сталинский дом с высокими потолками на Горького, 9.

И тут действительно наступила благодать – настроили книжных шкафов по всей квартире до самого потолка, а потолки-то будь здоров, под четыре метра высотой! – и все эти несчастные в прошлом книги, сборники, собрания сочинений, незаслуженно томившиеся в непристойных условиях, встали наконец на свои законные места и на всеобщее обозрение. За стекло, на красивые полки, а особо ценные – под ключ. Потому что, да, книги воровали. И часто. И у Крещенских, бывало, тоже. Были они, не все, конечно, но многие, дефицитным продуктом, ценным и редким. Все Катины любимые французские

классики – Дюма, Бальзак, Флобер, Стендаль, Сименон и даже Гюго – в книжных магазинах совершенно не встречались, о них мечтали, но в прямом доступе их просто не существовало. Только в Красной книге. Только по подписке. Конечно же, у Крещенских был блат, как без этого и какой писатель без библиотеки? Книги эти покупались в Книжной лавке писателя на Кузнецком, Катя часто туда с папой ходила, обязательно после звонка директора, не просто так. «Роберт Иванович, пятый том Конан Дойля пришел, когда заберете? Еще Жюль Верна обещают и Ефремова, но я, как только получу сигнал, сообщу вам отдельно».

Крещенским в этом отношении очень крупно повезло, а обычные читатели, не поэты и не члены Союза писателей СССР, выстаивали долгие очереди в книжный, чтобы подписаться на собрание сочинений, и то если повезет, ведь подписывали далеко не всех, а потом еще надо было ждать, когда можно выкупить заветные тома, да и то не сразу, а по мере их выхода. Зачастую приходилось брать в нагрузку к заветным авторам что-то эдакое, совсем нечитаемое – очередного Ленина, скажем, или Брежнева, а то и материалы давно прошедшего съезда КПСС. А еще и макулатуру обязывали сдавать, уж сколько раз Кате самой приходилось вместо уроков ходить по соседним со школой домам и выклянчивать старые газеты и журналы. И не просто так, самой, по собственному желанию, а именно по заданию школы. За двадцать килограммов макулатуры получали не саму книгу, а талон на ее покупку. Вот такая была книжная жизнь, напряженная, непредсказуемая, полная ожиданий, охоты, а иногда даже и опасностей.

И вот на Горького за состояние книжек теперь можно было быть уже вполне спокойными – ни пыль, ни алчные руки до них не доставали. И это тоже доставляло Лидке удовольствие, которая хоть и не читала с утра до вечера, но семейное добро блюла и наплевательски к нему никогда не относилась, ценила, помнила, что большую часть жизни прожила не то что в бедности – о нищете никто не говорил, – но далеко не в недостатке, особенно в молодые годы. Поэтому зорко следила за сохранностью нажитого. Книжки уже не пылились и не лежали в стопках, а стояли, радуя глаз, гордо красуясь и служа, помимо всего прочего, еще и прекрасным дополнением интерьера. По всем стенам квартиры встали аккуратные застекленные полки, вполне строгие, классические, сработанные вручную отличным краснодеревщиком, но

чуть «пикантные», как говорила Лидка, а именно с профилем более светлой породы дерева, обрамляющим стекло, и витиеватыми ручками, которые доставали намного дольше, чем воздвигали сами шкафы.

Катя попервоначально попыталась все эти сотни, а может, даже тысячи томов как-то систематизировать, расставив по алфавиту, но дело не пошло, никто, почитав, на правильное место книжку не возвращал, и система эта похерилась сама собой. Если же кто-то просил книжку почитать, то непременно попадал в Лидкин список должников, который она издавна вела, с тех самых пор, как книги на старой квартире стали нещадно воровать.

В общем, шкафы Лидку очень радовали, ее, собственно, приводило в восторг все, а главное, сама улица Горького. Она, конечно, была роскошной, что и говорить. Солидная такая, широкая, основательная, сразу было понятно, что ведет не абы куда, а на Красную площадь. Машины под окнами негромко шуршали, вели себя вполне прилично, не пылили, не гудели как подорванные, соблюдали очередь к светофору, на рожон не лезли. Милиционеры были понатыканы на каждом шагу, фонари горели исправно, а не через один, вечером трусихе Лидке можно было безбоязненно ходить домой, не озираясь. Да и магазинов было в достатке. С Калининским проспектом, откуда переехали, конечно, не сравнить, там было побогаче, но тоже вполне порядочно, хоть и купить было особо нечего. Прямо под домом, например, располагалась двухэтажная галантерея, да еще несколько других невнятных одежных магазинов. Лидка ходила туда один раз на разведку, посмотрела, пощупала, пофукала и зареклась там больше появляться – не товар, а одна стыдоба – длинные пыльные вешалки деревенских ситцевых халатов необъятных размеров, разложенные по стопочкам семейные панталоны с начесом и блестящие атласные лифчики с бессчетным количеством мелких белых пуговиц, которые без помощи и застегнуть-то невозможно.

И хоть магазины по большей части пустовали, но достать, ухватить, разыскать, урвать что-нибудь в этих центровых местах все-таки было можно. С пустыми руками никогда не возвращались. Напротив дома находился продмаг, который у местных – лифтерша называла его именно так – значился как «кишка». Видимо, из-за своей невероятной узости и длинноты. В «кишке» всегда пованивало бывшими продуктами, каким-то застойным салом, костной пылью,

тухлым мясом и еще чем-то органическим, может, голодным человеческим ожиданием, скорее всего, именно оно могло иметь такой искореженный неистребимый запах. Живая еда редко когда продавалась, в основном законсервированная, замаринованная, засоленная, засушенная. Но ничего, изредка и в «кишку» что-то вбрасывали, ведь этот магазин находился на главной улице страны и иностранцы сюда тоже из любопытства заглядывали. Именно в этом продуктовом Лидка и охотилась – близко, удобно, перешла дорогу – и все, не то что на улицу Герцена ходить – молоко в одном магазине, рыба в другом, и почему-то именно рядом с консерваторией, мясо в третьем, хлеба вообще нет, короче, набегаясь. И для Лидки как для хозяйки большого дома было это очень важно.

И если «кишка» была на каждый день, то к праздникам надо было охотиться в Елисейском, что было дальше от дома, и в очередях там надо было отстоять намного дольше и по несколько раз – из отдела в кассу, из кассы в отдел, потом еще и еще раз, можно было целый день там провести. Но за деликатесами – только туда, это и дураку понятно. Намного меньше проблем стало с продуктами, когда известный певец Давид Коб познакомил Роберта с самим директором Елисейского, с которым давно дружил, как, впрочем, дружил и со всей Москвой, легко раздаривая эти знакомства, никогда ничего не скрывал, был с друзьями в этом отношении несказанно щедр. Но Лидка Елисейский не любила – «выставкой народного хозяйства» называла, а предпочитала все-таки ходить напротив, в свою длинную и узкую «кишку».

Письмоносцы

Рано поутру Лидка вместо зарядки разминалась, поднимая газеты и письма с пола около двери. Иногда все у входа было просто засыпано корреспонденцией. Роберт выписывал бесчисленное количество газет и журналов, но почта все равно состояла в основном из писем. Очень люди его уважали за стихи и песни, писали много, жаловались, советовались, хвалили, обращались с просьбами – в общем, по-всякому, а как только он стал вести по телевизору еще и передачу «Документальный экран», то поток писем увеличился в разы. В основном-то советские граждане привыкли отправлять свою корреспонденцию по организациям, начиная, как водится, с обращения: «Дорогая редакция!» Так и шли послания в музыкальный отдел на радио и телевидение, в редакцию журнала «Юность», куда Роберт с самых институтских времен отдавал свои новые стихи, в секретариат Союза писателей, мало ли было адресов! Но, бывало, приходили письма и на адрес Крещенских.

«Дорогой товарищ Роберт!

*Думала-гадала, к кому обратиться с
наболевшей, если хотите, просьбой, и всплыло перед
глазами Ваше честное лицо!*

Товарищ Роберт!

*Что творится кругом! Нельзя выйти за порог
спокойно, без опаски, чтобы в уши не лезли со всех
сторон эти гадкие, грязные до ужаса,
омерзительные ругательства! Отовсюду они лезут
в уши! До чего опустился и распустился народ
русский – ни шагу без мата! Даже в метро не
стесняются, даже в автобусе, при женищинах и
детях! И самое страшное, что ЖЕНЩИНЫ молчат
как ни в чем не бывало, как будто так и надо. Ведь
что-то надо делать, как-то бороться с этим
страшным злом! Ведь грязь эта расползается
дальше-больше.*

Ну придумайте вы что-нибудь, меры какие-нибудь, вроде штрафа, что ли! Нельзя же молчать и глотать эту мерзость безропотно, беспомощно. Почему наше уважаемое правительство считает, что грязные руки (я имею в виду взятки) страшнее грязных языков?! Ведь, как давно известно всем умным людям, все зло начинается с нечистого языка! Сначала грязные мысли, потом – грязные дела.

Надо с этим бороться!

И лично Вы с Вашим авторитетом многого можете добиться в этом вопросе.

Умоляю Вас, ради светлого будущего наших Детей, в том числе и ваших лично!

Вы обязаны поднять этот вопрос. В газетах, в стихах, на телевидении, в правительстве, если хотите!

Спасать надо язык русский, а вместе с этим надо душу русскую приподнять из грязи, а потом и вырвать ее оттуда. Очиститься! Знаю, на это уйдет время, мы, наше поколение, результатов еще не увидим, но ДЕТИ наши будут очищены!

Не сомневаюсь, что и Вас этот вопрос мучает, удивляюсь только, почему бездействуете.

*Галина Иванна Урмузова. Москва,
Рязанский проспект».*

Письма эти стали неотъемлемой особенностью нового адреса, словно все эти годы ждали, когда наконец семья известного советского поэта переедет на улицу Горького, чтобы пролезть в заветную дверную щель квартиры номер 70. Со всего Союза, из больших городов и мелких деревушек нескончаемым потоком шло все, что можно было послать по почте, – конверты, открытки, рукописи, вырезки из газет и журналов. Все они пролезали, вздыхая, кряхтя и отталкивая друг друга, чтобы непременно первыми упасть на пол, по которому ходит сам поэт Крещенский! Вздыхала и кряхтела, конечно же, лифтерша Нина Иосифовна, которой из-за переезда Крещенских заметно прибавилось

работы. Она и озвучивала кряхтением свою работу рано поутру, когда весь подъезд еще крепко спал.

Особо необычные, интересные или даже жуткие письма – а бывали всякие – Лида отдавала Анатолию, после того как Робочка на них ответит – а он не оставлял безответным ни одного письма, кроме уж самых вопиющих. Сначала складывала их в заветную синюю папку в ящик, где за долгие годы накопились фотографии, театральные программки и либретто из Большого театра, которые аккуратно собирала. Эта папка и раньше была пухлой, а как только семья переехала на улицу Горького, стала расти день ото дня и начинала уже застревать в ящике. Потом Лидка завела отдельную, зеленую, решив не смешивать все эти чужие письма со своими приятными воспоминаниями. Поэтому папок в ящике было теперь три – синяя, зеленая и красная, Лидка специально выискивала по магазинам разноцветные, чтобы нужная сразу бросалась в глаза. В третьей папке, красной и объемной, лежали совершенно другие письма, от друга, несколько лет назад насовсем уехавшего за границу. Видимо, друга можно было назвать уже бывшим, за граница поставила жирную точку в их романтических отношениях, хоть оба они всеми силами старались сохранить эфемерную связь. Он много писал и, случалось, даже звонил, но нет, сердце так сладко уже не замирало и поволоки на глазах не наблюдались. Но Лидка все равно ждала от него письма, ритуал надо было соблюдать.

А зеленая папка с чужими письмами чуть ли не через день опустошалась, и как Анатолий приходил, Лидка вручала ему новую порцию откуда только не пришедших посланий. Чужие письма Лидку тяготили, а Принц всегда радовался новому чтиву.

Лидкин Принц

Анатолий никогда не исчезал из Лидкиного поля зрения с тех пор, как они расстались, и вначале, то есть давным-давно, просто маячил где-то на горизонте. Его всегда обязательно звали на все дни рождения и праздники, со временем он стал приходить и чаще, в будни, давно из мужа превратившись в подругу, хоть имел абсолютно нормальную ориентацию. Получалось, что Лидка с Толей и не расстались вовсе. Он прижился, утвердился и, собственно, был всегда в помощь.

– Ох, девки, – говорила Лида, несмотря на присутствие Анатолия, убирая со стола и смахивая крошки в ладонь, – поели-попили, переходим к художественной части! – И шла к своему заветному шкафчику, где лежала потрепанная колода карт.

– Ну-с, – начинала она, как старинный доктор, – с чего начнем – партию во фрапчик или распишем пульку? – Карты, причем только на деньги, были неизменной составляющей быта Лидки и ее подруг.

– Предлагаю свою программу! – Принц выступал со встречным предложением. – У меня она намного интереснее! Какое письмо вам, милые дамы, прочитать – тюремный романс или страдания молодой извращенки?

В этом был весь Принц: письма, на которые Робочка уже ответил, он забирал к себе «в коллекцию» и ими питался, по многу раз читая-перечитывая подругам, вслух и про себя, проживая жизни тех, кто ими необдуманно поделился. Лидка поначалу шипела на него, мол, это невоспитанно и неинтеллигентно так себя вести, чужие письма читать неприлично, а потом махнула рукой и смирилась, после того как Принц вдруг заявил, что учится на писателя и черпает вдохновение и сюжеты из людских жизней. Ну а как можно было выкинуть письмо с трепетными объяснениями в любви зечки, удивлялся Принц, севшей за убийство мужа, или слишком откровенный и, честно говоря, довольно талантливый поток сознания некой девы, кишащий при этом мерзкими подробностями физиологического характера? Из этого мог бы получиться отличный роман! А роман – дело прибыльное, ухмылялся Принц, особенно не придуманный, а из жизни.

Другое дело, когда такие люди вместо письма заявлялись по адресу лично, случалось и такое. Роберт в разговор с ними очень старался не

вступать, пытаюсь отправить доброхотов восвояси. В квартиру таких упорных приглашать было просто страшно, Лидка категорически выступала против, вот Робочка и просил прийти в его рабочие часы по адресу: Поварская, 54, и обратиться в секретариат Союза писателей, оставив письмо с просьбой именно там. Некоторые настырничали и не уходили, демонстративно садясь на ступеньки напротив входной двери квартиры, у лифта, всем своим видом показывая презрение и поджимая губы, когда кто-то из домашних выходил на лестничную площадку. Одна баба, искавшая в столице правду и сбежавшего от алиментов мужа, тайно осталась даже ночевать между этажами, о чем узнали только рано утром, когда она, сладко потягиваясь, позвонила в дверь к Крещенским и попросилась в туалет.

– Опасно стало жить, решительно заявляю, – пожаловалась как-то Лидка подругам, при этом многозначительно взглянув на Анатолия, – опасно, честное слово! Во всех смыслах! Дома тревожно, в подъезде страшно, на улице жутко! Ведь не знаешь, что у кого на уме, вдруг какой-нибудь псих нож к горлу приставит! В твоём же собственном подъезде! А у меня, вон, две девки! Аллуся с Робочкой всегда в разъездах, сами знаете, а я тут с детьми постоянно на передовой, можно сказать. С Лиской-то нянька беспрестанно, а Катя? Одна везде бегает хвост задрав, не остановить! И возраст самый, знаете ли, противный – на все свое мнение выкладывает и делает мне восстание каждый день. Как не понимает, я ж постоянно на нервах, и зачем ей тратить свои нервы, когда есть мои! А с другой стороны, не замаринуешь ведь ее в квартире, ей в институт надо готовиться, репетиторы, школа, беготня вся эта.

– Оставь ее, ради бога, в покое. – Анатолий достал из портсигара сигаретку и постучал ею об стол, оживляя табачную крошку. – Катерину нашу не остановить, у нее шило в одном месте, возраст такой. Лучше я как мужчина поговорю с этими двумя, которые сидят там внизу на часах.

– Да их давно пора гнать отсюда ссаной тряпкой! – вспыхнула Лидка. – Вспомни, какие у нас были лифтеры на Калининском! Муха пролететь не могла! Как на военном объекте! Жили как у Христа за пазухой! А тут... А эти двое... Умереть не встать...

Консьержи

Эти двое, мама с сыном, так называемые консьержи (лифтерами они категорически не желали зваться и всегда всех поправляли: «Мы консьержи»), были действительно умереть не встать. Пригретые ЖЭКом из жалости – кто-то из сотрудников слезно попросил пристроить в Москве на какую-нибудь работу проблемных родственничков из деревни, – они прекрасно прижились на задворках улицы Горького, в подъезде номер четыре. Оба были настолько похожи друг на друга, что казалось, мама в свое время справилась с зачатием и тем более с рождением своими силами, без какого бы то ни было участия мужчины – покряхтела-покряхтела и часть ее просто отпочковалась, шмякнув об пол и превратившись в рыхлого придурковатого подростка в круглых очечках. Маму звали Нина Иосифовна (хотя непонятно было, каким боком этот мифический Иосиф вообще мог оказаться в далекой русской деревне), а ее великовозрастного сына – Василий. Вечно невымытые волосы что у нее, что у ее девятнадцатилетнего «малыша» были зачесаны назад старушечьими коричневыми гребнями, и если у мамыши это выглядело более или менее к месту, то у парня – довольно странно. У обоих на лице красовалась подозрительная улыбка, придававшая их лицам какое-то нецензурное выражение, постоянная, никогда их не оставляющая, независимо от того, о чем и с кем они разговаривали. Как же, как же, читалось по этой улыбке, вы уж говорите что хотите, а мы себе сами все знаем, и знаем правильно. Да, они обладали полной информацией о жизни целого подъезда, а может, даже и всего дома: кто из соседей куда ходит, что покупает и на сколько уезжает из квартиры, поэтому считали себя персонами ключевыми и чуть ли не самыми важными. А в подъезде-то жил, на минуточку, оscarоносный режиссер Сергей Бондарчук с женой неземной красоты Ириной Скобцевой, а в соседних подъездах – замечательные актеры Наталья Селезнева, Олег Ефремов, Владимир Басов, а еще много заслуженных ученых, в основном физиков-ядерщиков и просто физиков. Жили себе и жили, кто со двора, кто с улицы подкатывали вплотную к подъезду на персональных черных «Волгах» с водителями, приветствовали консьержей и

поднимались ввысь на скрипучем лифте. Поэтому Нина Иосифовна цену себе, уж будь здоров, знала.

На первом этаже за лифтом, где почти на уровне земли зияло большое грязное окно во двор, мама с сыном оборудовали себе каморку с двумя топчанами, тумбой с электрической плиткой и старым ободраным креслом, которое притащили с помойки. Это унылое жильё от парадной жизни подъезда отгораживала цветастая занавесочка на провисшей бечевке, почти ничего не скрывающая, а лишь подчеркивающая безнадежность и убогость их безотрадного существования. На плите вечно стояла зеленая эмалированная пятилитровая кастрюля, в которой всегда что-то булькало и выкипало, судя по запаху – вечные щи или что-то капустное. И хотя кто-то из них постоянно находился с этой булькающей кастрюлей рядом, каждый день у них что-то все равно, шипя, обязательно подгорало, и тогда мерзкий удушливый смрад поднимался до четвертого этажа и проникал внутрь квартиры Крещенских. Лидка пыталась с ними говорить, что, мол, мало того что вечно кислый запах в подъезде, тараканы, так еще и пожароопасно, загореться может.

– Как вы вообще дышите этим воздухом, Нина Иосифовна? – негодуя спросила Лидка, поводя носом.

– А мы не затыкаемся, – безапелляционно ответила лифтерша и грузно села, по-мужски широко расставив ноги и буравя ее цепкими злыми глазами. – Если хотите – пишите жалобу, – выдавила она из себя. – Нам тоже питаться надо, мы, между прочим, рабочие люди, а тут не предусмотрено. – А по глазам читалось: «Это вы там, баре зажавшиеся, жируете на своих этажах, а мы, простой люд, можно сказать, подножным кормом питаемся, горбатимся тут на вас...»

Лида в глубине души Нину Иосифовну, конечно, жалела как человека, полностью неустроенного в жизни, да еще с этим ее придурковатым сыночком, но что можно было сделать, не портить же с ними отношения, приходилось терпеть. Раз написала в ЖЭК, что хорошо бы улучшить им условия проживания, но ответ был категоричный – их прописка находится далеко от Москвы, пусть снимают жильё. Варят щи там. В общем, бесполезно.

Но в любом случае наличие лифтеров было огромным плюсом. Именно они, скажем, всегда предупреждали о пожаре. Да, пожар был сезонным явлением в доме 9 по улице Горького. Вполне обычным. Как,

например, ремонт лифта или прочистка мусоропровода. Маленькие пожарчики подванивали раз в квартал, большой, с красивыми мужественными пожарными в блестящих касках, снующими по квартирам снизу вверх, – к новогодним праздникам, когда закрывался финансовый год. Обычно горела «Галантерея», занимающая два нижних этажа на самом углу их дома, прямо под квартирами подъезда номер 4. Горела всегда она и только она. Кто-то из продавцов или служащих оставлял без присмотра кипятильник, аккуратно положенный на бухгалтерские отчеты, или вдруг тлеющий бычок случайно падал в папку с документами, и пошло-поехало – дым, гарь, вонь по всему подъезду, разгоряченный и запыхавшийся Василий, яростно стучащий в дверь (электричество сразу вырубали), темень, беготня пожарных по подъезду и Крещенские, прилипшие к окнам, чтобы понаблюдать за суетой пожарных машин у Почтамта. Пожарное явление это было довольно частым и не вызывало в подъезде большого ажиотажа. Наоборот, вносило в жизнь толику экстравагантности и романтизма. «Опять пожар?» – якобы скучающе, но при этом томно говорила Лидка, потягивая носом, когда чувствовала запах гари. Потом шла мочить тряпку и укладывала ее у входной двери, чтобы дым не особо валил в квартиру. И все ждала и ждала пожарных, а когда те приходили, глаз ее начинал блестеть, как начищенные пожарные каски, и сердце трепетало от невозможной красоты парней, даже если их лица прятались за противогазами. Но это был тот случай, когда форма решала все! И Лидка каждый раз ждала этих высоких, почти опереточных ребят, которые своими касками и резиновыми хоботками очень украшали будни, а иногда и новогодние праздники! Но все равно зорко следила, чтобы они, когда выходили из квартиры, не прибрали что-нибудь к рукам. А как же, плавали, знаем, подмигивала она.

На тумбочке, покрытой обшарпанной, некогда цветастой клеенкой, прямо около самого лифта, Крещенским оставляли письма, которые приходили не с почтой, а которые приносили просто так. Те товарищи, кто приносил эти письма «просто так», часто требовали разрешить им подняться в квартиру и вручить их адресату лично. Надо отдать должное Нине Иосифовне, несмотря на все ее странности, служебные функции она выполняла исправно – подняться чужим она почти никогда не давала, за редким исключением, и выгоняла их из подъезда сразу, как только они вручали ей корреспонденцию. Но все равно эти

пришлые часто оставались караулить Крещенского у подъезда. Женщины с детьми, например, которых Роберт срочно должен был признать своими. Такие выстаивали часами, притаившись в ожидании где-нибудь за машиной, а потом, налетев на него как коршуны, начинали кудахтать, стыдить, убеждать, доказывать его мифическое отцовство.

– Вон, родинка у ребенка, видите? Видите, значит, ваш сын! Вы же были в шестьдесят восьмом году в Курске со стихами? Были! Значит, Матвейка ваш!

Роберт все сразу понимал – не единичный случай – и спокойно давал денег на обратный билет с чаевыми. Вопрос отцовства чаще всего отпадал сам собой.

Заявлялись и поэты, которые претендовали на авторство, и часто отделаться от них было намного сложнее.

Как-то промозглым весенним вечером к подъезду подошел человек с портфелем, в костюме и даже в шляпе. Сначала пообщался с лифтершей, потом стал курить у подъезда, ждать, пока подъедут Роберт с Аллой:

– Роберт Иванович! Добрый вечер! Мне надо с вами поговорить! – Мужчина ежился на ветру, и видно было, что стоит он тут уже порядочно. Его светлые, почти белесые глаза бегали, суетились, руки тоже были беспокойны. – У вас найдется для меня минутка? – интеллигентно спросил он.

Роберт посмотрел на Аллу и подтолкнул ее к подъезду, давая понять, что лучше зайти внутрь от греха подальше. Но Алла мужа в сомнительных ситуациях никогда не бросала и решительно осталась, чтобы задавить чужака численным превосходством.

– Слушаю вас. – Роберт не очень любил все эти приходы, но куда уже было деваться, пришел, надо выслушать, делать нечего.

Мужчина немного помялся и сказал, резко перейдя на «ты»:

– Роберт, послушай меня! Я все продумал.

– Что именно?

– То, как мы будем жить дальше. Я так больше не могу! Неужели тебе не стыдно? Неужели совесть не мучает? Зачем ты вынимаешь из моей головы стихи и выдаешь за свои?! И делаешь это ночью, когда я сплю и совершенно не могу тебе противостоять.

– То есть вы считаете, что я прихожу к вам ночью, вынимаю из вашей головы стихи и выдаю за свои? – сразу нашелся Роберт. – А как же я это делаю? Вы что-то чувствуете?

Мужчина замешкался и недоуменно посмотрел на Крещенского.

– Не делай вид, все ты прекрасно знаешь! У тебя целая технология, я уверен! В твоих стихах я слышу мои самые лучшие строчки! Это мне первому пришло в голову так написать о войне, это была моя история, именно моя – «был он рыжим, как из рыжиков рагу»! А вот это, мое самое любимое:

А когда он упал – некрасиво, неправильно,
в атакующем крике вывернув рот,
то на всей земле не хватило мрамора,
чтобы вырубить парня
в полный рост!

– Да и не только это, весь «Реквием» тоже мой! «Помните! Через века, через года помните!» – мужчина поднял шляпу вверх и стал читать громко, пафосно, горделиво поглядывая на Роберта, мол, ну, как я написал, узнаешь?

– Ладно, я больше так не буду. Никогда, – вдруг совершенно неожиданно для себя самого ответил Роберт, и эта детская успокаивалка волшебным образом подействовала и на пришедшего.

– Спасибо, Роберт, я знал, что мы придем к консенсусу.

И все. Развернулся и быстро пошагал прочь, словно добился того, ради чего пришел.

Много народа заявлялось, народная тропа не зарастала, и это стало вполне привычным явлением, некоторой отличительной чертой этого адреса.

Ирка Королёва

Катерина оканчивала школу, и, несмотря на то что добираться до нее надо было теперь порядочно – где Горького и где Кутузовский, – вопрос о переходе в другую, которая под самым боком, на Герцена, конечно же, не стоял. Друзья, учителя, привычки, отношения – куда все это прикажете деть? Да и от лучшей подруги Ирки Королевой, той, что с первого класса рука об руку, бок о бок, плечом к плечу, трудно было оторваться. Девчонкой она была хоть и милой, но отлётистой, и ее ангельская внешность была абсолютным контрастом острому язычку. Могла сказануть так сказануть, за словом в карман не лезла. И пахло от нее всегда почему-то печеньем курабье. Она часто и подолгу засиживалась теперь у Крещенских на Горького, ведь ее родители-геологи стали много мотаться по экспедициям, а Ирке дома было одиноко. Тем более маленькая Катина сестричка очень оживляла жизнь. Девчонки не спускали ее с рук, нянчили, баловали, особенно когда нянька-церберша была занята на кухне. Так-то она всех к Лиске ревновала, начиная с родной матери и кончая сестрой. Но больше всего доставалось Кате – как нянька увидит руки, протянутые к сестренке, так зашипит, едко зыркнув: не трогай рабенка, положи на место, не мешай, иди делать свои уроки – и встанет над мелкой, как ошипанная наседка, раскинув облезлые крылья и прикрыв ее своим немощным тельцем. Девчонкам приходилось довольствоваться малым, но и за это недолгое время, что им удавалось урвать в Нюркино отсутствие, они вдоволь успевали натютюшкаться с Лиской. А когда Ира оставалась у Кати ночевать – случалось и такое, – счастьем не было предела: сказки, рассказанные сестренке на ночь, простые, легко запоминающиеся стишочки, совершенно забытые колыбельные в нежном, чуть слышном Иркином исполнении, раннее пробуждение девчонок по первому пробному Лискиному зову и ее сладкие улыбки, милое воркование, кокетливые светлые глазки, все еще восхитительный запах от ее пушистого темечка – все это удваивало девичьи инстинкты, будоражило, пробуждало их женскую сущность. Они часто гадали, сколько народят детей, сколько будет мальчиков, сколько девочек, выбирали ребеночки имена, думали, кем их дети станут.

А еще по ночам зачитывались похождениями восхитительной Анжелики. По большому благу достали роман Анн и Сержа Голон «Анжелика – маркиза ангелов», этокое девичье пособие, помогающее разбудить пока еще дремлющую чувственность. Это было похлеще, чем «Три мушкетера», даже намного более подходящее чтение для неокрепшего девчоночьего возраста. «Он чувствует, как чуткие руки жены судорожно упираются в его плечи, – с придыханием и чуть запинаясь читала вслух Катя, – отталкивают его, но он только крепче обнимает ее, не в силах отпустить, оторваться от нее. И хотя мысли Анжелики блуждают где-то вдали от него, в бесплодном одиночестве, тело ее совсем рядом с его губами, и Жоффрей не может отказаться от ее влекущей красоты, даже если она вся сжимается под его поцелуями, даже если этот ее отказ раздражает его и в то же время разжигает в нем еще более страстное желание...»

Второклашки Катя и Ирка

Как можно было спокойно уснуть после такого... Но больше всего девчонки любили, когда Катины родители куда-то уезжали, поохотиться на привидение, которое, по тайным рассказам Лидки, жило в чуланчике у Робочки в кабинете. Ночью, тихонечко прокрадываясь в папин кабинет мимо Лидкиной комнаты, чтобы ее, не дай бог, не разбудить, они шарахались от любой тени и вздрагивали от малейшего скрипа и, добравшись наконец, куда надо, засаживались на диванчик в угол кабинета в ожидании неизвестно чего. Катя на всякий случай всегда мусолила в руках выключатель от настольной лампы, чтобы, если приспичит, осветить комнату и прогнать страх, а Ирка снимала со стенки – Катя разрешала – африканское копье, чтобы в критической ситуации было чем отбиваться. Но совсем уж критических ситуаций не было и случая отбиваться пока не представлялось. Однажды только в чуланчике кто-то глубоко и протяжно вздохнул, девочки хором вздрогнули, но решили списать этот звук на затормозившую под окнами внизу машину. Зато с тех пор поверили во что-то таинственное и больше засаду на призраков не устраивали, береженого бог бережет, решили.

Лидка, Лидия Яковлевна, Ирку любила, выделяла среди других Катиных подруг и сильно, очень по-бабушкиному жалела, переживая из-за вечной ее неприкаянности и никому ненужности.

Неординарная, живая, часто смешная и смешливая, в общем, как казалось Кате, совсем не от мира сего, а скорее из какой-то сказки, Ирка очень привлекала к себе людей, выделяясь из серой невзрачной толпы ровесников невероятной яркостью и самобытностью. Этой необычностью она и притягивала Катю. А еще был у нее небольшой милый тик – она непроизвольно подмигивала одним глазом, словно хотела что-то сказать, но не здесь и не сейчас. Позже. И выглядело это очень по-заговорщицки. Голос имела звонкий и какой-то неземной, могла взять и ни с того ни с сего запеть в метро, нежно, по-ангельски, просто так, от скукоты:

На окраине где-то города
Я в убогой семье родилась,
Горе мыкая, лет пятнадцати
На кирпичный завод нанялась.

Было трудно мне время первое,
Но зато, проработавши год,
За веселый гул, за кирпичики
Полюбила я этот завод!

Граждане в вагоне сначала опасливо оглядывались и даже шарахались, но быстро проникались к милой девочке, к ее ясному и чистому голосу и даже к кирпичному заводу, начинали слушать с интересом и участием.

На заводе том Сеньку встретила...
Лишь, бывало, слышу гудок,
Руки вымою и бегу к нему
В мастерскую, набросив платок.
Каждую ноченьку мы встречались,
Где кирпич образует проход...
Вот за Сеньку-то, за кирпичики
И любила я этот завод...

Знала таких песен бесчисленное множество, откуда все они вошли в ее такой недетский репертуар, Катя долго не могла понять, хоть и спрашивала, пока наконец сама Ирка как-то не призналась, что их ей пела бабушка вместо колыбельных. А бабушка-то у нее была будь здоров – Ирка рассказывала о ней с гордостью, словно о живом сказочном персонаже, скорее всего, они и были с ней из одной сказки.

Просидела и промоталась Иркина баба Люба десять лет по тюрьмам и ссылкам якобы за растрату, а на самом деле решили на предприятии сделать ее крайней, обычное дело – рядовой бухгалтер часового завода, начальство проворовалось, а ее и бросили в пасть зверю. Ирки тогда еще и на свете не было. В семье это, конечно, скрывали, стыдились такой героической семейной биографии, но времени сколько уже прошло, почему бы лучшей подружке-то об этом не рассказать. Так Катя после очередной Иркиной арии о несчастной блатной любви узнала все заодно и про бабулю.

Отбыв положенное, бабушка вынесла на волю много всего любопытного, тщательно уложив в голове целую коллекцию тюремных

и матерных песен, словно они были аккуратно записаны по номерам. А Ирка, напичканная с детства таким фольклорным богатством, щедро делилась им с окружающими. Один раз внезапно спела у Крещенских, когда именитые гости восседали за столом, – те прямо рот открыли! А там сплошь композиторы да певцы, все значительные и штучные, отродясь подобного не слышали, чтоб такая молодая да настолько проникновенно спела, с такой душой и чувством, еще и невероятно чисто, словно все возможные консерватории уже окончила. А было-то Ире лет пятнадцать всего, самородок. Исполнила она тогда гостям две песни, Алла Борисовна попросила, Катина мама, хотела похвастаться юным дарованием, ну и знала, конечно, чем удивить таких именитых.

– Девочка моя! – Великий Фельдман, который композитор, смотрел на улыбающуюся и чуть раскрасневшуюся после пения Ирку. – Откуда ж ты такая взялась? Я и песен таких не знаю, и, чтоб так в твоём возрасте пели, честно, никогда и не слышал.

– Да, интересная исполнительница, – согласился один из известных баритонов, Борис Пуляев, который с невероятным успехом выступал и в Большом, и на эстраде, отличался сочным мясистым голосом необычайной глубины, который невозможно было не узнать, – но песни довольно своеобразные для такой молодой девушки. А вы никогда не пробовали, скажем, спеть романс? Или, чтобы по возрасту ближе, комсомольские песни, молодежные, песни о родине?

– Я только одну пионерскую знаю, – сказала Ирка, заложив руки за спину и нервно подмигнув баритону.

– Вот это интересно, это как раз подойдет! Вы тоже а капелла споете или мне вам подыграть? – спросил Борис, на всякий случай садясь к роялю.

– Не, спасибо, я так.

Ира глянула на потолок, словно там должны были нарисоваться слова, и затянула:

Залегла тайга в тумане сером,
От большого тракта в стороне.
Для ребят хорошим был примером
На деревне Паша-пионер.

Красный галстук Паша нес не даром,
За учебу брался горячо.

Пряча хлеб, тая зерно в амбарах,
Не любило Пашу кулачье.

Был с врагом в борьбе Морозов Паша
И других бороться с ним учил.
Перед всей деревней выступая,
Своего отца разоблачил.

За селом цвели густые травы,
Колосился хлеб в полях, звеня.
За отца жестокою расправой
Угрожала Павлику родня.

Вечер тихий, теплый, летний,
Час, когда не вздрогнет лист.
Из тайги с братишкой малолетним
Не вернулся Паша-коммунист.

Собирала ночь седы туманы,
Расходился ливный дождь прямой.
Пионер, один из самых лучших,
Не вернулся в эту ночь домой.

Последние жалостливые слова Ира пела уже со слезой, которая вот-вот норовила скатиться из левого глаза и скатилась-таки, когда глаз в очередной раз подморгнул.

Планы на жизнь

Катя подружкой гордилась. У самой Кати, как она считала, не было таких явных и ярких талантов, хотя проявиться им было бы уже пора, десятый класс все-таки. Хороший английский язык разве что – ну его уже многие знают, это вам не десять лет назад, когда спецшкол с углубленным изучением языка почти не было. Языком уже совсем никого не удивишь. Ну что еще? С голосом и слухом неважно, с рисованием тоже вполне обычно – пейзажики, собачки, домики, уровень так себе. Танцы-шманцы – тоже мимо, как все, не виртуоз. Ну разве что сочинения хорошо и грамотно писала. В общем, ничего особенно яркого, как в Ирке, у Кати не было, но она сама на этот счет не очень заморачивалась. Придет оно, никуда не денется, найдется и в ней что-нибудь такое изюмистое, размышляла девочка о своем будущем, вон сколько времени еще впереди, целая жизнь. И пока все беззаботно и розово, зачем думать о жизни, когда основное решается за тебя, когда рядом любимые родители, бабушка и сестричка и оно все идет и идет себе по накатанной.

Хотя с Ирккой они давно уже потихоньку начинали обсуждать, что станут делать после школы, куда пойдут учиться. Катя, в общем-то, мечтала о карьере врача, а именно педиатра, детей любила и хотела приложить руку, знания и что там у нее еще было к тому, чтобы все они по возможности не сильно болели, но понимала, что с ее неприятием математики и всех связанных с ней предметов, которые надо сдавать на вступительных, в мединститут ей не пройти. Ходила даже смотреть, как родительские друзья-хирурги проводят операции на сердце или, скажем, на легких, роды видела, очень понравилось, кстати, задумалась даже о профессии акушера. Но с приближением выпускных все больше осознавала, что нет, никак не сможет выучить химию, сколько ни зубри. Биология и русский не проблема, а химия никаким боком. Это ж, говорят, приоритетный предмет для медицинского института, а она в приоритетном полный ноль! Нет, будет просто неприлично. Ирка же, наоборот, в себе была уверена и знала, что поступит на геолого-разведывательный, пойдет по родительским стопам.

– Там все уже разведали, никаких тайн в земле не осталось, пошла бы лучше на экологию, новое направление, говорят, очень

перспективное! Будешь зеленью управлять и чистым воздухом! – пыталась урезонить подругу Катя.

– Ну вот еще! Это ты специалист по зелени, а я совершенно не вижу себя в этой профессии! Не, мне б камушки поискать, покопаться, в походы походить... И потом, знаешь, можно же не только камни искать, но и песни у древних бабок выспрашивать и записывать! Это ж тоже добыча редкостей! Но главное, природа, походы...

– Эх, а я бы, знаешь что, – вздохнула Катя, – я б с удовольствием экологией занялась, а потом, уже со знанием дела, какой-нибудь пустырь в Москве прикупила бы и стала там насаждать... Деревьев редкой красоты с густыми кустами, чтоб размножить их до невозможности, чтоб росли стеной вокруг и воздух освежали. Обязательно вырыла бы маленький прудик, карасиков туда выпустила бы из большого Переделкинского, другой какой рыбешки, а птички бы сами налетели, на деревьях завелись с песнями своими весенними. Зверь бы мелкий в этот лесок набежал, белки там всякие, остатки зайцев с округи – есть же еще зайцы в парках! – может, и эти, как их там, трепетные лани пожаловали б. Цветуйки бы расцвета-а-а-али, – Катя чуть не запела, уносясь мыслями в тот чудный райский сад, – пчелок приманивали парфюмом своим. Сама б на дереве скворечник себе построила, чтоб с обзором и подальше от людей, ты бы ко мне, Королева, в гости приходила. – Катя мечтательно закатила глаза, словно где-то там моментально вырисовывались все эти фантазии. – Ходила б дозором по территории с рогаткой – чуть кто соберется копать что, насаждения топтать, рубить деревья или еще как-то гадить – тут я им р-р-раз из рогатки по жопе – эй, не лезь! – и Катя наглядно показала, как она целится из рогатки. – Ну вот, парочки б там гуляли, на цветочки полевые смотрели, чего их рвать-то, на них смотреть надо и радоваться! Зверье б кормили с руки – а те бы и не боялись, подходили б к людям, брали хлебушек с ладошек мягкими губами. Дышать бы приходили баушки с внучатами...

– Ха, Крещенская, ну ты и размечталась! Как тебя унесло-то! Сказительница! Нет, все равно, хоть и красиво мечтаешь, не мое это все, не хочу!

В общем, романтика походов, сидение у костра, бардовские песни под гитару, суп из котелка влекли Ирку безоглядно. Но ни родители-

геологи, ни железные руды и россыпи самоцветов так не звали ее, как первая девичья любовь.

Ира уже как-то рассказывала Кате, что прошлым летом познакомилась с одним парнем в молодежном геолого-разведывательном лагере. Он приехал туда с сестрой, сам был на четыре года старше Ирки, брал опытом, гитарой, напором и, что скрывать, шикарной блондинистой шевелюрой. Сеструха была под стать, веселая, заводная, компанейская. Так и ходили парой – друг за друга горой. Ирка даже пожалела тогда, что на свете одна-одинешенька у родителей, ни сестры, ни брата, а как было бы хорошо иметь опору и защиту. Девушку звали Майей, а парнишку очень необычно – Гелием. Видимо, родители были химиками и им в голову не пришло ничего лучшего, чем назвать мальчика в честь инертного одноатомного газа без цвета, вкуса и запаха. Но не все же девочки об этом знали, точнее, почти никто, и звучало имя Гелий красиво и очень даже позаграничному. Тем более, надо сказать, что одноатомный Гелий этот пользовался в лесах большим успехом! Только представьте картину – духмяная лесная опушка, костерок дымит, полешки трещат, снопы искорок поднимаются в небо, пахнет чем-то ночным, будоражающим, не то цветущими папоротниками, не то русалочьей чешуей, и посреди всей этой сказки – он, эдакий бременский музыкант в окружении девчонок и других невзрачных парней, бренчит на гитаре, и еще голос у него такой, чуть с хрипотцой:

Милая моя, солнышко лесное,
Где, в каких краях встретишься со мною?

Представили? Тогда и представьте, что творилось в Иркином сердце – уже не совсем девчачьем, но еще и не вполне женском. Иванушка этот, а точнее Гелий, выделял ее из всех остальных, сначала, может, только как партнершу по пению, и она подпевала ему чистым ласковым голоском, отчего дуэт их казался нежным и очень слаженным. Потом присмотрелся к ней и решил, что на безрыбье почему бы и нет. Летом они всласть погуляли, но без греха, спелись, рассмотрели друг друга попристальней и решили продолжить общаться и после лагеря. По умолчанию, конечно же, не обсуждая вслух.

Как-то Ирка призналась в этом Кате, сказала просто и буднично, но нервно сглотнув слюну – волновалась:

– Катька, у меня появился парень. Красивый до изнеможения...

Парень? И не из школы! И старше на четыре года, почти взрослый мужчина! И даже мама ее не знает!

– Не хочу ей говорить, сразу начнется: тебе еще рано гулять, сначала закончи школу, что за распушенность, вот я в твои годы, как так можно – ну все вот это, ты понимаешь...

Половой вопрос

Катя, конечно, все уже понимала. Специальных, точнее, каких-то образовательных разговоров о мальчиках, их желаниях и анатомических подробностях родители с ней не заводили, как-то это совсем не было принято. Все она узнавала из красочных воспоминаний бабушки Лиды, Лидки, как все ее звали любя. Она рассказывала много важного для внучки как бы невзначай, не заостряя на этом особого внимания, вроде как проходя, но обязательно с некоторыми паузами, чтобы информация улеглась получше. А с другой стороны, когда Катя ездила в гости к другой бабушке, Вере, папиной маме, то шла сразу не за стол, где дымились, поджидая, сибирские самолепные пельмени, а отправлялась напрямиком в спальню, где стояла большая книжная полка с разными медицинскими учебниками, справочниками и анатомическими атласами. Особенно хорош был один красавец атлас невероятного формата, антикварный, намного крупнее, чем любой школьный, еле в руках можно было удержать. Картинки там были – заглядение, красочные на удивление и подробные до неприличия. Катя изучила его от корки до корки, поэтому теорию знала на твердую пятерку, а для практики себя пока берегла. Поэтому завидовать Ирке? Нет, зачем, всему свое место и время, думала Катерина, но слушала Иркины откровения с нескрываемым трепетом и восторгом.

– Он все к себе домой зовет, но я чего-то боюсь. Ясно же, что захочет... А мне страшно. Целоваться – это одно, а он рассчитывает на большее. А вдруг он будет какой-то разнузданный?

– Конечно, будет и рассчитывает, иначе зачем тогда к себе зазывать? И приставать станет, точно, ты же сама все прекрасно понимаешь! – Девочки сидели у Кати в комнате на подоконнике, смотрели на толпящиеся внизу машины и принимали важное решение – когда Ирке наконец дать своему хахалю. – Мальчишкам только это и нужно, так уж они устроены.

– Он совсем уже не мальчик и вообще не такой, как все эти наши ребята в классе. Он взрослый и все понимает. Сказал, что меня любит, представляешь? Мне еще никто такого не говорил. – Ирка замолчала, глаза ее заволокло, она снова уставилась в окно, поджав ноги, и нервно заморгала глазом. То ли вспоминала чего, то ли раздумывала.

– Я сегодня ночью не спала и думала: а если он не дождется меня и бросит?

– Бросит, значит, не любит, а если любит, будет ждать, – совершенно резонно и чуть по-бабьи заметила Катя. – Он же сам признался, никто его за язык не тянул. Ты же не какая-то подзаборная давалка, – Катя поразилась своей смелости так ярко высказаться, – а девочка из интеллигентной, порядочной семьи.

– Знаешь, он такой... такой... – Ирка, казалось, и не услышала ее, она была вся в своих мыслях. – Он такой... – еще раз повторила она и закатила глаза, видимо выражая этим высшую степень восхищения. – Когда иду с ним по улице, все вокруг шеи на него сворачивают, даже мужчины. Сама себе иногда завидую, правда. Он ни на кого не похож. Мне, с одной стороны, хорошо, что именно я рядом, а с другой – все равно страшно – вдруг бросит? – Ира снова осеклась и села поудобнее, опершись о раму. – Вот ты много всяких книжек начиталась, что там пишут, как в первый раз-то, больно? Мне и спросить не у кого, это ж очень стыдно, даже думать об этом стыдно, не то что спрашивать! – Ирка покраснелась, запахла сладким курабье сильнее, чем обычно, и засветилась озабоченной восхищенностью, словно первый раз должен был случиться прямо сейчас, на этом подоконнике с видом на Почтамт.

– Я читала, конечно, но все это сугубо медицинские факты. Тебя ж не сама анатомия интересует, это, я надеюсь, ты знаешь. – Катя попыталась уйти от ответа. Тема была слишком уж щепетильная, и неловко все это было так откровенно обсуждать.

– Ну расскажи хоть что-нибудь, у кого мне еще спросить, а ты практически без пяти минут врач. Я из этой потаенной области только всякие песни знаю, вот и вся моя практика. – И тихонечко, вполголоса запела, слегка пританцовывая по комнате:

Ах ты, моя юбка,
Юбка-раздувалка,
А под моей юбкой
Денег добывалка!

Катя заулыбалась и пошла рядом с ней павой, быстренько составив ей компанию. Она была в брючках, но делала вид, что развеивает юбку на цыганский манер, и танец получился очень даже зажигательный.

– Ну это уже совсем из другой оперы, Королева, надеюсь, деньги ты будешь добывать какими-нибудь другими способами! – И девчонки, топая под воображаемую музыку, заржали как две молодые лошадки. Потом обе уселись на подоконник, это было их любимое место в комнате. Насест, как называла его Лидка. Помимо двух маленьких фикусов и цикламена – Лидка обожала цикламены и оставляла торчащий клубень, даже когда они отцветали, – на подоконнике лежали еще две подушечки. Их Лидка называла поджопниками. В прихожей раздался требовательный звонок в дверь и почти сразу зазвучал веселый голос сестрички, вернувшейся с гулянья.

– Ну давай рассказывай, пока Лиска к нам не пришла! А то и ее придется обучать, – прыснула Ирка.

– Ну ладно, – вздохнула Катя, слезла с подоконника и заходила по комнате, как учительница младших классов, которая объясняет деткам основы сложения и вычитания. – Только с чего бы начать... Ну, смотри, гимен, как правило, нарушается при первом половом акте. Гимен – это по-латыни девственная плева. Но бывает и аплазия, это когда девственной плевы вообще нет. Тогда точно не больно. Но такое очень редко встречается, это тебе так, для информации. С биологической точки зрения гимен играет роль защитного барьера от бактерий до момента половой зрелости. В остальном же девственная плева – рудимент.

– А свадебный магазин «Гименей» имеет отношение к гимену? – улыбнувшись, спросила Ирка.

– Ну конечно, слова же однокоренные... – призадумалась Катя.

– Ну ни фига себе, неужели его в честь девственной плевы назвали? Никогда бы не догадалась. – Ирка даже присвистнула и нервно хохотнула, снова подмигнув.

– Да нет, Королева, это вроде как в честь божества, ну брачного бога, Гименя.

В комнату, разок вежливо стукнув, вошла Лида.

– Пойдемте, кошечки мои, я чай с сырничками приготовила, перекусить пора.

Вслед за бабушкой в комнату радостно вбежала маленькая розовощекая Лиска и постаралась с ходу залезть к Кате на руки.

– Не догонишь, не догонишь! – звонко кричала она, пытаясь спрятаться от Нюрки. Но не тут-то было, на пороге появилась нянька и,

грозно взглянув на Катю, словно та украла сестру и уже попросила выкуп, подхватила Лиску и понесла вон из комнаты. Лидка махнула рукой Нюрке вслед – не обращай, мол, внимания, козочка, обычное дело. – Давайте, жду вас!

– Мы сейчас придем, только урок доучим... – сказала Катя и прыснула от смеха, Ирка же, наоборот, густо покраснела.

– Учтите, чай остывает. – Лида ушла на кухню, а девчонки продолжили важный разговор.

– Вот, значит, нарушение девственной плевы происходит при введении полового члена во влагалище, – Катя произнесла это как можно тише, но ее слегка передернуло от того, что сказала такое вслух, одно дело – читать об этом в медицинской литературе, там все иначе, привычно, что ли, а другое – говорить подруге. Но решила эмоции не показывать и сухо продолжила: – Еще один важный вопрос – это кровотечение во время дефлорации. Оно может быть, а может и не быть, это по-разному, заранее не скажешь, будет или нет, зависит от анатомии. Ну и про боль. Из того, что я прочитала, я поняла, что бояться первого раза не стоит, потому что ожидание боли провоцирует страх, который приводит к спазмам мышц влагалища, а это как раз и создает помеху проникновению полового члена, понимаешь?

Ирка непроизвольно кивнула, хотя тоже была под впечатлением от такого количества запретных слов, поэтому скорее купалась в этой волшебной музыке, а не вслушивалась в смысл.

– Ну ты можешь простыми словами сказать – больно или нет? Мне же надо морально подготовиться.

– Нашла у кого спрашивать, я ж теоретик! Надо у Ольки Разумовской узнать или у Машки Притыкиной, у этих девочек с честными глазами, они хоть практикой занимаются! Вот где кладезь информации! Короче, подытожим: если будешь бояться, то больно и страшно, если не испугаешься, то мило и весело! – И обе они, лихо заржав, будто все это тайное, но вполне милое и достаточно веселое уже позади, наперегонки бросились на кухню к сырникам, застряв и потолкавшись немного в дверях.

Стол на кухне был накрыт. Кухня Крещенским досталась необычная, двухрукавная – большая комната с окном и балконом, не до конца разделенная стенкой на две неравные части. В одном рукаве, который поменьше, находилась рабочая зона, стоял холодильник, плита,

здесь готовили, в другом, покрупнее, помещался большой обеденный стол с уютной лампой. Летом было особенно душевно – дверцы балкона распахивались, дворовый воздух шевелил занавески и создавалось приятное дачное ощущение – птички поют, перебрехиваются собаки, над тарелками вяло кружат, иногда присаживаясь, мухи, городских звуков почти не слышно и даже запахи доносятся какие-то загородные.

Стенки кухни, как и в остальной квартире, были увешаны старинными картами Москвы и картинами, на которых тоже была изображена столица. Роберт собрал уже целую коллекцию, посвященную городу, в котором он сам не родился, но который его захватил полностью и стал своим. Задумал как-то пару лет назад написать большую поэму о Белокаменной, серьезную, с историческими отступлениями, стал собирать по букинистам книжки, копаться, изучать историю, и само собой получилось так, что дома встала сначала одна полка с удивительными старинными томами в тисненых толстых переплетах, затем вторая, потом добавились древние карты Москвы, пожелтевшие фотографии и панорамы во всю стену, а вскоре и весь кабинет стал напоминать лавку искушенного букиниста. Иногда книги по интересующей теме безоглядно скупались целыми библиотеками, случалось и такое, когда их хозяева насовсем уезжали за границу. На большом кухонном буфете только что купленные книжки и проходили адаптацию к новым условиям, акклиматизацию, так сказать, привыкали к хозяину и местности в ожидании, пока их тщательно рассортируют. Роберт, когда садился пить чай, брал одну из книг, медленно и задумчиво листал, рассматривал, читал оглавление и в конце концов откладывал на потом и уносил к себе в кабинет или оставлял на маленьком столике рядом с обеденным – такие книжки, в которых могло быть что-то ценное для рождающейся поэмы, читались в первую очередь. Книжки, которые выстраивались стопками на огромном письменном столе, постепенно просматривались и выставлялись на полки, но со временем все до единой обязательно прочитывались – через месяц ли, через несколько лет, но все до единой. Со временем они обрастали закладками, а если надобилось – и новой одежкой. Роберт обучился ремеслу переплетчика, втянулся в это дело, сначала потихоньку тренируясь на современных, но чересчур зачитанных книгах, а затем принимаясь за старинные, которые, на его взгляд,

требовали переодевания. Рабочий стол был завален невиданными инструментами, неподъемными прессами, резаками, кусками кожи, отрезами необычной узорной ткани, бархата и шелка. Весь этот новый беспорядок вокруг пишущей машинки выглядел довольно непривычно. В разговорах появились новые слова и понятия – экслибрис, ксилография, гравюра на меди, офорт, литография, блинтовое тиснение, – этот птичий язык со временем стал превращаться во все более и более понятный, уже совершенно не требующий разъяснений, а тем более перевода.

Книги вперемешку со старинными архитектурными и историческими журналами лежали стопками на буфете, Роберт привез их от какого-то знатока, которому давно сделал заказ. Ирка взяла было одну из таких отложенных, но Катя молча отобрала ее и усадила подругу за сырники.

– Ну что, все выучили? – игриво подмигнув, спросила бабушка, словно знала, что именно девчонки обсуждали у себя в комнате.

– Думаю, Ирка теперь станет круглой отличницей! Уверена даже! – прыснула Катя, густо намазывая сырник сметаной, пока тот совсем не скрылся под ней, словно под сугробом, а сверху залив еще и малиновым вареньем, пахнущим макушкой лета и спелой радостью. Ирка снова покраснелась, словно решив посостязаться цветом с вареньем, и скривилась, чтобы не засмеяться своим колокольчатым смехом.

Десятый класс уже подходил к концу, впереди маячил выпускной, но Королева никак не решалась расстаться со своей родной девственностью. Она прямо зациклилась на будущем торжественном событии, на таинственном первом разе, на своем белобрысом Гелии, который, наверное, ждал уже из последних сил, на обдумывании, как оно все произойдет. Бедная Ирка постоянно приурочивала это событие то к одному празднику, то к другому. Но вот позади было уже и 7 Ноября («нет, слишком мало времени с лета прошло, подумает, что я распутная»), и Новый год («это все-таки семейный праздник, надо с родителями отметить»), и Кровавое воскресенье (тут Ирка посчитала, что хоть название этого праздника будет целиком и полностью соответствовать происходящему, но в последний момент от этой даты тоже отказалась, так как на нее же приходился и день смерти Ленина). Следом достаточно быстро прошли 23 Февраля («это же и мне должен

быть подарок, не только ему»), и 8 Марта (а тогда Ира приболела и пролежала с температурой, тоже не срослось). На майские праздники все вроде складывалось благоприятно, но тут Гелий уехал к родственникам в деревню сажать картошку. В обычные будние дни Ирка отказывались об этом даже думать – нет и нет, это должен быть праздник! Во всяком случае, для нее. Зациклилась категорически.

Нельзя сказать, что все сводилось только к этому, они с белокрысым много встречались, гуляли и с компанией, и вдвоем, ходили в библиотеку, на концерты, рассматривали большую родительскую коллекцию камней в Ириной коммуналке с красивым видом на Москву-реку.

Катя однажды столкнулась с ним у Ирки дома. Родители ее снова уехали в экспедицию, Ирка вывихнула ногу на физкультуре, и Катя после школы забежала к ней с домашкой. Тут-то она его и заметила. Он сразу заторопился, засобирался и испарился, но Крещенская успела хорошенько его рассмотреть. Действительно, блондинистый, крупноносый, не самый высокий, весь какой-то взъерошенный и, в общем-то, сомнительный. Катя не могла объяснить почему, но именно это слово ясно проявилось у нее в голове. И глаза какие-то тусклые и застывшие, почти не мигающие. Не совсем дорисованный природой персонаж – вроде все есть, а чего-то не хватает. И зачем-то в сером клетчатом доморощенном пальто, которое ну никак не вязалось с современной жизнью. Какое-то послевоенное, что ли, куцее, подвытертое, заворсившееся, словно с чужого плеча.

– Какой товарищ! – произнесла Катя, как только он хлопнул дверью, но прозвучали ее слова достаточно неопределенно и безэмоционально, просто ей захотелось, чтобы Ирка продолжила разговор сама.

– Он, знаешь, уже на третьем курсе! – И долгая пауза, словно Катя должна была восхититься его зрелостью и мудростью. – Красивый, правда? И зовут его волшебюно – Гелий! Скажи, полный отпад?

– Ну да, вполне себе ничего чувак. Прямо ходячая таблица Менделеева. Только не забудь, что тебе еще пятнадцать. Он хоть об этом знает? – Катя не стала ждать ответа, это было, как говорила Лидка, «а пропó», по-французски это значило «между делом», и достала из портфеля тетради, разложив их на заваленном камнями столе. – Давай

по-быстрому домашку сделаем, там немного, а то я скоро должна буду уйти.

– Да сделаем, куда денемся! – Ирка даже слегка приуныла, что Катя обломала ей весь кайф и перевела разговор на уроки, вместо того чтобы еще повосхищаться ее хахалем. – Последнюю пластинку Далиды обещал притащить, представляешь?

– О, а на чем ты ее собираешься слушать? Или попроси ее на пару дней, тогда у нас покрутим. Как нога, кстати? Забыла спросить.

– Ковыляю понемногу, получше уже. В понедельник в школу пойду. – Ира продемонстрировала перевязанную ногу. – Чего там сегодня было-то?

– Контроша была по английскому – легкотня!

– Ну это тебе легкотня, а я что-то не очень врубаюсь последнее время. То ли пропустила много, то ли мозги уже не варят... В общем, что говорить, когда говорить нечего!

– Да ладно, сейчас объясню, там все несложно!

Нож гуркхов

Все стремительно шло к выпускным. Дома у Кати начали серьезно задумываться, что девочке делать после школы, куда направиться. О медицинском никто уже не мечтал, неподъемное это оказалось дело. Даже если Катя успешно сдаст биологию и русский, то химия станет тем самым длиннющим минусом, который сразу и срежет все дальнейшие усилия, так она и заявила. Нет, нет и нет, все эти валентности, альдегиды, перекиси и формулы не лезли ни в какие ворота, а тем более в ее голову. Катя эти названия запомнить не могла, не то что объяснить. Из всей химии, возможно, справилась бы только с Менделеевым, и то скорее с его биографией, от него лично плавно перейдя к дочери Любви, супруге великого Александра Блока, и далее утонув в прекрасной поэзии Серебряного века. Но связь с медициной тут совершенно не прослеживалась, а если и да, то чересчур опосредованно. Медицина так и осталась в стороне.

– Может, МГИМО? – предложил, закурив, отец. – Языки – это твое, выучишь несколько, получишь прекрасное образование в целом, а потом сможешь заняться международной журналистикой. Или пойдешь в дипломатию. – Они с Аленой только что вернулись из Индии – сплошные впечатления, а не поездка, сказали. Роберт привез оттуда странный сувенир – необычный закругленный нож в потертом кожаном чехле, который подарили ему на одной из встреч.

– Там так необычно проходили мои выступления, – начал рассказывать отец, поигрывая пепельницей и раскручивая ее на столе, как карусель, но слегка, чтобы не улетучивался пепел. – Приехали в один город недалеко от Дели, как раз на литературную конференцию, и каждый член делегации должен был провести открытый вечер, почитать стихи, ответить на вопросы тех, кто пришел. Ну и представьте себе: жара, градусов 40 в тени, выжженная поляна, посреди какое-то могучее невиданное дерево, в тени которого сидит человек 30–40, все на земле, никаких стульев. И у меня почетное место у этого толстого, необъятного ствола, по которому ползают невиданные насекомые – подойти страшно. Со мной стоит переводчица. Система такая – сначала я читаю несколько строчек стихотворения, потом помощница переводит. Но продолжать читать дальше я сразу не могу, потому что

зрители должны этот перевод усвоить, переварить и, что интересно, обсудить. Вот они сидят, слушают ее, кивают головами и начинают обмениваться между собой впечатлениями. И только когда они влать наживались, я могу продолжать читать дальше. Это странное выступление растягивается очень на долгое время. За два часа я успел прочитать всего лишь три стихотворения. И вот вижу, встает один худой старик, в тюрбане, в длинной белой робе, подходит ко мне, пока все остальные обсуждают услышанное, демонстративно поднимает свою рубаху и достает из-за пояса нож. Все, думаю, что-то ему в моих стихах не понравилось, и до такой степени не понравилось, что сейчас просто возьмет меня и зарежет. И вот он приближается ко мне с каменным лицом и с ножом наперевес. Я замер. А он подходит и двумя руками, с поклоном вручает мне этот ножик со словами: «Я столько лет прожил, но никогда ни с кем не был так согласен, как сейчас с вами, иноземцем. Даже с женой так не соглашался. Какие прекрасные слова – “чем больше отдаешь людям, тем больше им становишься должен”, как это правильно, как честно и по существу. И как красиво и точно звучит – “карандаш спорит с бессонницей”, немногие так образно выражают свои мысли... Сколько мудрости в ваших мыслях, друг. – И вкладывает этот нож мне в руки. – Это нож моего деда, он был гуркхом, солдатом, одним из лучших. Память о нем. Вы чем-то с ним похожи, хоть вы молодой, а он был древний старик, когда оставил меня. Вы, как и он, думаете обо всех, а не о себе. Я решил отдать этот нож вам». – Роберт взял нож и вынул его из чехла. На чехле было еще два потайных кармашка, где были спрятаны маленькие, почти игрушечные остренькие ножички, точные копии родителя. – Я узнал про него, про этот нож. Называется смешно – кукри. Сами гуркхи свой нож обожествляют и приписывают ему самые необычные свойства, этот нож для них – талисман. И форма у него соколиного крыла, видите? – Нож действительно напоминал крыло птицы, изгиб был довольно крут и необычен для лезвия.

– А эти, маленькие? – спросила Катя. – Чтоб точить большой?

– Наверное. А иначе зачем? Вот такие дела, девочки мои. Таких подарков мне еще никто и никогда за стихи не дарил. – Роберт снова глубоко затянулся, сигарета до половины превратилась в пепел, который не удержался и невесомо обрушился на стол. – Грамоты, награды, подарки, даже золотой веночек был, вон стоит... А чтоб так, на

другом конце света, в таком порыве и так понять... впервые... На письменный стол положу, пусть рядом со мной теперь лежит.

Застольных рассказов после поездок было всегда много, Роберт впечатления эти тщательно собирал, выдерживал, давал им, как вино, отстояться и созреть, и спустя какое-то время они приобретали совершенно другую форму, ложась на бумагу в виде путевых заметок, но чаще – стихов о том, где был, что видел, как оно там:

Жизнь,
в которой все не просто
(свеженький пример
беру),
начинается с вопроса:
«Ну
и как там
кенгуру?..»

Дальше – больше,
дальше – эхом,
колыхаясь на ветру:
«Из Австралии
приехал?!
Лихо!
Как там
кенгуру?..»
Где-то посередине ночи
трубка
прыгает в руках.
Старый друг звонит из Сочи:
«Ты вернулся?
Ну и как?..»
Я,
пыхтя и сатанея,
мямлю что-то
о Сиднее.
Он рокочет:
«Брось муру!
Расскажи

про кенгуру...»
Я охрип.
Меня морозит.
Дочка
будит поутру:
«Пап,
учительница просит
что-нибудь
про кенгуру...»
Дверь звонит —
в лице меняюсь.
В дом забился,
как в нору.
Стоит выйти...
«Извиняюсь...
Все же...
как там...
кенгуру?»»

Пусть летит над миром бранным
мой осатанелый
крик:
Кенгуру?
Читайте Брема.
Бре-м-а!
Умный был старик!

Первая родительская ссора

Однажды зимой, вернувшись из очередной долгой поездки, кажется африканской – а там все равно было лето, даже когда зима, – Роберт и Алла показались Кате слегка разобщенными и задумчивыми, хотя поначалу всячески старались этого не показывать.

Они с Лидкой встретили родителей, как водится, в Шереметьево, ждали долго, муторно, рейс задерживался, таможня всех, как обычно, тщательно досматривала, очередь на выход стояла гигантская. Роберт с Аллой наконец появились, и Катя моментально что-то почувствовала, они еще даже не подошли. Внешне вроде все было как обычно – объятия, поцелуи, радость, вопросы, но дочь же не обманешь, кровь-то одна. Какой-то нюанс, ощущение, еле заметный холодок, словно маму с папой чуть подморозили и забыли оттаять, – не замирают, встретившись взглядами, да и в глаза особо не смотрят, друг друга не касаются, трепета не чувствуется – а он всегда был! Вечно был! Катя сразу учуяла, что между родителями что-то произошло.

Ехали домой из аэропорта в тишине. Обычно Алена с Робертом, как только садились в машину, бросались рассказывать, что да как – где путешествовали, кого встречали, – переполняло их, переливало через край, накапливалось за поездку, нужно было срочно со своими поделиться. Торопились, всегда перебивая друг друга, говорили о путешествии с удовольствием, не дожидаясь, пока приедут домой, сыпали шутками, вспоминали смешные случаи и дурацкие приключения! А тут только что вернулись из Африки! Сафари, жирафы-носороги, ритуальные маски, острые копья, экзотические фрукты, съедобные жуки и аборигены обязаны были вырваться наружу еще в машине, но нет, Роберт с Аллой молчали, совсем сникнув, расслабленно и задумчиво глядя на проплывающий мимо город. Словно затаились, отвечая на дочкины вопросы нехотя и односложно, как чужие люди.

Катя и так и сяк, старалась хоть как-то разговорить отца, а он молчок – приеду, мол, домой, поговорим, устал. Да и мама казалась мрачнее тучи, все курила, упершись взглядом в окно, словно уехала только вчера, а не месяц пробыла в дальних краях. И тоже как язык проглотила. Катя скукожилась, спрашивать перестала, все пытаюсь

придумать, что такого могло между родителями произойти. Но нет, мыслей не было никаких. Она нежно обняла маму за шею и уткнулась головой в любимое плечо, вкусно пахнущее чем-то заграничным. Думать о родительской ссоре было более чем необычно, на Катиной памяти они не ссорились никогда, особенно так заметно и показательно, так на люди, чтоб все – ну не все-все, а они с Лидкой – об этом узнали. Нонсенс, полный бред. Такого никогда не было и быть не могло. Но вот случилось.

Дорога от Шереметьево до дома показалась длиннющей, словно они ехали из привычного аэропорта не домой, а в какую-то совсем другую страну. Бесконечно, виновато, мрачно и как-то болезненно, словно оба, и Алена, и Роберт, были выхолощены, опустошены. Кате показалось это до удивления странным. Постепенно начинался вечер, машины из всех переулков собирались, толпясь, на проспекте. Безмолвно проехали пока еще живенькую Ленинградку, потом застопорившийся Белорусский вокзал. Алена хотела было заговорить, но почему-то не решилась, обмякла, словно ее набили ватой, уткнулась взглядом в окно и опять закурила. Промчали Маяковку, затормозили у Пушкинской, пропуская встречный-поперечный транспорт, – и все в полной тишине. Катя заволновалась по-настоящему. Всю дорогу они с Лидкой переглядывались – что случилось-то? что же такого могло произойти? Но спросить при водителе не захотели – если не разговаривают, значит, имеют все для этого основания.

Постарались тихонько проскочить мимо консьержки Нины Иосифовны, чтобы не отвечать на вопросы, но какое там, пока разгружались, пока затаскивали чемоданы по ступенькам подъезда, пока вызывали лифт – эх, жаль, что он не стоял на первом этаже! – проскочить не получилось.

– Добрый день, с приездом, дорогой Роберт Иванович! – Роберт Иванович всегда затмевал всех остальных членов семьи. Нина Иосифовна видела только его, даже если рядом была Алена. Человек не от мира сего, живой поэт, мыслящий не обычными словами, а образами и рифмами, Богом одаренный – консьержка, если сильно прищуривалась, иногда видела у него над головой чуть заметное свечение. Только у него, ни у кого больше. Она была начитанная, Нина Иосифовна, несколько лет отработала библиотекарем в деревенском клубе и несказанно этим гордилась. Даже здесь, под лифтом у нее на

батарею стояло несколько зачитанных томиков. Видимо, поэтому она и считала, что вся пишущая братия исключительно ее подопечные и вроде как должны быть ей немного обязаны за то, что она выдавала односельчанам их книги «на почитать»: мол, возьмите, вот неплохие стихи... А уж как она обрадовалась, узнав, что в квартиру на четвертом переехал сам поэт Крещенский!

– Как съездили? Как там капиталистический Запад? Загнивает? – Иосифовна игриво поправила гребень в волосах и сощурилась в надежде на развернутый ответ о загнивании. Лида с Аленой переминались с ноги на ногу, Катя пошла вверх пешком.

– Мы были на юге, – смущенно ответил Роберт. Ему очень не хотелось вступать сейчас в разговор, и он в надежде посмотрел наверх, но лифта видно не было, только вдалеке раздавалось слабое шуршание.

– На юге? Как прекрасно! Я вот тоже разок была на юге, но дикарем, не в санатории, а воспоминания все равно чудесные! – коряво и немного заговорщицки улыбнулась Нина Иосифовна, словно Роберт должен был понять, на что она намекает.

Лифт наконец тяжело стукнул, приземлившись, Роберт открыл массивную железную дверцу и загрузил чемоданы. Самому ему места не хватило, Алена с Лидкой поместились, и лифт, кряхтя и поскрипывая, тяжело и нехотя пополз вверх. Оставаться наедине с пытливым консьержкой желания не было, продолжать воспоминания о югах тем более, и Роберт пошел пешком вслед за Катей, почти догнав лифт.

– Не надо сейчас ничего спрашивать. Пожалуйста. – Алла отвернулась лицом к дверце, чтобы не смотреть в вопрошающие материнские глаза.

– Дурочка, я просто соскучилась! – слукавила Лидка и шумно вздохнула, понимая, что между детьми, Аллусей и Робом, – а они все равно были дети – произошло что-то из ряда вон выходящее. Она закопалась в сумке, выискивая ключ со смешным брелоком, ярким веселым Микки-Маусом, которого Робочка давным-давно привез из Америки. «Мой мыш»», – говорила Лидка и очень ценила его за то, что в сумке он был виден сразу.

На пороге квартиры, тяжело дыша, появился Роберт, задумчиво втащил в квартиру пухлые чемоданы и даже не стал заносить их в комнату, чтобы открыть, что тоже было необычно, а оставил у двери.

Лидка быстро сбросила свои ненавистные боты – господи, какая стыдоба! – черные, откровенно старушечьи, с резиновой подошвой и войлочным верхом на молнии. Не ботинки, а скорее футляры для ног, совершенно расхлябанные, не держащие форму и промокающие сразу, как только она попадала в них под мокрый снег. Но носила, потому что ничего другого просто было не достать, и называла эти боты «Прощай, молодость». Хорошенько пнув их для верности, она утиной походочкой поспешила на кухню.

Обычно, как только входили в квартиру после приезда из дальних стран, еще до чая или что там на столе стояло, Алена с Робертом первым делом начинали раздавать подарки и о каждом подробно рассказывали – когда и где купили, да как, да почему выбрали именно это, а не что-то другое, пересыпая все истории зарисовками из поездки. Каждая деталь будоражила фантазию, и все было интересно. Но сейчас багаж, как чужой и неопознанный, остался стоять у входа, а Роберт с Аленой, поздоровавшись с нянькой Нюркой и с удовольствием потискав и поболтав с Лиской, разошлись по своим комнатам.

– Дай им время, Козочка, – сказала Лидка. – Сами придут, не волнуйся. Всякое бывает.

Но время давать не хотелось, Катя сразу прошла к маме. Верхний свет был выключен, только ярко горела настольная лампа, освещающая скопившиеся бумаги и письма, которые перебирала мама. Вечер уже опустился, за окном хорошенько посинело, почти почернело, и фонари уже изо всех сил освещали улицу Горького.

– Мам, чего случилось-то? – Катя решительно хотела ответа.

Мама подняла на нее грустные глаза, бросила письма, обняла дочь, крепко, но нежно, словно только что увидела.

– Пойдем, Кукочка, есть хочу, мы проголодались с дороги.

– А что ты такая грустная? Почему папа молчит? – Катю сейчас интересовало только это.

– Ты взрослая, пусть он сам тебе и расскажет. – Мама открыла дверь и вышла в коридор.

– Да что за тайны мадридского двора? Мам! Папка тебе с негритянкой изменил, что ли? – Катя захотела превратить все в шутку, попыталась даже рассмеяться, но получилось это делано и ненатурально, и она сразу пожалела, что такое сказала. Мама резко

остановилась, не дойдя до кухни, ей-то сейчас совсем было не до смеха.

– Что-о-о-о-о? Как тебе такое вообще могло прийти в голову? Что ты там себе придумала? – Говорящие мамины брови почти встретились, выражая крайнюю степень возмущения.

– Ну что я? Вы бы видели себя со стороны, тогда и возмущаться не пришлось бы! – Теперь уже Катя встала в позу сахарницы. – Мы с Лидкой очень волнуемся!

Алена, словно опомнившись, свернула в последний момент перед кухонной дверью и прошла в кабинет к мужу.

– Робочка, чай готов, пойдем, – позвала она.

«Переборщила, явно переборщила, – подумала она. – Уж если Катя с Лидкой так всполошились, то это, конечно, явный перебор. Что за говенный характер, сама с собой справиться не могу...»

Из кабинета на зов вышел Роберт, вышел с радостью, хотя вид у него был слегка виноватый и удрученный. Он обнял и поднял на руки прискакавшую к нему Лиску, но нянька сразу забрала ее, как вещь, принадлежащую только ей. Роберт проводил ее лучистым взглядом и посмотрел на жену.

– Аленушка...

Алена, сменив гнев на милость, улыбнулась в ответ и прошла к столу.

– Робочка, пойдем ужинать, и сам расскажи девочкам, что произошло, мне неприятно. – Алена закурила снова.

Стол к приезду детей – Аллы и Робы – был накрыт и, как всегда, ломился, даже скатерти видно не было. Так уж баба Поля, Лидкина мама, приучила: «У тебя ж скатерть видна, а если скатерть видна, значит, еды на столе недостаточно, пойдешь хоть картошечки свари, чтоб не стыдно было и гости насытились!» А тут не гости – свои, родные, самые любимые. И на этот раз все было расставлено как надо – тарелка к тарелке, и огурчики малосольные, и румяные, сочащиеся маслом лепешки с пылу с жару – нянька Нюрка с Лиской нажарили, Лиска-то уже была большая – пять лет! Не зря ж Лидка все семейные рецепты раздавала направо-налево! Потом еще и капуста квашеная домашняя в кузнецовской праздничной мисочке, и дефицитная любительская колбаса на овальном блюде с куриным рулетом, ну и отварная картошечка, конечно же, с чесноком, сливочным маслом (рыночным,

между прочим) и мелко-мелко нарезанным укропчиком. И главное, бублики, Аллусины любимые, плотного, крутого, неповторимого теста, румяные, с блестящей маковой присыпкой. Она их обожала, резала обычно вдоль, щедро намазывала обе половинки маслом, солила – и лучше пирожного для нее не существовало! Ругала себя за такую распущенность, конечно, а потом махала рукой – а чего тут есть, одна дырка! Этих «дырок» Лидка и накупила пять штук, как раз утром выбросили горяченькие.

Катя с Лидкой, оттеснив Нюрку в детскую, заняли форпост на кухне в ожидании, когда родители отгают, придут в себя и успокоятся до той степени, что можно будет поговорить. Лидка захлопотала на кухне, чтобы перестать нервничать, а заодно и подогреть кисло-сладкое мясо, Роберта любимое. Оно было уже с утра как готово – времени на его приготовление требовалось много, не один час, а лучше вообще было готовить за день – и на этот раз получилось как никогда восхитительно, старинный домашний рецепт. Томилось оно уже сутки, к этому времени уже расслоилось на волокна, соединившись и впитав в себя сладкую курагу и кислый чернослив, лук, который почти растворился и исчез, придав мясу неповторимый вкус и запах, именно то, что необходимо, то, как любил зять. Лидка еще раз проверила мясо, повозив в гусятнице ложкой, – кисло-сладкое мясо она делала только в старинной чугунной гусятнице – теперь попробовала на язык, подняла смачно нарисованные брови и закрыла глаза, чтобы в полной мере ощутить вкус, прислушаться. Какое-то время шамкала и чмокала на все лады, стараясь понять, чего не хватает, прислушивалась ко вкусу, правильный ли, все ли соблюдено, каков баланс кислого, сладкого и соленого, все ли так, как требует рецепт, – расплавился ли лук, не лезет ли на рожон чеснок, стушила ли морковь и – самое главное – правильной ли консистенции мясо. Все вроде сложилось, и Лидка на первый взгляд осталась довольна, хотя какой-то нюанс, как ей показалось, был упущен. Надо вскипятить еще разок, решила она.

Этим древним семейным блюдом, практически волшебным зельем, – его делала ее бабушка, и прабабушка, и прабабушка ее прабабушки – точно все до седьмого колена – она хотела смягчить настроение детей, Алены и Роберта, и по возможности примирить их еще до выяснения причин разлада. Как чувствовала, что именно его надо приготовить, ведь как чувствовала, думала Лидка.

Лидка открыла тяжелую крышку гусятницы, и кухню наполнил удивительный, не поддающийся описанию дух. Лидка принялась – она была волшебным кулинаром и теперь определила на нюх, что не хватает совсем чуть-чуть соли, посолила слегка бурлящее блюдо, снова принялась и удовлетворенно кивнула. Но еще, чтобы усилить впечатление, бросила в жаровню одну гвоздичину, самую крупную и внушительную. Снова принялась, как волчица, и подумала про себя: «Да, в самый раз. Но можно еще чуток мускатного ореха натереть, самую малость».

Она готовила как заговаривала, она старалась, словно от нее все и зависело, она варила, будто блюдо это должно было быть приготовлено по каким-то старинным магическим правилам, специально, чтобы примирить, снять обиды, успокоить, расслабить и вернуть все в прежнюю колею. Еще раз поднесла ложку ко рту, закрыла глаза, попробовала соус на вкус и на этот раз осталась довольна.

– Все, неси на стол, можно, – сказала она внучке.

Катя взяла тяжелую гусятницу, торжественно поставила посередине стола, сняла крышку и посмотрела на родителей. Оба выглядели усталыми и опустошенными после долгого перелета, лететь им пришлось с пересадками чуть ли не сутки. Но на запах отозвались, повели носом, втянув сладкий будоражащий аромат, и закивали, улыбнувшись.

Но все равно, что бы ни стояло на столе, любая еда для Роберта почти всегда начиналась с чая, свежего, только что заваренного, – он был известным чаеманом, мог и мясо запивать чаем как ни в чем не бывало.

– Фух-х-х, наконец-то мы дома. – Роберт первым делом потянулся за чайником, крупным, фарфоровым, пузатым, пусть с аляповатыми синими розами, но очень подходящим по вместимости. – Так по хорошему чаю соскучился, пили там все время какую-то парфюмерную траву с привкусом, бурду какую-то, очень тосковал по нашему настоящему чаю, привычному.

Он наполнил до краев свою большую кружку, оценил глубокий красновато-янтарный цвет, снял ложкой непонятно откуда взявшуюся пену и стал накладывать сахар. На четвертой ложке остановился – хватит. Потом отхлебнул полглоточка, улыбнулся оттаявшим взглядом и сказал:

– Мы тут с мамкой немного поспорили.

– Ну, поспорили – это слишком мягко сказано! – не очень-то благодушно прозвучал голос Алены. Видно было, что она особо не торопилась объяснять, что произошло, брови ее были все еще насуплены, взгляд довольно суровый. Она все время поправляла прическу, хотя и поправлять было нечего – волосы лежали у нее всегда безукоризненно. Но рука постоянно поднималась к голове, и это повторяющееся движение явно говорило о том, что она нервничает. Лида с Катей притихли, им давно уже не терпелось понять причину разлада, но мудрая Лидка все равно спешить не торопилась и глазами давала внучке понять, чтобы та молчала. Стоило Кате шевельнуться, Лидка сразу вылупливалась на нее все свои зеленые еврейские глаза и практически обездвиживала ее таким красноречивым взглядом.

– Я решил вступить в партию... – сказал, словно оправдываясь, Роберт.

В партию? Лидка сначала решила, что ослышалась. Робочка? В эту КаПэЭсЭс? Лидка если б могла, то обязательно бы присвистнула, но нет, свистеть она не умела. Политика никогда не занимала никакого места в жизни семьи, прилюдно ничего такого не обсуждалось, Лидка даже не припоминала, чтоб вдруг – да за столом, да о чем-то подобном. При чем тут партия? Где Роба – и где партия? С какой такой радости Робочку туда понесло? С какого такого перепуга эти параллельные решили пересечься? К партийным, честно говоря, отношение у Лидки всегда было немного недоверчивое и какое-то брезгливое, что ли, чего уж тут скрывать. Но виду, конечно, она никогда не подавала. Партия, не сама конкретно, а все, что было с ней связано, она ведь как – была средой обитания с самой ее молодости – все вокруг, вся жизнь была пропитана коммунистическими идеями, светлым путем, пятилетками, праздничными демонстрациями, песнями из радиоприемника про молодого Ленина или враждебные вихри, обилием лозунгов типа «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!», «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи!», «Народ и партия – едины!». Но все эти руководящие обещания, что нынешнее поколение молодых людей будет жить при коммунизме, оказались в итоге обычной туфтой, и Лидку к ее спелой зрелости убедить, что да, это таки когда-нибудь случится, было уже невозможно. Вранье, как есть вранье. Всю Лидкину жизнь этот коммунизм маячил где-то там, на горизонте, но чем старше Лидка

становилась, тем дальше за горизонт этот «изм» и отходил. Поэтому теперь, когда речь заходила о ярых партийцах, она всегда настораживалась и внутренне даже морщилась, но так, чтобы морщины эти на поверхность не выползали и, не дай бог, никто бы ничего не заподозрил. Мотивация была простая: партийцы всегда стояли выше на иерархической лестнице, чем простой люд, к которому Лидка себя причисляла. Хочешь, скажем, руководящую должность – пожалте сначала в партбюро! Хочешь выезжать в капиталистические страны, а не только, как она, в ГДР – снова пожалте в партбюро! Они, партийцы, и солиднее, и зажиточнее, они везде и без очереди, они и во все бочки затычки! Люди, которые заранее планируют свою жизнь в руководстве, большом или маленьком, – неважно где, главное, руководить и помыкать, хотя сами по отношению к своим хозяевам подобострастны, льстивы, с безусловным рефлексом подчинения, – фу, гадость. Лидка эту человеческую черту ненавидела. И тут вдруг такое.

Лидка представила, как Аллуся отреагировала на эту новость, и сердце ее сжалось. Робочка, наверное, долго раздумывал и мучился, чтобы принять это странное решение. Дотерпел до самолета и признался, больше терпеть, видимо, не было сил. Но Лидка безоговорочно любила зятя и могла простить ему все, даже вступление в КПСС, какая бы причина для этого ни была. Удивилась – да, но любовь от этого не померкла.

– А я ему сказала: или я, или партия! – Алена произнесла это хриплым, изможденным голосом и внимательно посмотрела на мужа. На этих словах почему-то ожила радиостанция «Маяк». «В эфире передача “Вечерний разговор”», – как нельзя кстати объявил милый женский голос. Ненавязчиво зазвучала музычка. Роберт возил в чашке ложкой, задумавшись и, видимо, выискивая еще порцию аргументов. Мясо в гусятнице уже перестало дымиться, подостыло. Лидка стала ожесточенно его раскладывать по тарелкам, словно выбор – «я или партия» – зависел и от наполнения тарелок тоже. В сторону «я», конечно. Ну а Катя сидела не в силах вымолвить ни слова, такой развязки она не ожидала.

– Объясняю. На мне всегда водораздел, – произнес Роберт. – Меня, как прокаженного, выдворяют из зала после писательских совещаний. «А теперь, – говорят, – просим остаться только членов КПСС, будем решать важные вопросы, беспартийные, покиньте зал заседаний!» И я

как побитая собака выхожу, стою под дверью, жду, когда закончатся обсуждения, чтобы кто-то из друзей мне потом все перерассказал. А я не хочу перерассказов, я из первых уст хочу! Получается, что глухой слышал, как немой рассказывал, что слепой видел, как хромой быстро-быстро бежал. Унизительно все это. Надоело. А у меня планы.

– Робочка, ну что ты такое говоришь, какие у тебя могут быть планы, связанные с партией? – Алена уронила вилку, и та громко звякнула об тарелку.

– Все просто, Аленушка, будет намного больше возможностей. Вот у меня, например, есть мечта – издать книгу стихов Марины Цветаевой, ну как издать – протолкнуть, пробить, ее ж нет, Цветаевой, забыта напрочь, несколько поколений ее не знает, для них она – великая! – не существует! Это же не какая-то там поэтесса, это поэт гигантского масштаба! Один из лучших в двадцатом веке! А после ее смерти вышел всего один сборник, и то в 1961 году! Сейчас это уже точно библиографическая редкость.

– Да уж знаю, что ты меня за нее агитируешь? И именно она, Цветаева, одна из причин, ради которой ты собираешься в партию? – Алена пыталась переварить неприятную новость, стараясь не обидеть мужа. Она внутренне понимала, что да, вступление в партию может помочь всем этим чиновничьим делам, но мысль эта ее совсем не грела. Друзья опять же не поймут. Нельзя сказать, что в друзьях были сплошь одни диссиденты, совсем нет, но объяснить им будет тяжело: как это – Роберт и вдруг такое неоднозначное решение.

– Да, а разве этого недостаточно? И Цветаева, и Мандельштам нуждаются в возрождении, а Заболоцкий, Кочетков, Мария Петровых! Много их... Кто ими займется, кому это надо? Мы даже точно не знаем, где великий Мандельштам похоронен! Где-то под Владивостоком, в одной из безымянных братских могил. Мы когда в шестьдесят девятом году там выступали, я цветочки у какой-то бабушки купил и оставил великому русскому поэту Осипу Мандельштаму просто на скамеечке.

– Робочка, у тебя какая-то личная и, прямо скажем, патологическая ответственность за все, причем врожденная. Я тебя очень хорошо понимаю, но это не совсем твое дело. На это можно всю жизнь положить, все здоровье отдать и так ничего и не добиться. – Алена уже понимала, что Роберта не переубедить, и где-то внутри даже начала принимать его мотивацию.

– Робочка, а что такого обидного в слове «поэтесса»? – решила встрять в обсуждение Лидка.

– Да ничего обидного нет, Лидия Яковлевна, но вот это расхожее и какое-то свистящее определение «поэтесса» именно к ней абсолютно не подходит, не для нее оно и не про нее сказано. Она была поэтом, большим поэтом, ну вот послушайте:

Два солнца стынут, – о Господи, пощади! —
Одно – на небе, другое – в моей груди.

Как эти солнца, – прощу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

– Ну какие они свежие, просторные, удивительные, особенные, она же писала не просто о пережитом, она всегда писала о потрясшем. Она была воительницей, амазонкой, если хотите, и интересно, что ее строки требуют наполнения голосом, словно им недостаточно того, что они написаны на бумаге, напечатаны, им обязательно хочется еще и звучать! Может быть, поэтому в стихах Цветаевой так много не синтаксических, а чисто интонационных, цветаевских знаков препинания.

«В этом весь Робочка, – подумала Алена, слушая этот его разговор с тещей. – Говорить так заразительно, так образно и по существу, с такой заботой о предмете разговора, с таким уважением к собеседнику! Одновременно понимая, что это обычный будничные разговор просто с тещей на кухне, а не где-то там, на совещании, с литературоведом или с коллегами».

– А почему ж тогда ее забыли? – Лидка разгорячилась, заблестела глазами.

– Ошибку совершила, непростительную. Говорила всегда, что она не подслушивает, а, как врач, выслушивает происходящее, и вот однажды ошиблась в диагнозе, не приняла правила игры, не приняла революцию. Ошиблась крупно для себя и, как показало время,

трагически. Она решила, что почва выбита из-под ног, она эмигрировала, чтобы не видеть, как гибнет Россия.

Лидка выпучила глаза, выражая удивление, – как это, чтобы не видеть, как гибнет Россия? Чего это ей гибнуть? Как недальновидно это было с цветаевской стороны. Те, кто так делал, обычно подписывали себе смертный приговор. Или бежали.

Катя с Лидкой, то есть с бабушкой. Хотя все ее и звали только Лидкой. Так уж повелось

– Ошибку свою она поняла позже, однако легче ей от этого не стало, стало намного трудней. Ни на кого не перекладывала вину, время

не кляла, одной себе предъявляла счет и говорила, что нет ни одного русского поэта, у которого после революции не дрогнул бы и не вырос голос. На родину тянулась, тосковала сильно. И стихи писала какие:

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все – равно, и все – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...

– И эти стихи, дорогая моя Лидия Яковлевна, кончаются многоточием, как и многие другие цветаевские стихи. А за этим многоточием мука, непередаваемая человеческая мука, вы ее почувствовали?

Лидка же чувствовала в этот момент не столько цветаевскую муку, сколько безумную гордость и безмерную нежность, что у нее такой замечательный зять, умный, понимающий, добрый и мудрый. Она бросила гордый взгляд на внучку – смотри, Козочка, и тоже гордись, вот такой у тебя папа, единственный в своем роде! Катя слушала отца с нескрываемым удовольствием. Цветаеву она, конечно, читала, дома водились ее старые, еще прижизненные книжки, аккуратно стоящие на книжной полке в отцовском кабинете, но в школе ничего подобного не проходили, ни Цветаеву, ни Мандельштама с Заболоцким, сплошной Маяковский, достающий чего-то там из широких штанин. Катя улыбнулась бабушке в ответ, видно было, что та выглядит счастливой. Находить счастье во всем, даже в том, что зять собрался в партию, – это и было отличительной Лидкиной особенностью, редкой и уникальной. Глаза ее светились, и она теперь была всеми руками за то, чтобы Робочка сделал то, что задумал. Ее вдруг осенило, что если таких, как он, в партии будет больше, то, может, что и сдвинется с мертвой точки и жизнь пойдет другая, не такая замкнутая и узкоколейная.

– Намерения благие, не спорю, – сказала Алла, – но ты уверен, что членство поможет? И слово-то какое – членство... Этим многое объясняется.

– Ну как тут можно что-то гарантировать, Аленушка, но пытаться все равно надо. Само ничего не сделается, это уж точно, – вздохнул Роберт.

Алена смягчилась, перестала поправлять прическу и принялась вдруг думать, кому из начальства написать письмо по поводу издания первой после длительного перерыва цветаевской книги.

Так и решили за тем ужином – Роберту в партию вступить, чтобы получить всевозможную поддержку в реабилитации светлых имен и гениальных поэтов. Ради важного дела. Ничего никому не объяснять и ни перед кем не оправдываться. Позже поймут, если захотят.

Так Крещенские готовились к важным этапам в жизни – Роберт собирался получить партийный билет, а Катя – студенческий. Алена же морально готовилась и к тому и к другому, а Лидка тихо всему этому радовалась, на то она и была Лидкой.

Все-таки мгимо

Катя в МГИМО не очень хотела, ни международным журналистом, ни тем более дипломатом она себя не видела, но понимала, что высшее образование необходимо и без него дальнейшая жизнь будет не очень понятна. Да и как-то принято было после школы обязательно постараться поступить в институт. А уж если в престижный, как МГИМО, то и жизненная дорога сразу намечалась более чем серьезная – учеба, а потом карьера за рубежом, или профессиональная, или семейная, при муже, на любой вкус. Тем более что МГИМО, особенно факультет международных отношений, куда прочили Катю, считался самой что ни на есть кузницей завидных женихов. Что скрывать, в этот институт могли попасть лишь по большому благу, по звонку «оттуда» или по наследству – дети дипломатов, послов Советского Союза, партийных работников. А куда ж еще было идти, когда под рукой находился такой прекрасный вариант, где безбедное будущее ребенку точно было бы обеспечено.

А Катерина незрелая еще была, инфантильная, чего там скрывать, привыкла, что правильные решения принимались за нее. Вот и сейчас с решением свыше, то есть с родительским, послушно согласилась, теперь надо было приступить к его исполнению. На блат особенно не рассчитывала, да и училась прилично, к вступительным экзаменам готовилась активно и самостоятельно, и с репетиторами. Весь последний учебный год без конца дополнительно занималась. Поездки по всей Москве, зимняя, внезапно наваливающаяся уличная мгла, долгое метельное ожидание уже переполненных автобусов, чужие враждебные подъезды с курящими подростками, менторы, не всегда отвечающие профессиональным и человеческим критериям... Много было этих адресов, и находились все они, как назло, далеко от центра. У Кати создавалось ощущение, что в свой десятый учебный год жила она исключительно в метро, в переездах от одного учителя к другому, с быстрыми перекусами всухомятку где-нибудь на станции в ожидании поезда, зубрежкой какой-нибудь истории КПСС или рассматриванием географического атласа. А зачастую и засыпая в вагоне под мерный стук колес и просыпаясь только на конечных, когда дежурная начинала тыркать ее за плечо. Но Катя стоически проходила через все эти

испытания, постепенно включаясь во взрослую жизнь, и уже сама находила решения в странных, совсем не детских ситуациях, стараясь не прибегать к помощи родителей и не посвящая их в детали. Хотя иногда ну очень хотелось посоветоваться.

Например, один учитель, картошконосый и большеглазый, в убедительно зрелом возрасте, был явно с педофильскими замашками, но всеми силами старался это скрывать, отдавая себе отчет, что престижная работа намного важнее его старческих эротических капризов. Жил он в большом желтом доме с эркерами рядом с рельсами Павелецкого вокзала. Гудки поездов, черная копоть, снующие привокзальные цыгане и попрошайки, сквозь плотные ряды которых требовалось пробиться, мятые пьяницы, лежащие у подъезда так, что нужно было через них перешагивать, – уже это делало еженедельные походы к учителю самыми нежеланными. Вдобавок он оказался с двойным дном. Дно это поскрипывало и подванивало, портя его вполне презентабельный фасад с бархатной бабочкой, туго закрепленной на черепашьей шее.

В квартире он ждал всегда один, напомаженный и душно пахнувший французским одеколоном, поигрывал часами на толстой золотой цепочке и зачем-то блестел лакированными туфлями, которые были на нем не к месту и не ко времени. Слегка грассировал, но шарма ему это не придавало. Назойливо подчеркивал, что квартира арендована специально для занятий, поскольку ему очень важно разделять семью и работу, и при этом глядел своими выкатными глазами прямо Кате в душу. Был омерзительно любезен и, как только Катя заходила, бросался помочь ей снять пальто, громко и натужно сопя в самое ухо. И моментально начинал предлагать свою домашнюю наливку. «Сладенькую, вкусенькую, специально для девочек, там градуса совсем нет, искать будешь – не найдешь», – бляял он, подходя опасно близко, так, что мурашки не только бежали по девичьей коже, но при этом еще и подпрыгивали. Катя спиртного не пила и на такие предложения не велась. Повторялось это из раза в раз, словно у ментора была рыба память или он должен был каждого пришедшего провести через подобный ритуал. Темные глаза его в приспущенных веках сочились влажными фантазиями, и Кате каждый раз становилось зябко. Была у него присказка: «Человек я нежный и впечатлительный», – томно говорил он к месту и не к месту, по-молодецки ероша лысину.

Готовил Катю к экзаменам по истории и географии, прекрасно совмещая два этих предмета в один невнятный рассказ. Но что тут было делать, экзамены принимал он сам, и, геройски перетерпев этот отчаянно-бурный подготовительный период, Катя подошла к выпускному без потерь.

В начале апреля директор школы попросила Катиных родителей зайти к ней, как будет удобно, и добавила: «Я всегда на рабочем месте». Просьба оказалась «простой» – организовать выпускной вечер.

– Я прекрасно понимаю, Роберт Иванович, вы человек предельно занятый и времени у вас в обрез, но поймите, выпускной у детей в жизни один и надо, чтоб он запомнился. У вас связи, у вас знакомые мастера эстрады, у вас вся культура вот где, – директриса показала впечатляющий кулак, – вы как никто можете организовать настоящий праздник! И делать особо ничего не надо, только договориться с артистами! Ну что, устроим детям праздник? – И она хохотнула басом, подкрепляя свою просьбу. А куда было деваться?

Получив это непростое задание, Роберт с Аленой задумались. До выпускного оставалось не так много времени, а гастролы уже у всех их друзей были давно расписаны – Давид Коб точно будет в ГДР, только недавно об этом сообщил, а Мамед Муслимов – на Дальнем Востоке. Принялись обзванивать других. Но народ собирался со скрипом – выпускной в конце июня, а июнь, сами знаете, начало отпусков и гастролей. Уговорили выступить композитора Фельдмана: хоть он и был слишком велик для школьного выпускного вечера, но большой друг, отложил отъезд куда-то там и согласился. Еще одна подруга, телеведущая, жизнерадостная и громогласная Светлана Горбунова, обещала поспрашивать на концертах, кто свободен для такого важного дела в конце июня. Без нее не обходилось ни одно мероприятие, она каждый вечер где-нибудь что-нибудь да вела, поэтому и обзванивать всех было совсем не обязательно, обещала просто узнать при встрече. Ну и сказала, что сама будет вести этот важный вечер.

Через пару дней пришла с рассказами. Отозвался молоденький и только начинающий эстрадный путь голосистый красавец Сергей Захарин, который хоть и был ленинградцем, но как раз в это время планировал приехать на съемки в Москву и пообещал спеть в школе пару песен Роберта. С превеликим удовольствием. Еще и одного молодого эстрадника встретила на концерте: он как раз начинал взлет,

выступая повсюду с номером, где изображал вцепившегося в хулахуп говорящего попугая. На всех последних «Голубых огоньках» так за хулахуп и держался. В общем, выступлянты на выпускной постепенно набирались, и Алла с Робертом немного расслабились.

Принц Мудило же, узнав, сколько каждый родитель должен сдать на выпускной денег, очень возмутился этой вопиющей несправедливости. «Мало того, что им концерт организовывать, – пыхтел он Лидке, – знаменитостей приглашать, со всеми бесплатно договариваться, так еще и такие деньжищи выложить ни за что ни про что! Надо жаловаться в роно, я считаю».

Лидка тогда еле-еле его остановила.

Про МГИМО все было уже точно решено, не сказать, что помимо Катиной воли, но без ее активной радости. Это же не медицинский... Ну и ладно, языки – это тоже неплохо, решила Катя. Английский она уже знала, как-никак школа была специализированная, с углубленным изучением языка, где зубрили не только «London is the capital of Great Britain», но и Шекспира читали в оригинале, с полным погружением в великую английскую литературу. Так что, да, добавить к английскому еще какой-то язык было бы очень даже и соблазнительно, языки ей давались легко, хотя Катя никак не могла определиться, какой именно ей еще хотелось бы выучить. Как Толстой, знать пятнадцать языков она точно не сможет, да и ни к чему это – все эти латыни и старославянские, татарские и древнееврейские – зачем? А вот парочку европейских, да на хорошем уровне, – с удовольствием. Точно была против арабского и китайского – слишком уж сложные, почти инопланетные и совершенно ее не вдохновляющие. Одни алфавиты чего стоили – эти черточки, лесенки, закорючки и перевернутые музыкальные знаки! Да и на их изучение ушло бы полжизни. А, скажем, языки романской группы – да, пожалуйста. Так что лингвистика – дело хорошее, решила Катя и с удвоенной энергией стала зубрить билеты к вступительным экзаменам, с выпускными проблем случиться не должно было.

Тайное стало явным

Ирка в этот период приходила часто, готовиться к экзаменам самостоятельно у нее никак не получалось, она или звонила по каждому мало-мальски непонятному вопросу – и тогда телефон был вечно занят, или накапливалось этих вопросов тонны и разгрести их потом было намного сложнее. А если уж она заявлялась, то сразу забывала, о чем хотела спросить, мысли ее куда-то улетали, она затормаживалась и начинала помигивать левым глазом. Потом усаживалась у подоконника, задумчиво глядела вверх, подперев подбородок рукой и источая нежный сладкий запах печенья курабье. И в этот момент очень становилась похожа на ангелочка с картины «Сикстинская мадонна». Ну на того, который слева. Так молча и просиживала под Катины монотонные объяснения, рассматривая свои мысли в небе над Почтамтом, а потом вдруг резко спохватывалась, словно вспомнив о чем-то важном, и говорила: «Ну да, я все поняла». Быстро собиралась и шла себе восвояси, оставляя за собой устойчивый шлейф сладкого духа.

– Ира стала какая-то диковатая и странная, – озабоченно вздохнула Лида. Катя с сестричкой и мамой сидели в столовой, пили только что заваренный чай «со слоником», крепкий, терпкий, да еще с малиновым вареньем, которое наварили летом с избытком, – вкуснота!

– А что ты, мам, хочешь, – отозвалась Алена, – бедная девочка, одна-одинешенька, как в таком опасном возрасте ребенка бросать! Ни одна работа не может оправдать! Никакие экспедиции или что там у ее родителей! Один ездит, другой ребенка пасет, как иначе?!

– Хорошо хоть, она у нас душу отводит, я ей и блинчиков с собой даю, и котлет... Чем там дома питается – непонятно...

– Да ладно, что это вы ее так зажалели! – возникла, слегка приревновав, Катя, оторвавшись даже на секунду от Лиски, которую увела-таки из цепких Нюркиных рук. – Все у нее хорошо, не волнуйтесь! Ей родители сейчас и не нужны особо, только мешать будут... – Тут она спохватилась, явно сболтнув лишнего и поймав вопросительный взгляд мамы. Она немного замялась, опустила глаза, стала активно поправлять бантики у сестры на голове, одновременно решая, сказать про Ирку все-таки или нет. Случайно дернула волосок,

Лиска громко ойкнула, но уходить от сестры не захотела. Молчание за столом стало напряженным, и Катя решила больше не испытывать судьбу. – Просто ее голова сейчас другим занята, у нее парень появился.

Сорокалетие Алёны. А Кате скоро заканчивать школу

– Парень? – Мама с бабушкой переглянулись, словно им выдали государственную тайну, знание которой приведет к непредсказуемым последствиям. – Интересно, а ее мама об этом знает? – спросила Лидка.

– Не знаю, я не спрашивала... Но я вас очень прошу, не выдавайте меня! Это большой-пребольшой секрет! – Катя отпустила Лиску, вскочила с места и прыгнула по-кошачьи сзади на бабушкины плечи, приобняв и зацеловав ее быстрыми, как очередь из калаша, легкими поцелуйчиками.

– Козочка моя, ну вы же еще несовершеннолетние. – Мама нарочно сказала «вы», чтобы дать понять дочери и ее ответственность тоже. – А он из вашего класса?

– Нет... – приуныла Катя, а про себя подумала: «Ну вот, сейчас начнется...»

– Из параллельного? – с надеждой спросила мама, попридержав Лиску, которая собиралась достать со стола голубую пузатую чашку и делала вид, что ничего не слышит. Но вопрос был щепетильный, а в пять лет рановато было присутствовать при подобных обсуждениях. – Пойди почитай немножко, нечего тут уши греть, – сказала она младшей. Лиска с удовольствием ускакала: читать она любила, научившись этому восхитительному занятию еще пару лет назад.

– Он не из школы даже, уже закончил и немного старше Ирки, года на четыре, по-моему...

– Что ты говоришь, какое несчастье! – вырвалось у Лидки, хотя она всегда была за любовь, но двадцать лет – возраст опасный, когда при общей мужской оболочке мозги еще местами подростковые и думающие только о своем удовольствии. Так, еще довольно приблизительный мужчина.

– Ясно... Ему под двадцать... – Мамины брови взлетели двумя черными галками, а от этих галок надо было держаться подальше, все знали: могли и заклевать. – Ты понимаешь, что не только я, а прежде всего ты несешь ответственность за подругу, когда ее родители в отъезде! Я понимаю, вы обе уже почти взрослые! Но не до такой степени, чтобы так рисковать!

– Аллуся, уймись, ну Катюля-то тут при чем? Что ты на нее набросилась? И сама-то лицо попроще сделай! Как ребенок тут может помочь, мать моя? Да и потом кто ее будет спрашивать? – заступилась Лида за внучку.

Катя отвернулась и промолчала. Не станет же она рассказывать про Иркины метания и фантазии, как выбрать правильную дату расставания со своим девичеством. А уж про то, что главным специалистом по дефлорации Ирка назначила именно ее, Катю, она даже и думать сейчас постеснялась.

– Так, все, опустим эту тему, но постарайся быть с ней в этом вопросе очень тактичной. – И мама слегка опустила брови, дав понять, что вопрос этот уже почти исчерпан, или «исперчен», как любила говорить Лидка. – Пойди-ка лучше с Бонькой погуляй.

Окрестности дома

Катя быстро придела спаниельку в ошейник, сама накинула пальтишко – папка недавно из Парижа привез, красивое, легкое, мышиноного цвета, с двумя рядами крупных золотых пуговиц, шинелька, называла его Лидка, – прицепила поводок и, облегченно вздохнув, поскакала вниз по лестнице. Лифтеры тихо возились за занавеской, Катя громко поздоровалась и, не дождавшись ответа, шмыгнула на улицу. Машин у подъезда не было, несколько разноцветных стояло вдалеке, и Бонька помчался к ним, чтобы было где задрать лапу, не присаживаться же посреди двора, как какая-то сучка.

Сам двор красотой не блистал и был неопрятен, как зачастую и любая изнанка красивой вещи. Единственный жилой подъезд, выходящий во двор, номер 4, где жили Крещенские, находился на самом дне глубокого, уходящего вниз от улицы Неждановой дворового колодца, а остальные двери по всему периметру этой скрытой стороны дома прятали черные лестницы других, уличных, подъездов, лестницами этими никто никогда не пользовался. Балконы тоже красотой не отличались, сравнить их с теми богатыми и помпезными, что выходили на саму улицу Горького, было невозможно – обычные, хлюпенькие, с неровными железными прутьями и кое-где проросшими, как зимняя картошка, стебельками деревьев, которые не нашли ничего лучше, как зацепиться за жизнь на высоте второго или третьего этажа в ожидании, когда их вырвут с корнем и выкинут, чтобы остановить дальнейшее разрушение балкона. В общем, смотреть тут особо было не на что. Катя, не дойдя до конца колодца, где с одной стороны красовались гордые гранитные колонны, ведущие на улицу Горького, а с другой – дом, где жил Мейерхольд, свернула налево, в черные покосившиеся ворота, туда, где каким-то чудом сохранился крохотный кусочек старой, скрытой ото всех и припрятанной Москвы. Катя обожала этот внутренний дворик, эту милейшую картинку из прошлого века, несмотря на то что все здесь было уже в остатках – остатки ворот, остатки проездных арок и два подразвалившихся маленьких полутораэтажных домика, где жили когда-то «стеклянные короли», владельцы заводов по производству стекла. «Полутора», потому что нижний этаж уже почти врос в землю, подзарылся, спрятавшись от

мира. Это рассказал ей Володя Ревзин, который, помимо старинных и удивительных историй, собирал и разнообразные предметы быта тех давних времен: керосинки, замочки, ключики от самоваров, сами самовары, да и старинные бутылки того самого заводика – изумрудные, с выдавленным на доньшке двуглавым орлом, одну такую даже подарил Крещенским.

Хоть официально и звали его Бонифацем, в простонародье он был Бонькой, просто Бонькой

Около этого почти поленовского домика с арочкой с дореволюционных времен остался стоять прислонившийся к нему сарай и старинный огромный тополь, скрывающий своей только что народившейся клейкой листвой древний уголок от чужих глаз. Бонька тоже любил здесь гулять, запахи здесь были густые, насыщенные, невыдуваемые. Он глубоко внюхивался, наслаждаясь древним духом, а потом отфыркивался, сбрасывая его, чтобы полакомиться другим ароматом, который прятался еще глубже. Для него это было как книга с интересными иллюстрациями из прошлой жизни, он словно видел

греющихся на солнце кошек, огромные мешки с известняком в углу дворика, приказчиков в вонючих кожаных сапогах, дам, подметающих пыльную дорожку своими подолами и окутанных ароматными терпкими духами. Пахло пыльными, чуть в плесень, застоявшимися запахами, иногда проскальзывало даже что-то лошадиное и крысиное, но все это было уже давнишнее, неживое – Бонька умел это отличать, – просто старый дух, въевшийся в доски и кирпичи, призрачный, увлекательный, манящий. Нынешние запахи – подгоревшего лука и жареной картошки из кухонных форточек, нафталина, ядовито вырывающегося из шкафов, нагретого на солнце дерматина, обтягивающего входную дверь, вывариваемого в ведре постельного белья, перегара, неприятного, очень взрослого духа смеси пива с куревом, влажного хозяйственного мыла, половой тряпки, которую не отмыть, – били по носу и особого удовольствия Боньке не доставляли, но любопытство возбуждали. Он уверенно вел хозяйку по двору, и она рассеянно скользила взглядом по неказистым окнам. Как здесь можно было жить так на виду, комнатами нараспашку, Катя не могла себе представить. Все окошки, уже изрядно потрескавшиеся, с покосившимися маленькими форточками, находились почти у земли, приземистые, полуподвальные, осевшие со временем под пол. Вот и сейчас Катя шла мимо и в который раз рассматривала неказистые внутренности похожих друг на друга комнат первого, почти подземного этажа, просвечивающие за чахлыми тюлевыми занавесочками, – кровати с железными остовами (скрипучие – нет сил!), наивные цветные коврики с лебедями или оленями на стене, фотографии предков в овалах да оранжевые абажуры с беззубой бахромой над столами, закрытыми протертой насквозь клеенкой... Изредка – герань на окнах, но чаще какие-то банки и бутылки, у кого пустые, у кого со старыми мутными засолами. Иногда – книжные полки, а в одной комнатенке – карта Советского Союза во всю стену да красный вымпел. У интеллигентного окна с этой картой Бонька отмечаться и предпочитал.

Два дома композиторов

Через десяток шагов, если пройти еще через одну арку, находился уже другой двор, другая жизнь, деятельная, современная, заставленная машинами и усиженная старушками, – двор дома композиторов. Катя шла именно туда, где в маленьком скверике, посередине которого стояла высокая голубятня, воркующая на все лады, любила гулять с Бонькой. Двор этот был намного уютнее того, куда выходили окна их квартиры, – с кусочком леса, птичками, добрыми домашними собачками и местными буклированными бабушками, никогда не оставляющими пустыми любимые лавочки. Он был знаком Кате уже давно, и не только знаком, но и изучен с тех самых пор, когда они жили еще на Калининском проспекте и родители часто брали ее с собой в гости к своим друзьям-композиторам. А еще во дворе был вход в маленький уютный концертный зал, где часто случались музыкальные вечера, да и сам Роберт, бывало, читал стихи с той крохотной сцены. Такое Катя, конечно же, не пропускала. Ну и после каждого выступления шли, или «заваливались», как любил говорить Роберт, в соседний композиторский ресторан или к друзьям в гости, которые жили прямо в этом доме, – к Бабаджану или Фельдману.

От стола – к роялю, все происходило само собой, никто никого никогда не просил. Роберт, Алёна, Катя и замечательный композитор Арно Бабаджанян

Квартирки их большим простором не отличались, но внимание на это не очень-то и обращали, главная проблема композиторского дома состояла в другом – стенки в доме были тончайшими, словно сделанными из фанеры. Поэтому и слышимость была прекрасной: дом звучал на все лады и можно было насладиться не только тем, что происходило в соседней комнате, но и в соседней квартире тоже. И зачастую, когда композитор садился работать и какая-то музыкальная

фраза ему не сильно удавалась, соседи-классики, слыша его неудачные попытки, предлагали через стенку свои варианты, лишь бы поскорее закончить эти аудиомучения.

Под такой аккомпанемент грех не спеть. Арно с Алёной

Внешне этот огромный дом был таким же монументальным, как и тот, где жили теперь Крещенские, но лишенным всех выпуклостей и

помпезных наростов – ни тебе барельефов, эркеров и роскошных балконов, все лаконично и по-деловому строго, ведь дом-то хоть и клубный, композиторский, но фасадом выходил не на парадную улицу Горького, а просто в ничем не примечательный двор со сквером. Старые композиторы, начиная с самого Тихона Хренкова, все вспоминали свой первый клубный дом на Миуссах, который был построен с учетом всех особенностей композиторской профессии. Лестничные клетки и марши были сделаны слишком просторными, чтобы без особого напряжения можно было занести наверх самый что ни на есть большой концертный рояль. Хоть пыхтеть и все равно приходилось, конечно, но уже без разборки рояля или обтирания углов. Да и сами комнаты, как вспоминали великие, были внушительными, напоминающими маленькие концертные залы, чтоб и вид, и акустика соответствовали достойному советского творца уровню. Ну, что было, то было, чего вспоминать, зато нынешний дом композиторов отличался близостью к Кремлю – вон он, рукой подать, из окна виден! И пусть это не особо влияло на качество музыки, зато создавало внутреннее ощущение нужности своей родной стране и причастности к истории, чего уж там скрывать. Географически этот дом стоял, вне всякого сомнения, лучше того, старого, никто не спорил, – с верхних этажей открывался козырной вид на Красную площадь, как, кстати, и из квартиры Крещенских. Но плюс этот, хоть и большой, был почти что единственным. Практически все, кто переехал сюда с Миуссов, постоянно сравнивали оба дома, и, надо сказать, не в пользу нового. Интересное то было здание, продуманное, с толстыми метровыми стенами, чтоб в тишине работать, чтоб ноты правильные приходили да музы вовремя залетали. Да и стоял дом немного на отшибе, вдали от шума важных улиц, среди рабочих барачков. Это барачное соседство композиторам совсем не мешало, они осознавали важность такого расположения, это, можно сказать, даже помогало им писать хорошую патриотическую музыку. Так постепенно творческая интеллигенция вмешивалась и ввинчивалась в рабочую среду, на что, собственно, и была направлена в те далекие тридцатые годы линия партии и правительства.

Тот первый дом композиторов был своего рода клубом, где по вечерам шло постоянное брожение: то в одной квартире зазвучит музыка – у меня созрела новая симфония, надо поделиться, – то в

другой – а я песню написал, точно будет шлягер! Гости, они же соседи, начинают ходить по этажам, ведь все хорошо знакомы. То тут оживает рояль, то там, вдруг откуда-то доносятся звуки скрипки или гитары, потом выше этажом зазвучит еще музыка – и все гурьбой туда, потом ниже, и так до бесконечности, а вернее, в ночь, до утра. В результате этого постоянного квартирного движения у композиторов появились дети, и самые великие маэстро – Данаевский, Хачатур, Воробьев-Седой и другие – пошли к высокому начальству пробивать строительство еще одного композиторского дома для маленьких народившихся композиторчиков. Тогда-то и застроили двор у Центрального телеграфа – сначала встал один дом, выходящий торцом на улицу Неждановой, потом и другой – на улицу Огарева.

Кате гулять здесь очень нравилось, хоть и не совсем свой двор, конечно, но почти. Тут всегда что-то происходило: то в подъезд втискивали очередной рояль и вытискивали другой – обнова, говорили хозяева, то к залу подъезжали иностранные машины и можно было на них поглазеть и даже погладить, то в подворотне разгружали продукты – и смотреть на эти связки сосисок, тушки кур и болгарские перчики было особое удовольствие! Но больше всего Катя любила усесться напротив голубятни и ждать. Ждала она хозяина, он ли ее сколотил – не он, неизвестно, голубятня была совсем не новая, уже покосившаяся от времени, но высокая-высокая, как нефтяная вышка, наподобие тех, что показывали по телевизору. Хозяин был совсем неказистый, блеклый, скучный как мычание, так-то, если он шел по улице, на него и глаз никто не поднимал, но как только забирался туда, на голубиную верхотуру, то совершенно преображался. Голуби ворковали вокруг, он сыпал им пшено или еще какую крупу, а они выхаживали под ногами маленькими гордыми павлинчиками, залетали ему на плечи, а то и на голову, совсем не боялись. Катя обожала его залихватские посвисты, всегда разные, означающие для голубей, видимо, что-то конкретное. Сидела, ждала, когда тот свистнет, обожала этот странный ритуал. И они взмывали вверх, делали круги и торопились вернуться назад, в дом. Бонька это ожидание категорически не понимал, ему б побегать, а не сидеть тут привязанным, не любил он голубей – ни жира, ни мяса, тьфу, перья одни, попадись они ему на охоте, не стал бы брать, побрезговал.

Со скамейки у голубятни хорошо было видно, как композиторские дети выходили на площадку играть в футбол, Катя это тоже про себя

отмечала. Они отличались от обычных детей тем, что всегда, в любую погоду были в толстых кожаных перчатках. Композиторским детям, видимо, требовалось беречь руки – вдруг в них проснется отцовский дар, они станут сочинять музыку или пойдут в пианисты? Вот руки-то и понадобятся! Их, главное, надо было на всякий случай холить и лелеять с детства! Но перчаточников Катя не любила, были они какие-то надмирные, говорили всегда не о том, о чем хотелось слышать, от них за версту разило заносчивостью и пафосом, нет, не ее это. Не общалась с ними никогда, не нравилось, хотя с сыном Фельдмана, Мишкой, была знакома. Вот и ходила одиноко по двору с собакой, наблюдала, присматривалась. Бывало, заходила в композиторскую библиотеку, книжную конечно, хоть там еще и нотная была, самая большая в Москве, а значит, и во всем Советском Союзе, а рядом студия звукозаписи с какой-то удивительно тонкой и внимательной аппаратурой, откуда постоянно лилась замечательная музыка, папа как-то туда водил. Катя тоже там любила проводить время, но с собакой не пускали.

Композиторские преимущества

А у входа в композиторский ресторан постоять было особое удовольствие! Ресторан был отличный, с фирменными, а не проходными блюдами, да еще с доставкой на дом. Причем звонить для этого не всегда было необходимо, Катя не раз слышала, как заказчики, свесившиеся из окон этого специфического дома, переговаривались с вышедшими покурить официантами:

– Володенька, дружок, сегодня оливье не надо, – хриплым прокуренным голосом очень часто давала наказ знойная дама в китайском шелковом халате с драконами. Она была женой довольно известного симфонического композитора и, сознавая свою важность для советской культуры в целом и для музыкального искусства в частности, так и не научилась, видимо, готовить.

Дама эта очень часто, если не каждый день, пользовалась дворово-ресторанной услугой, зная весь личный состав кухни – от директора до последнего официанта. Она сильно шепелявила и всегда очень ласково называла названия блюд, видимо, еду очень уважала:

– Восемь пирожочков – по два каждого вида, селедочки с картофечкой, горохового супчика, куриных котлеток с пюрефечкой и морсика обязательно! Морсика не забудь! Но не брусничный, который Вася вчера приносил, мне только клюквенный! А если нет – компотик из айвы, он тоже вкусенький! На два нафих лица! И да! – Она делала паузу, но Володенька, Сашенька или Петенька всегда догадывались, что прозвучит дальше: – Самое важное чуть не забыла! Наполеонфик! Два больших кусочка!

И готово – минут через сорок, а то и раньше Володенька, держа в руках пакеты с горячей едой, только что приготовленной шефом ресторана, звонил в композиторскую дверь, за что получал щедрые чаевые.

Крещенские тоже, конечно, могли бы воспользоваться такой прекрасной системой получения готовых обедов, но никогда еще к ней не прибегали, в семье не было принято есть готовую покупную еду. Зачем это? При живой-то Лидке? Она, кстати, очень любила надо не надо вставлять: «Пока я жива!..» Или: «Через мой труп!» – и далее по тексту. Одно дело – с удовольствием в ресторан сходить, изредка, со

вкусом, по важному поводу, а совсем другое – каждый день питаться киевскими котлетами или биточками по-селянски. Да к тому же в семье Крещенских испокон веков жил замечательный старинный сундук – железный, черного лака, с огромными латунными заклепками, да и достойного размера – с приличной лежачий холодильник, теперь стоящий в прохладе около балкона. Хранили в нем всегда все самое вкусное и дефицитное – консервы и всяческие съестные припасы – сундук изобилия, одним словом. Поэтому заказывать обед в ресторане соседнего дома или бегать по-срочному в магазин абсолютно не надобилось, можно было просто подойти к этому волшебному сундуку, поднять тяжелую крышку и прикинуть, из чего бы сделать салат. Крабы с рисом? Фасоль с орехами? А на второе – пусть даже дефицитная тушенка с не менее дефицитной гречкой, почему нет, а на третье – компот из нежных болгарских персиков. Ну а в морозильнике всегда своего часа ждала треска или навага, как НЗ. Поэтому Крещенские в экстренных ситуациях по приему гостей могли быть совершенно спокойны: прекрасный сундук-самобранец еще ни разу не подводил! Хотя, нет, было пару раз, когда Лида рассчитывала на баночку красной икры для своих подружек – ну как закуски к водочке, хотелось девчонок порадовать – и ведь была стопроцентно уверена, что есть, а ее вдруг не оказывалось. И крабы однажды-таки затерялись. Хотя у Аллуси спросить забыла, скорей всего, она и прибрала, ну неважно.

Еще в доме композиторов находился и медпункт, куда Катя, да и все члены семьи часто приходили на разные процедуры, ну, скажем, погреть горло или нос всякими УВЧ, электрофорезами и другими физиотерапевтическими аппаратами, сделать массаж, укол или просто послушаться после простуды. Чего там только не было, в этом доме! Можно было, не выходя на улицу, переделать кучу дел – и зубы подлечить, и в библиотеке порыться-поработать, и великую музыку в архиве послушать, так сказать, вдохновиться, ну и тут же сразу в гости заскочить, купив в ресторане бутылочку заграничного джина. А в гости-то уж точно было к кому заскакать, поскольку в доме этом сосредоточилась вся композиторская знать Страны Советов. Из-за композиторской скученности на единицу жилой площади дом этот в народе прозвали просто и ясно – «сто роялей», хотя их, роялей этих, никто, конечно же, не считал. Но летом, когда все окна были распахнуты, скверик перед домом наполнялся невообразимой

какофонией, напоминающей звуки, доносящиеся из оркестровой ямы прямо перед тем, как дирижер взмахнет своей волшебной палочкой и польется настоящая музыка. Но нет, дирижер запаздывал, и поэтому слаженной музыки в композиторском сквере дождаться было невозможно.

Но сегодня окна были прикрыты и заказы от композиторских жен пока не поступали – для обеда еще рановато, да и довольно прохладно, чтоб окна держать нараспашку. В сквере дымились аккуратные кучки листвы, которые остались еще с осени, прелые, черные, дворник собрал их еще вчера, но на ночь решил не запаливать, а то на дым могли пожаловаться. Вот они и курились тихо-мирно, пуская сизую дымку по самой земле. Бонька зафыркал, очищая нос от вони, покрутился вокруг голубятни и повел дальше, по улице Неждановой. Он шел целеустремленно и рьяно, словно его где-то ждали с важным заданием, тянул поводок, спешил и пыхтел, вывалив на плечо большой розовый язык. Несколько раз поднимал лапу на углах, но скорее так, без особой надобности, просто обозначиться – собачьи новости еще никто не отменял. Довел почти бегом до улицы Герцена, остановился, оглянулся на двух дружинников в красных повязках, проводил их взглядом и принялся, задрав морду. Жутко, захлебываясь, наорал на милиционера с рацией – эти приспособления, превращающие такой понятный человеческий голос в змеиное шипение, ненавидел и всячески выражал свое к ним отношение. Милиционер вздрогнул и отпрянул, потом зачем-то погрозил собаке пальцем и пошел дальше, продолжая шипеть. Бонька, повернувшись к уходящему дяде задом, победно расшаркался и выглядел абсолютно счастливым оттого, что исполнил свой долг, отогнав от хозяйки жуткого змия. Оглядевшись, нет ли где другой какой опасности, он на всякий случай посмотрел через улицу, туда, где у консерватории топорщились кусты еще не зазеленевшей сирени и сидел на высоком постаменте великий композитор Петр Ильич Чайковский, и встал как вкопанный, приметив его страшную черную фигуру. Страшную для собаки, конечно, не для людей – странная неподвижная статуя на возвышении, с откинутой, как в танце, рукой. Эта застывшая поза, видимо, Боньку и испугала – Катя проследила за его всполошенным взглядом, сам он мгновенно присел, поджав хвост, и в скором темпе бросился обратно к родному двору, домой. Мимо лавки обувщика, мимо дома певиц Большого театра,

завешанного мемориальными досками, мимо уютной церковки и снова по композиторскому скверику с дымящейся листвой, туда, скорей, под спасительную арку, где все давно уже известно и знакомо.

Фамильная крещенка

Открыв дверь, Катя споткнулась об Иркины стоптанные сапожки, которые давно уже пора было менять на новые. Ирка теперь заходила к Крещенским без звонка – по пути куда-то или по дороге откуда-то, зная, что здесь ее всегда ждут, заскакивала, как она говорила, ну а если никого не заставала, то шла себе дальше до другого раза. Надо же, только о ней вспомнили, и она тут как тут! Катя понадеялась, что ни мама, ни Лидка обсуждать с ней ничего такого не станут. И видимо, правильно надеялась, потому что из кухни доносился Иркин полудетский тонкий голосок, срывавшийся моментами на крик подраненный чайки, – она, пока Кати не было, развлекала маму с бабушкой. По теме песни Катя догадалась, откуда Ирка пришла:

Цилиндром на солнце сверкая,
Надев самый лучший сюртук,
По летнему саду гуляя,
С Маруськой я встретился вдруг.

Гулял я с ней четыре года,
А после я ей изменил.
Но вскоре в сырую погоду
Я зуб коренной застудил.

От этой невыносимой боли
Три дня я безумно страдал,
К утру, потеряв силу воли,
К зубному врачу побежал.

За горло схватив меня грубо,
Скрутив мои руки назад,
Четыре здоровые зуба
Он выхватил с корнем подряд.

Четыре здоровых не стало,
И я, как безумный, рыдал.

Под маскою врач хохотала —
Я голос Маруськин узнал.

«Тебя я безумно любила,
А ты поступил как палач.
Теперь я тебе отомстила,
Изменник и подлый трепач!

Тебе отомстила за это,
Клади свои зубы в карман,
Носи их в кармане жилета
И помни свой подлый обман!»

Катя уловила яркий запах лимона, защипавший ей ноздри еще у входа, и сразу догадалась, чем занимаются на кухне, – мама с бабушкой делали запасы фирменной семейной водки, совершенно незаметно подслащенной и с нежной лимонной кислинкой. А может, к этому делу уже и Ирку подключили. Водка, по слухам, была чудо как хороша, Катя ее, конечно, не пробовала, но гости говорили, что она очень мягкая, хотя девочке это определение для водки было совершенно непонятным. Делать ее было просто. Покупалась водка, любая, можно было даже взять «Московскую особую» за 2 руб. 87 коп., хотя лучше было, конечно, ухватить «Пшеничную» или «Столичную», но даже и сивушная «Московская» годилась для этого рецепта. Потом тщательно острейшим ножом – его требовалось заточить специально для этого рецепта, и он шел в список необходимых продуктов – тончайшим слоем срезалась с добросовестно вымытого лимона цедра. Главное заключалось в том, чтобы не задеть белую мягкую часть кожуры, которая давала горечь, – и тогда все, продукт считался испорченным. Хотя и горькую водку все равно, конечно же, пили. Так вот, тонкая желтая цедра нарезалась на почти прозрачные яркие полоски, которые аккуратно отправлялись в бутылку. Одна бутылка должна была принять сок и цедру с одного-единственного лимона, ни больше ни меньше. И столовую, но без верха ложку сахарного песка, который, нехотя поблескивая и медленно планируя, красиво ссыпался на дно, напоминая снег в стеклянных игрушечных шарах, требующих взбалтывания. И

все, и на денек-два в тепло, чтоб все растаяло, смешалось, растворились. А после процедить и в морозилку до употребления.

Эх, как пила такая красота, как прекрасно смотрелись запотевшие рюмочки с приятной желтоватой влагой, как не болела голова на следующее утро! Алла придумала этот рецепт еще давно, в шестидесятых, когда к ним стала захаживать одна молодая поэтесса с нерусским именем Маргит, сильно любившая, как она сама выражалась, залить глаза. Горланно читала резким голосом свои талантливые стихи, пила рюмочку за рюмочкой, закусывая лимоном. Вернее, не закусывая, а загрызая лимоном. Его не резали на дольки, а давали ей половинки, и она впивалась в них, как собака в кость, громко высасывая одним махом весь сок и снова запивая эту невозможную кислятину водкой. Через скорое время начинала проседать, мягчить членами, неловко складываясь и сворачиваясь, как быстро увядающий осенний листок, была уже недосыгаемая и каждый раз казалась немножко при смерти. Но рот ее не закрывался, даже когда был закрыт, – она все читала и читала, про себя ли, вслух, и выразительная мимика никогда ее не отпускала.

Алла жалела Маргит и всеми силами старалась «понизить градус» напитка – а та пила только водку или спирт, – чтобы как можно дольше продлить вертикальное положение этой милой и весьма одаренной гостьи. Именно тогда Алена и решила попробовать себя в роли алхимика и соединить лимон, полный витамина С, с водкой, превратив дурман в веселящий напиток. Было же известно, что этот прекрасный витамин может при желании чуть снизить опьяняющее свойство водки, да плюс сладость, которая тоже смягчает крепость, и вот уже и два-три градуса от сорока долой. Или Алле так казалось. Ясно, что она была не первой и не последней в водочных экспериментах, но рецепт этот быстро в семье закрепился, и гости уже сами просили налить им крещенку, а от обычной водки воротили нос.

Иркины секреты

Обеденный стол был уставлен тазами и пустыми бутылками – для такого важного дела требовался размах. Алена закрыла один таз с готовой водкой пакетом из «Березки», сверху прикрыла полотенцем и потащила его на подоконник для отстоя.

Вечно целующаяся Лидка и Катя с Нелли Кобзон

– Ирочка, детка, спасибо, очень ты нам помогла! Главное, песнями! Как же ты, однако, поешь, мать моя! – произнесла Лида, подбадривая Иру и улыбаясь во всю свою возможность. – В мое время совершенно спокойно могла бы выступать у нас в театре! Думаю, тебя и сейчас бы взяли! Я знаю, что говорю, у тебя явный талант! И ампула необычное, редкое. Может, пойдешь все-таки в музыкальное училище? Столько возможностей откроется!

– Нет, тетя Лида, моя судьба уже предначертана, – с пафосом взмахнув лимонной рукой и привстав для убедительности со стула,

ответила Ирка, – я буду петь только на природе и только для геологов! В экспедициях!

– Уже твердо решила? – спросила Алена, завязывая полотенцем другой тазик с огненной лимонной водой.

– Да, родители одобрили, обрадовались даже. Да я особо не хочу ничего другого, все эти языки, математика, история, литература – не мое это. А камень – вещь совершенно конкретная, вот он лежит, например, у тебя на ладони – и ты все понимаешь: где, как, из чего, что ожидать, что добывать. Интересно же! – Ирка мелко заморгала, а левый глаз даже слегка задергался, пришлось приостановить его конвульсии рукой. Глаз от лимонной руки защипало, и Ирке пробила слеза.

– Ладно, давайте заканчивать, надо Робочке обед накрывать, скоро придет, – сказала Лида, но Алла не хотела упускать возможность прощупать Иркин настрой.

– Интересно, даже очень, милая моя, – согласилась Катина мама, – целый мир, согласна. Просто профессия эта сложная, постоянные поездки, походные условия, горы, палатки... А семья? Муж? Дети? Об этом же тоже надо подумать, о твоём будущем.

– Так, может, у меня муж из геологов будет! – с вызовом ответила Ирка. – И мы вместе с ним будем ездить! Как мои мама с папой!

– Это все, конечно, замечательно, твоей маме с папой очень повезло, а у тебя самой-то есть кто на примете? – заговорщицки спросила Алла Борисовна и пихнула ее локтем в бок – такой жест был очень характерным для женщин прекрасной семьи Крещенских.

Ирка густо покраснела, почти мгновенно, словно на нее плеснули малинового сока.

– Ну-у-у-у, – немного замялась она и взглянула на Катю, которая старательно, чтобы не промахнуться, наливала чай. Катя поймала ее вопросительный взгляд и убедительно выпучила глаза: «Я? Как ты могла подумать! Ничего не говорила и даже не собиралась!» Но Ирке самой вдруг захотелось открыться, похвастаться, показать, что она совсем уже взрослая.

– Вообще-то, да, – хотела было продолжить она, но потом снова замялась, не зная, что можно говорить, а что не стоит.

– Как я рада! – наврала мама. – И кто же он?

– Он очень красивый и учится на геолога, зовут Гелий. – Ирка решила, что это самая важная информация, что важнее просто быть не

может.

Мама с бабушкой переглянулись, а Катя снова завращала глазами. «Лучше бы ты уже молчала», – посылала она знаки подруге.

– Ну да, красивый, это важно, и имя какое редкое – Гелий, – решила поддержать девочку высококвалифицированная в вопросах любви бабушка Лида. – А откуда он? Ты с ним давно встречаешься? Ходите в театр? В Парк Горького?

– Ну, у него времени особо нет... Он же студент, учится в геолого-разведочном, я туда и пойду. Мы с ним сейчас мало ходим, он редко свободен. Да и мне надо готовиться к экзаменам.

Картофельные бабы

Бонька резко залаял у двери, отозвавшись на звук гроыхнувшей двери лифта, который был слышен даже на кухне. Раздался требовательный звонок, и Лида, тяжело встав – ноги болели уже постоянно, – поковыляла открывать, первые несколько шагов давались очень уж тяжело. Завела Боньку в комнату и закрыла дверь, чтоб он не мешался под ногами.

– Здравствуйте, Лидия Яковлевна! Картошечка сегодня рязанская. – У двери стояли две мощные бабы с такими же мощными, как и они сами, бугристыми мешками. – Вам сколько?

Картофельные бабы знали в доме всех и ходили по подъездам раз в две недели, строго по часам, – с лифтерами была договоренность, мзду им платили четко и в срок, поэтому пускали их безоговорочно. Поднимались на верхний этаж и обходили сверху до низу все до единой квартиры, топчась со своими мешками, ведром и безменом у каждой двери и жадно заглядывая в прихожую в ожидании, что хозяйка откроет и пойдет за тарой на кухню, а они пока смогут получше рассмотреть барское жилье. Лида однажды впустила их внутрь – неудобно, мол, держать людей у порога, – так мало того, что они щедро насыпали грязь с картошки и пришлось мыть пол, так еще и колечко изумрудное с зеркала исчезло. Лида его не сразухватила, а какхватила, так и вспомнила, как баб впустила, и связала с пропажей именно их, а кого ж еще? Но домашним ничего не сказала, затаилась, хотя никогда с бабами этими больше не сердобольничала и внутрь не пускала.

– Вот, письмо вам снизу просили передать, все равно идете, говорит, возьмите для Крещенских, – постаралась улыбнуться та, что помоложе, и протянула конверт. Другая, в цветастом цыганистом палатке, зачем-то привстала на цыпочки, словно ожидала за Лидой увидеть кого-то еще.

– Картошечку сегодня берем? Крупная, разваристая. – Молодая встряхнула мешок и сразу же оказалась в облаке пыли.

– Почему она у вас? – строго спросила Лида.

– Да, как обычно, пятнадцать копеек за килограмм, – хохотнув, басом ответила цветастая.

– Вот интересно, на рынке десять, а у вас пятнадцать! Чем это, интересно, ваша так отличилась? – еще строже сказала Лида, гордо встав перед ними руки в боки.

– Так вам же ее прям с куста до кухни доносят, чуть ли не в рот кладут! Вот и считайте, значится, лишние копейки за доставку! – слегка нахамив, баба картинно вытерла рукой совершенно сухой лоб, чтобы как-то подприукрасить свой немногословный рассказ.

Лида фыркнула и пожала плечами, в душе с этим доводом, конечно, соглашаясь, потом захлопнула дверь и пошла на кухню, чтобы добыть тару и деньги. Только она отошла, звонок снова ожил. Лида недовольно развернулась и с недоуменным выражением лица снова открыла дверь. Рядом с улыбающимися картофельными бабами и сильно над ними возвышаясь стоял Роберт.

– Робочка! – расцвела Лида, мгновенно осветившись внутренним огнем. – Как ты вовремя! Пойдем, обед готов. – И, впустив зятя, снова закрыла перед наглыми бабами дверь. Но, как ни крути, было, конечно, удобно, когда всякие тяжести тебе доносят прямо до двери, разве где-то такое еще было?

Автобиография

– Лидия Яковлевна, я чуть позже, десять минут – и приду. – Роберт скинул в шкаф плащ и пошел к себе. Алена поспешила за ним.

– Что-то срочное?

– Будешь смеяться – уговорили меня годик-другой попреподавать в Литинституте.

– В смысле? – удивилась Алена. – У тебя мало других нагрузок?

– Да я всячески отнекивался, сказал, что работы завал, что только вот секретарем Союза писателей стал, много езжу, времени, чтобы свои стихи писать, совсем не остается, так они мне припомнили, что у нашего с тобой преподавателя тоже было туго со временем, а это был, на минуточку, сам Михаил Светлов! – Роберт улыбнулся и нежно дотронулся до Алениного плеча. – Как тут было отказать?

– Ты совсем о себе не думаешь, ешь последнее время не по часам, как ни следи за тобой! Одну язву залечиваем, другая появляется! Это ж не только от питания, а от нервов и недосыпа тоже зависит. Зачем столько на себя навьючивать? Понимаю, секретарь Союза писателей – почетно, достойно, нужно для работы, не откажешься. А учителем зачем? Думаешь, без тебя не научат? Если есть талант, пробьются сами! Подумай хорошенько, Робочка, я за тебя волнуюсь. – Алена действительно выглядела растерянной и слегка расстроенной. Она взяла со стола пепельницу, достала свой модный мундштук и села на диван, глубоко затянувшись сигаретой. Модные ментоловые «Салем» она не любила, предпочитала мужские «Мальборо». Как начала курить в четырнадцать лет, так с тех пор и дымила как паровоз, мужу под стать.

– Надо хотя бы попробовать. Если совсем не буду ничего успевать, в следующем семестре откажусь, не волнуйся, пожалуйста. Это же должно быть интересно.

– Тебе все интересно, а мне интересно твое здоровье, – не унималась Алена.

– Ластынька моя, обещаю, что буду есть всегда вовремя. – Роберт улыбнулся и приложил руку к сердцу, словно произносил торжественную клятву.

– И что будешь меньше курить! – добавила Алена.

– Ну кто бы говорил... – Роберт покачал головой.
– Ладно, пойдем обедать, мама заждалась уже.
– Сейчас, пару минут, просили документы сделать, а то водителя сюда уже отправили. Садитесь пока без меня, начинайте, дай мне пару минут.

Он взял листок бумаги, сел за стол и не задумываясь стал писать:

«Автобиография.

Я, Крещенский Роберт Иванович, родился в 1932 году 20 июня в селе Косиха на Алтае.

Отец – военный, мать – врач. После войны в 1949 году я окончил школу в г. Ленинграде. Один год учился в университете, г. Петрозаводск, после – в Литературном институте им. Горького. В 1956 году этот институт окончил.

С 1954 года – член Союза писателей. Много езжу по нашей стране. Много бываю за рубежом. Выпустил около 30 книг на русском языке. Примерно столько же вышло на языках народов СССР и за рубежом.

В основном пишу стихи. Кроме этого, пишу очерки. Являюсь спец. корреспондентом газеты “Известия”.

С 1959 года являюсь членом Правления Московской писательской организации. С 1961 г. – членом Правления СП РСФСР, с 1963 г. – член Правления СП СССР. В 1971 г. был избран секретарем СП СССР.

Женат. Жена – Киреева А.Б. – литературный критик. Есть две дочери».

И размашисто подписался.

– Робочка! Так нечестно! Ты же обещал. – С кухни появилась Алена с полотенцем на плече. – Второй раз уже все подогреваю!

Роберт улыбнулся и дал жене прочитать свою, как он считал, довольно скучную и особо ничем не примечательную биографию.

– Что еще надо указать? Я в этих чиновничьих делах совсем не силен.

Алена быстрым взглядом пробежала по тексту, одобрительно кивнула и предложила:

– Напиши, чтоб они тебя в училку не превращали, чтоб не занимали в институте пять раз в неделю, иначе я взбунтуюсь и мало им не покажется! – Алена вскинула брови, как она умела, но при этом хоть улыбнулась. – Пойдем уже.

– Погоди, мне еще документы для выезда надо обновить, скоро в Австралию летим, хочу одним махом управиться. Много всего потребуется, главное, успеть это сделать как можно быстрее: две анкеты, две автобиографии от руки, характеристика от Союза писателей, заверенная в райкоме КПСС, две рекомендации от членов партии, двенадцать фотографий. Из всего этого есть только фотографии.

Роберт недоуменно вертел еще один список в руках, словно впервые видел этот набор слов.

– Анкету я и на тебя и на себя взял, это мы заполним, автобиографию спишем с этой, характеристики Тонька обещала устроить и заверить, это важно. Теперь надо понять, кто может дать рекомендации.

– Ну, знаешь, тебе-то и не дать, любого попроси, никто не откажет. Можно ту же Тоньку напрячь. – Алла всегда советовала правильно. Тонька, Антонина, была секретарем секретариата правления Союза писателей СССР, самая что ни на есть важная должность, третья, можно сказать, после самого Маркина и Верченкова. Теневая фигура, хоть и бой-баба, она рулила всеми писательскими делами, открыто принимая подарки и приглашения в соседний ресторан, вовремя потом подкладывая одни, важные ей, бумажки на подпись, а другие подзапрятывая, превращаясь для одних просителей в чербера, а другим становясь ангелом-хранителем. У Крещенских с Тоней были чудесные отношения, уж кто-кто, а Алена с Робертом так к себе располагали, что трудно было не попасть под их обаяние.

– Ну что, вопрос решен быстрее, чем ты рассчитывал? – Алена улыбнулась, сняла с мужа тяжелый твидовый пиджак и поцеловала в небритую щеку. – Пойдем уже наконец обедать.

Ира с Катей ушли в комнату слушать музыку – кто-то подарил Крещенским кассету с новой рок-оперой «Иисус Христос – суперзвезда» – и тотчас зависли, категорически отказавшись обедать, а

Лида суматошно накрывала на стол, только что успев убрать пустые бутылки водки.

– Как вкусно пахнет... Пополнили запасы крещенки? – Роберт сел на свое законное место у балкона и подвинул к себе тарелку с бульоном.

– Да, а то совсем поизносились, спаивать гостей нечем, – улыбнулась Алена. – Письмо тебе прислали очередное, в кабинет на стол положить?

– Да прочитай сейчас, если не жалко.

Алена взяла конверт и оторвала уголок.

Очередное письмо

– Так. «Уважаемый гражданин Рождественский! Право обращаться к Вам таким образом я приписываю положению, так как в настоящее время нахожусь в местах довольно-таки отдаленных от Москвы. Очень бы хотелось, конечно, обратиться к Вам по-другому. Но! Этика Закона не допускает этого. Дело в том, что, несмотря на удаленность от Москвы, мы живем делами страны, работаем сами и интересуемся трудовыми и культурными достижениями народа. У нас в лагере ведется большая культурно-массовая работа, есть клуб, библиотека, молодежь учится в школе. Доучивается, так сказать. Отбыв тут уже семь лет, я понял, что зря теряю время как личность, и решил совершенствоваться. Я уже совершил то, что совершил, и нет мне за это прощения. Но! Надо приносить пользу обществу, надо задать себе жизневдохновляющий темп и спешить приносить добро! Год назад я совершенно изменился. Помню час, когда это случилось. Мы были в душе, все шло своим чередом, стояли, мылились, шел пар, я напевал себе под нос очередную песенку, казалось бы, все как всегда. Но! Вдруг вместо теплой воды полилась ледяная! Меня как ошпарило! И сразу что-то во мне щелкнуло! Я вдруг увидел себя со стороны, словно я умер и покинул тело, летая духом над голыми мужскими телами...» Бред какой-то, зачем писать такие подробности совершенно незнакомому человеку? Дочитать или оставить тебе на после обеда? Еще аппетит себе испортишь. – Алена недоуменно посмотрела на мужа.

– Да ладно, первый раз, что ли? Относись к этому проще. – Роберт отодвинул тарелку из-под супа, и Лида тотчас принесла ему второе. – Спасибо, Лидия Яковлевна, очень вкусный бульон. Я ж вроде отдушины у них, выговорятся, напишут целый роман – и, глядишь, полегчает.

– Ну смотри, читаю дальше: «И тут меня осенило, вот что я придумал. Поскольку я люблю музыку и петь, я решил придумать, как увеличить количество композиторов, создающих ласкающую слух музыку. Моя идея заключается в том, что любой обученный нотной грамоте человек сможет стать великим композитором...» – Алена недоуменно опустила письмо и развела руками. – Ты все еще уверен, что надо продолжать?

– Да мне даже стало интересно, как он собирается увеличить поголовье великих композиторов! – усмехнулся Роберт.

– «Все просто. Чтобы написать новое произведение, нужно в нотной тетради в ХАОТИЧНОМ ПОРЯДКЕ записывать разные ноты. Исписав несколько десятков страниц, нужно начать наигрывать то, что скопилось. Среди полнейшего хаоса точно найдутся мелодии, которые будут приятны уху, таким манером и станут появляться удивительные композиторы, все больше, больше, рангом не ниже Моцарта, Мусоргского, Римского-Корсакова и даже Бетховена. Возможности моего мозга не знают границ! Роберт Иванович! Несмотря на то что вы уже многого добились на поэтическом поприще и стали известным человеком Советского Союза, который выражает свои мысли в необычной форме (стихи, рифмы), я могу помочь вам пойти дальше и стать самым известным поэтом во всем мире, ваши стихи будут читать и в монгольском чуме, и в африканской мазанке, и в папуасской деревне. Дело в том, что я могу придумать принципиально новые схемы, благодаря которым вы сможете писать стихи на совершенно другом уровне! Очень скоро у меня освобождение и я проездом окажусь в славном городе Москва. Обязательно найду время, чтобы заехать к вам и лично все обсудить, надеюсь, вам будет интересно со мной встретиться и я вдохну новую струю в ваше творчество». Господи, бедняга, его лечить надо было, а не в тюрьму сажать! – Алена взяла со стола пачку сигарет и закурила. – За что это такое наказание? Почему теперь почти каждое утро начинается с какого-то идиотского письма? Интересно, за что он сидит. Думаешь, что-то серьезное?

– Семь лет достаточно серьезно...

– И что, нам теперь гостей ждать? – Вид у Алены был немного испуганный.

– Да забудь, написал и написал, смотри, сколько записок приходит! За все не поволнуешься! – Роберт выглядел спокойным, хотя было заметно, что и его это тоже немного задело. Но тут в комнату вбежала Лиска с книжкой, мелко затопала, крикнула: «Папка!» – и бросилась к нему на шею. И все, и про письмо было забыто.

Потихоньку прошли майские, жаркие, как никогда, пышущие солнцем и ошарашивающие своим напором. За праздники все умудрилось распуститься и заколоситься, какие-то десять дней четко отделили весну от лета. Земля аж шевелилась, выпуская всевозможные

побеги, которые были в нее заложены еще с осени, не подавали никаких признаков жизни полгода холодов и вдруг все разом, как сговорившись, решили вылезти наружу. Праздники, как водится, провели на даче в Переделкино, убрались на участке после зимы, собрали всю эту осеннюю ветхость, отскребли землю от опрелых листьев, вволю пожгли костры и даже устроили шашлыки. Да и ритуал соблюли – каждые майские собирали молодые закругленные росточки папоротника-орляка и жарили, всякий раз удивляя гостей.

– Лисички?

– Нет.

– Мороженые подосиновики?

– Нет.

– Баклажаны?

– Не-а.

– А что же тогда?

– Папоротник.

– Что-о-о-о-о?

Да, в мае часто подавали на стол именно папоротник, салат из молодых одуванчиков и суп из крапивы – «подножный корм», как называла это Лидка. Катино дело было собрать, а Лидкино – приготовить. Готовился папоротник легче легкого, сначала минут десять отваривался, потом жарился лук с чесноком, куда папоротник, собственно, и добавлялся, перемешивался, чуток пришпаривался и приправлялся специями с майонезом. Все!

«Кишка» и переехавший дом

Праздники закончились как-то уж очень быстро, раз – и пора было в Москву. Денек – очистка участка от слипшихся за зиму старинных листьев, денек – уборка самого уставшего за зиму старенького дома, а оставшиеся дни до конца недели – гости нон-стоп, гулянье по аллеям Переделкино, походы на соседние дачи к друзьям и знакомым, в общем, пыль столбом и дым коромыслом. За майские после такого отдыха Крещенские вконец выдохлись и засобирались в Москву. Остаться на даче пусть еще даже пару дней никак уже не получалось, да и дел невпроворот, в первую очередь пора было подумать о закупках к надвигающемуся дню рождения Робочки. Для начала требовалось прошерстить соседние продуктовые в поисках консервов: майонез, скажем, красная фасоль для лобио, зеленый горошек и какие-нибудь приличные рыбные типа печени трески (хотя вряд ли, печень бралась только по благу) – это все никому не помешало бы. Основная нагрузка ложилась на Принца с Лидкой, но и Катя не отставала, и вероятность того, что хоть какие-то из этих консервов найдутся, была вполне высока. Одновременно можно было бы поискать и мороженые продукты – какой-нибудь минтай или треску для заливного, ничего, полежит рыбка до дня рождения, подождет, что ей будет! Ну а ближе к делу – на рынок, без зелени и овощей никуда, опять же мясо на шашлык и всякое такое. Это уже Робочкино дело, любил он это занятие, рынок. В общем, одним днем, даже одной неделей на накопление продуктов никак не отделаться – месяц, не меньше!

Катя предпочитала за консервами ходить в продуктовый напротив, в «кишку», еще и по другой, а не только по консервной причине – ее, как и бабушку, тянуло на красивое. Поначалу она просто заскакивала в этот магазин по дороге из школы, чтобы купить необходимое, ну то, что там на этот раз «выбросили». Но однажды, укрывшись в арке дома, где находился магазин, чтобы переждать внезапно налетевший шквал с ливнем, она заприметила во дворе спрятавшийся от глаз дом небывалый красоты, роскошный, весь в изразцах и фасетных стеклах, причудливых башенках и живописи, и с тех пор с большей охотой ходила в «кишку» – можно было лишний раз навестить красавца. Потом и разузнала о нем подробности у того же Володи Ревзина – уж

он-то знал практически все, что касалось его любимого города. И в библиотеку не надо было обращаться, а просто позвонить Володе – и на тебе, пожалуйста, мало того что биография дома, так еще и интересные истории, с ним связанные! Заслушаешься! Вова рассказывать по телефону об этом доме решительно отказался. «Не тот случай, – ответил, – приду специально и пойдем на место». Через день явился, воодушевленный тем, что Катя задала вопрос, связанный с архитектурой.

Лидка попыталась было усадить его отобедать – только что рыбных котлет накрутила и пюре натолкла, а борщ уже доедали, три дня ему исполнилось, – но Вова категорически отказался:

– Нет уж, дорогая Лидия Яковлевна, если я с такой унижительной поспешностью сяду за стол, то перестану себя уважать! Надо пользоваться интересом, который проявился у ребенка! Она меня ждала, готова к путешествию, а я тут рассядусь на два часа, расхоложу ее, нет, ни в коем случае! Сначала дело! Потом борщ!

– Вовочка, только обещай, что обязательно зайдешь, прошу тебя, мне надо с тобой пошептаться об одном очень важном для меня деле... – Лида красноречиво на него посмотрела, закрепив просьбу взглядом.

– Что беспокоит, Лидия Яковлевна? Чем, так сказать, могу? – Володя откладывает разговор не стал, участливо отозвался.

Лидка посмотрела ему в глаза, продумывая еще раз, стоит или нет спрашивать про народные суеверия, а потом, махнув рукой, бросилась как в омут головой:

– Вот ты образованный и начитанный человек, скажи мне, существуют ли на самом деле привидения или призраки? – Она на секунду замаялась и, смутившись, затеребила лямку фартука, но сразу продолжила: – Вот что надо делать, если вдруг что-то подобное увижу?

– Где это вы собираетесь встречаться с привидениями, Лидия Яковлевна? – Володя заговорщицки посмотрел на нее лукавыми глазами. – Что за рандеву у вас намечается, в каком таком старинном замке?

– Просто интересно с научной точки зрения, мы с девочками поспорили. – Лидка в последний момент решила не раскрывать все свои секреты и не рассказывать про призрака, который, по ее наблюдениям, живет у Робочки в чуланчике, а задать общие вопросы. –

Если, скажем, вещи в комнате часто падают, сами по себе, никто их не трогает. Или теряются... Или вдруг что-то постукивает, а что – не видно. Ну, всякое такое. Дверь открывается... Или ветерок при закрытой форточке...

– Лидия Яковлевна, эти явления, оказывается, существуют не только у вас! – Володя сразу понял, что к чему. – У меня дома та же история! И стучит, и валится, и открывается-закрывается, а уж как теряется, вы себе представить не можете! И знаете что? Я махнул на всех этих призраков рукой, у нас с ними заключен мирный договор – они меня не трогают, я их не замечаю! И прекрасно, надо сказать, уживаемся! Это лучший выход из положения!

Лидка благодарно на него посмотрела и удовлетворенно кивнула, ответ ей понравился, хотя все эти явления на самом деле происходили в их квартире постоянно. А несколько дней назад произошел совсем уже странный случай – она нашла лампочку на полу в гостиной, прямо под люстрой. Люстра эта была антикварной, купленная давным-давно аж в самом Ленинграде, и не в магазине, а у кого-то с рук, на профессорской квартире. Красавица писаная, с двенадцатью рожками-свечками, раньше не доставляющая никаких хлопот, она была объектом зависти и восторгов всех гостей. Снизу по темно-синей чаше две изящные, но изрядно затертые бронзовые колесницы мчались по кругу друг за другом в никуда. Проводка в резных, гордо торчащих свечах, некогда переделанных под электричество, была неоднократно проверена, но именно эта старинная люстра стала здесь, в этой квартире, довольно часто капризничать. Все эти капризы – мигание, жужжание, выключение по ее собственному желанию – можно было, конечно, списать на работу самого электричества, но последний выкидон, как назвала его Лидка, – ну никак! Люстра просто выбросила лампочку! Все они исправно горели, а тут как-то утром Лидка увидела, что одна из двенадцати аккуратно лежит, не разбившись, на полу! Хотя упасть с такой высоты – метра три с половиной – означало разбиться в пыль, но нет, ничего с лампочкой не произошло, она просто лениво валялась посреди комнаты. Лидке от удивления даже показалось, что она еще слегка движется, словно только что откуда-то прикатилась. Она сразу позвонила Принцу, и тот, как пришел, тщательно проверил, не засорился ли патрон. Но нет, все было в ажуре, и лампочка эта, водруженная на прежнее место, снова с радостью загорелась. Про этот

случай Лидка Володе, конечно же, не сказала, но еще больше утвердилась в своем подозрении – чуланный призрак активизировался, покинул свой чулан и разгуливает теперь по всей квартире.

Вова тем временем помог Кате надеть легкое пальтишко, и они сразу отчалили. Рассказывать Вова начал прямо в лифте, заходя издалека, не только про заинтересовавший Катю дом, а объемно, обо всей улице в целом. «Живешь здесь, надо знать!»

Он махал руками, красноречиво объясняя, что это сегодня улица Горького такая красивая и просторная, а раньше вообще была шириной всего в двадцать метров. И не Горького, а Тверская, по названию направления и началу главного пути из Москвы – сначала в Тверь, а оттуда уже в новую столицу – Петербург. А в 1932-м ее переименовали, и не только ее, а вообще все вокруг перекоррежили, сломали, уничтожили целые районы, хотели даже поднять руку на Красную площадь – задумали план реконструкции Москвы. Ну и стали улицу расширять, в основном за счет правой стороны, решили, что здания там уже ветхие, малоэтажные, особенной исторической ценности не имеющие. Левую целиком под снос отдавать было жалко, одумались, оставили «Националь» и Центральный телеграф. Вова поднял на него благодарный взгляд и посмотрел на яркий глобус над входом.

– А ты знаешь, что он должен был довольно быстро возвращаться? Но не очень-то и получилось. Еле двигается.

– Да и так хорошо. А то крутился бы со страшной силой, скрипел бы всю ночь, спать не давал.

Катя с Вовой скрылись в подземном переходе и пошли себе под ручку, продолжая ворковать об архитектуре и историях, с нею связанных. В конце перехода Вову вдруг осенило, и вместо того, чтобы пойти налево, к проезду Художественного театра, он потащил Катю вверх по лестнице направо.

– Вот, обрати внимание – часы наверху! – Они встали напротив улицы Белинского и посмотрели на верхний угол здания, где на крыше красовались не самые, честно говоря, изящные часы, довольно скучноватые, с римскими цифрами на витражном циферблате. – Автор часов, кстати, неизвестен. Где сделано, тоже точно не ясно. Когда – тем более. Можно только догадываться по некоторым признакам. Предположительно, в Германии, где-то в конце девятнадцатого – начале двадцатого века. Но не это самое интересное! – Вова поднял палец

вверх и собрал бровки домиком. – Именно эти часы считались в Москве самыми точными тогда, время по ним сверяли все телеграфы страны, Московский университет и даже Кремль! Они до сих пор прекрасно идут. Раз в неделю их заводят вручную.

Теперь им ничего не мешало пойти чуть выше по улице, туда, в заветную арку, в которой Катя заприметила роскошный дом. Они стали хороводить вокруг дома, заходить в его внутренние дворики и арки, разглядывать выпуклые фасетные стекла и высокие разнокалиберные окошки. А Вова, не переставая, рассказывал.

Оказывается, это было Саввинское подворье, построенное в начале двадцатого века архитектором Кузнецовым. Вова сам был прекрасным архитектором, поэтому имена зодчих всегда обязательно называл, тщательно сохраняя авторство зданий. Так вот, Звенигородскому монастырю понадобился доходный дом, и он был отстроен в псевдорусском, модном тогда, стиле. Так и простоял на первой линии Тверской – тогда это была еще именно Тверская – до конца тридцатых годов, радуя прохожих своим великолепием и основательностью. Было это до всемирно-всеобщей московской реконструкции, когда всю четную сторону улицы Горького решили перенести дальше к северу, то есть назад от улицы, на пару десятков метров.

– Ведь коммунистический город должен быть светлым, просторным, современным, с широкими проспектами, огромными площадями и новой пролетарской эстетикой, – сказал Володя и хохотнул, явно с чем-то из перечисленного не соглашаясь. – Ну вот, и на чертежах кто-то твердой рукой, а мы прекрасно понимаем, кто именно, – подмигнул Вова Кате, – прочертил прямую линию, из-за которой многие старинные и очень красивые строения были снесены, а какие-то по необъяснимой причине остались стоять на разрушенной улице. Среди них был этот дом номер шесть и типография Сытина на Пушкинской площади, которые из всех признали вдруг памятниками архитектуры и решили сохранить. Но сохранить так, чтоб не мешали надвигающемуся сталинскому ампиру. То есть передвинуть. – И Володя снова поднял вверх свой говорящий палец. – Двигали дом весом двадцать три тысячи тонн, Саввинское подворье, тихонечко, одной ночью, никого не отселив. – Вова выпучил глаза и понизил голос, дальше почти шепча, видимо, чтобы не разбудить тех, кто спал в ту далекую ночь. – Да так плавно получилось, что, по слухам, не

развалилась даже игрушечная башня из кубиков, которую построила маленькая девочка в одной из квартир! Двигали одну ночь, а подготовка шла целых четыре месяца, представляешь? И перенесли-таки, на пятьдесят метров от дороги.

– Подожди, но жители же должны были быть в курсе, они же видели все эти подготовительные работы, лебедку, рельсы, которые подкладывали под дом? Когда у нас ремонт делали, то рабочие постоянно везде мельтешили. А тут, небось, и подавно. – Катя довольно близко к сердцу приняла эту ситуацию. – Жильцы же волновались, как оно все пройдет, просили, наверное, предупредить, чтобы вовремя успеть съехать к родственникам на время движения дома, чтоб, не дай бог, не завалило. Как такое вообще возможно?

– Не волнуйся. Предупредили, – сказал Володя. – За пару часов. Никто никуда не успел уехать. Но могу себе представить, каково было жильцам, когда им вдруг сообщили, что ночью дом начнут передвигать и все люди останутся в нем... С женами, родителями, детьми, кошками и фикусами, со всем нажитым добром. Как они тогда заснули? Крепко ли спали? Хотя если бы дом рухнул, то об этом вряд ли кто узнал бы: нет дома – нет проблемы, человеком больше, человеком меньше – не беда, советские женщины нарожают еще. В газетах не напечатают, телевидения еще не было. А к людям в то время относились просто как к мясу, – снова зашептал Вова. – Шел 1939-й. Страшное время. Да и бояться было нечего, заверяло местное начальство. Специально для всех этих «манипуляций» с передвижкой зданий была создана метростроевская контора, которая чуть ли не играючи выполняла перенос небольших домов, изначально мешавших строительству метро, а потом перешла на разработку более крупных проектов, как Саввинское подворье с рекордом веса в двадцать три тысячи тонн. Вся Москва вообще после 1935 года была перерыта: где-то сносили здания и церкви, где-то дома убирали под нож целыми переулками, освобождаясь от шикарного царского наследия, где-то строили метро, глубоко и опасно, где-то расширяли магистрали, ну а на улице Горького передвигали дома, – подытожил Вова. – Пройти без галош в любое время года было тогда невозможно, – сказал он и зачем-то посмотрел на лужу, в которой стоял.

Такими мелкими перебежками с архитектором Владимиром Ревзиным Катя многое узнала о новом для нее месте, об улице, которая

раньше была для нее просто змейкой на карте Москвы, а сейчас стала родным домом. И теперь раз, ну не каждый, конечно, но почти, когда Катя заскакивала в «кишку», обязательно заходила в арку проведать спрятавшегося от суеты каменного красавца, и он всегда радовал ее чем-то новым: то необычным оранжевым светом от закатного солнца, то длиннющими сосульками, свесившимися с закругленных карнизов, то сочным цветом бирюзовой облицовки, неприметной в другую погоду, а то и словоохотливой жиличкой дома, влюбленной в то место, где она живет.

Книжный «Москва»

Как приехали после майских, Катя задумалась о подарке для папы на день рождения, скоро, уже совсем скоро. Шарфы-перчатки, что всегда было хоть и необходимо, отпадали, летом днем с огнем такое не найдешь, а осенью тоже ищи-свищи, хорошего не купишь, а колючую шерсть Роберт страсть как не любил. Качественную ручку, какой-нибудь важный иностранный «Паркер» можно было купить только у спекулянтов, и то за бешеные деньги, которых у Кати в помине не было. Да и спекулянтов у «Интуриста» искать – такое себе удовольствие. Выход был один, да и не выход даже, а мудрое решение – книга! «Книга – лучший подарок!» – этот лозунг преследовал Катю повсюду и таки да, в случае с папой полностью себя оправдывал.

Один из самых важных столичных книжных магазинов с говорящим названием «Москва» находился совсем рядом с домом, почти напротив их арки, но чуть наискосок, за Советской площадью. Место было бойкое, высокоинтеллектуальное и не имеющее ничего общего с тихим оазисом спокойствия и отдохновения. Народ там толпился всегда, независимо от того, что лежало на прилавках – материалы XXV съезда КПСС или «Капитал» Маркса, поскольку всегда существовала надежда на что-то большее. Иногда этого «большого» дожидались, тем более что у многих покупателей, среди которых были в основном читающие научные работники всех возрастов, мастей и званий, заводился блат среди хорошеньких продавщиц книжного в скромных синеньких халатиках. «Большее» – это хорошие редкие книги с малым тиражом, а не то, что обычно думают умудренные опытом люди. Как можно было заполучить только что вышедший, но уже наделавший шуму роман Юрия Трифонова «Дом на набережной»? Только по звонку от продавщицы, которая выпишет талон, по которому надо будет прийти в определенный день, в указанное время и отстоять многочасовую очередь на улице, и только тогда блатная книжка окажется в руках.

У входа в книжный притулился ларек с театральными билетами, удобная штука, надо сказать, Катя здесь часто покупала билеты на всякие балетные конкурсы для Лидки. Она на секунду остановилась, чтобы посмотреть, что идет в театрах. К театру она относилась

спокойно, на премьеры с родителями ходить не любила, предпочитала потом, с Лидкой, когда суета уже спадала. Да и театры любила не все, но «Современник» и «Ленком» считала лучшими. Наклонилась к окошечку:

– Добрый день! А в «Современник» на что-нибудь билеты есть?

Тетечка в окошечке была стара, добра и походила на сказительницу, актрису Зуеву, которая широко раскрывала расписные ставни в фильмах-сказках, чтобы начать рассказ. Или его закончить.

– Добрый день, милая! Даже и смотреть не придется, знаю! У них недавно вышел спектакль по Симонову «Из записок Лопатина», премьера была уже, могу поискать билетик на какой-нибудь ближайший спектакль, вроде попался... Актеры там неплохие играют: Костя Райкин, сын самого, – и она заговорщицки показала глазами наверх, – Марина Неелова, Олег Даль, все молоденькие, крепенькие, о них хорошие отзывы. В роли самого Лопатина – Валентин Гафт, может, видели его в фильме «Здравствуйте, я ваша тетя»?

– Кто ж его не знает, – удивилась Катя, – прекрасный актер!

Билетерша зарылась в ворохе бумаг и тетрадей, где на каждой странице красовались прищипанные канцелярской скрепкой разнокалиберные билеты. Она листала и листала, что-то шепча себе под нос, и, полностью углубившись в их изучение и просмотрев три тетради, так ничего подходящего и не нашла.

– Нет, видимо, ошиблась, – разочарованно произнесла она. – Но скоро должны новую порцию завезти, так что обращайтесь.

Катя поблагодарила и зашла в магазин. Справа из отдела политической литературы на нее смотрел огромный портрет Ленина, не таких гигантских размеров, конечно, как тот, что подглядывал к ней в окошко с фасада телеграфа, поменьше и пожиже, но все равно внушительный, во всю магазинную стену. Он как бы, с одной стороны, оберегал эти важные и умные книги, а с другой – зазывал покупателей своей легкой и беспричинной полуулыбкой.

Народу в магазине было, как всегда, порядочно: люди интеллигентные, начитанные, по большей части в очках, а иногда даже в шляпах. В этой культурной толпе всегда извинялись, если наталкивались друг на друга, потом долго раскланиваясь и расшаркиваясь. Катя обогнула высокие напольные кадки с китайскими

розами и пошла дальше, в отдел художественной литературы, за которым находился и хороший букинистический, где можно было легко провести полдня, совершенно забыв о времени, затеряться, пошнырять между стеллажами, пообщаться со строгими, почти неприступными продавщицами, которые при ближайшем рассмотрении, а еще точнее, при общении оказывались вполне милыми, знающими, начитанными и даже иногда улыбающимися товарищами. Но в художественном наткнулась на книгу, выставленную на прилавок, и ненадолго задержалась, чтобы полистать ее, – новый альбом «Москва в фотографиях. 1945–1950-е годы», который, конечно же, сразу понравился – крупноформатный, внушительный, любо-дорого посмотреть, а уж подарить – тем более! Но начать все-таки решила с букинистического и поискать, нет ли там чего ценного.

Он, этот отдел антикварной книги, как это ни странно, привлекал ее в первую очередь запахом, и запах этот сильно на нее действовал. Запахи вообще имели над Катей власть, но этот, старо-книжный, особенно. Теплая смесь тяжелых земных ароматов и легкий дым, бумажная застарелая пыль и полевые цветы, когда-то давным-давно положенные между листками, чуть слышное – пусть представляемое – шуршание надушенных пальцев, переворачивающих страницы, и едва уловимая благородная плесень – все это еле заметно чувствовалось и, смешиваясь, привлекало каким-то необъяснимым волшебством. И время среди этих полок со старинными книгами физически останавливалось, замирало, уже абсолютно не замечалось. Катя медленно, как во сне, ходила между тяжелыми шкафами с книгами, иногда касалась каких-то, на ее взгляд, особых, вынимала из шеренги таких же древних томов, рассеянно листала и ставила обратно.

– А у вас есть что-то по истории Москвы? Какие-нибудь старые книги, даже не советские, а антикварные? – спросила Катя у полноватой, но вполне еще ладненькой продавщицы, которая расставляла тома по полкам.

Продавщица смерила ее внимательным взглядом, не то чтоб оценивающим, но таким, слегка изучающим.

– История Москвы... Есть одна, редкая, только вот сдали. Сейчас покажу. – И повела Катю вглубь отдела, туда, где на ее большом рабочем столе лежали уже оформленные и зарегистрированные книжки в ожидании, пока их расставят на правильные места.

– Вот, Пыляев, Михал Иваныч, – сказала она по-свойски, словно автор часто захаживал к ней в магазин и были они накоротке знакомы. – «Старая Москва. История былой жизни первопрестольной столицы». Очень рекомендую, сочно написана. Я сама пару раз прочитала. Редко появляется в магазинах. В основном по спекулянтам. Вам крупно повезло.

Катя открыла богато декорированный, с золотым тиснением, том, произвольно, не с самого начала, и с первых же строк зачиталась: «По словам графа Сегюра: “Она в старости маститой, в параличе, была исполнена жизни: сохранила веселость, пылкое воображение, обширную память; разговор ее был столь же привлекателен, поучителен, как история, хорошо написанная”. О браке отца Румянцева с ней существует следующее предание. Когда заслуги отца Румянцева при дворе Петра Великого стали заметны и последний сделался любимцем царя, то один из вельмож предложил ему руку своей дочери и тысячу душ в приданое. Румянцев, как известно, был бедняк, сын небогатого костромского дворянина. Осчастливленный подобным предложением, Румянцев бросился к ногам царя, испрашивая согласия на брак, от которого зависело все благополучие его жизни. Подняв Румянцева, Петр спросил:

– Видел ли ты невесту и хороша ли она?

– Не видал, – отвечал Румянцев, – но говорят, что она недурна и неглупа.

– Слушай, Румянцев, – продолжает государь, – балу я быть позволяю, а от сговора удержишься. Я сам буду на бале и посмотрю невесту; если она действительно достойна тебя, то не стану препятствовать твоему счастью.

До 10 часов вечера ожидали царя и, полагая, что какое-либо важное дело помешало ему сдержать данное слово, начали танцевать; но вдруг Петр явился в дом невесты своего любимца, увидел ее, стоя в дверях в толпе любопытных зрителей, и, сказав про себя довольно громко: “Ничему не бывать”, уехал. Хозяин и жених были чрезвычайно огорчены этим неприятным событием».

«Ничего себе, как все просто раньше решалось со свадьбой, – подумала Катя. – Захотел – разрешил жениться, не захотел – отказал, если невеста не понравилась, никто и пикнуть поперек батьки не мог, жизнь какая-то нечеловеческая». Но это ладно, зато сама книжка была

то что надо – чудесная, богато оформленная, написанная прекрасным старым языком, сочными словечками и – самое главное – конкретно про Москву. Хотя, услышав цену, Катя задумалась... Неподъемно, для нее одной уж точно. Надо будет посоветоваться с Лидкой, а если на двоих не получится разделить цену, тогда уже обратиться к тяжелой артиллерии – к маме.

Заначки

Катя попросила книгу отложить, быстро сбегала домой, и вопрос денег решился достаточно просто – Лидка была при деньгах, много не тратила, в основном копила и свято следовала старому советскому лозунгу «Держите деньги в сберегательной кассе!». Но надо было знать Лидку, как, впрочем, и каждого человека с внушительным стажем жизни в советском государстве, – на черный день всегда лежало дома. Чтоб было, чтоб грело, чтоб схватить и бежать, житейский опыт ни на что не променяешь. Поэтому деньги были вынуты из тайника, который размещался – вы не поверите – в занавеске! Там на уровне потолка был аккуратно и очень незаметно вшит кармашек, который Лидка сама, слегка стесняясь, опустошила, попросив Катю притащить для этого с кухни стремянку. Попыхтев немного, она сама медленно и тяжело залезла на ступеньки под яростные Катины попытки остановить это безобразие, но тщетно – Лидка всегда сама знала, что и как нужно делать, и никто ей был не указ.

– Так! Не трясина меня и оставь в покое подол! – Катя пыталась поддержать бабушку на довольно шаткой лесенке, но она упорно лезла вверх. – Я и сама свалюсь, если надо, и без твоей помощи!

Лидка пыталась шутить и вот наконец долезла до заначки. Пошуровав немного в ламбрекене, она с гордостью достала конверт и замахала им как революционер листовкой.

– Вот, учись, меня врасплох не возьмешь! Знай наших! Думаешь, только тут у меня лежит? В каждой комнате понемногу! – раскраснелась она. – Ну, кроме Робочкиного кабинета, конечно... Там я не очень доверяю... – произнесла Лидка и запнулась.

– Кому не доверяешь? Папе? – Катя от удивления чуть не отпустила стремянку.

– Да ну что ты, как такое можно было подумать! Просто он в кабинете часто работает, а вдруг мне деньги срочно понадобятся, ну как сейчас? Я ж не пойду ему мешать! – быстро нашлась Лида. – Поэтому больше всего заначек у меня на кухне! Вот там мое царство! И ни одна Нюрка не найдет! Хочешь, покажу?

Лидка сияла лукавством и гордостью, но скорее не из-за того, что по всей квартире припрятала деньги, а что сама справилась с долгим и

опасным путем к вершине. Слезла, успокоенная исполненным чувством долга, намного легче, словно проделывала эти трюки на стремянке по несколько раз на дню. Потом торжественно выдала внучке четвертной:

– Держи, а мелочовку, если понадобится, добавь сама. – И повела на кухню, где сидел Роберт с газетой и пил, одновременно покуривая, свой очередной чай. Лидка подмигнула внучке, мол, тихо, и пошла к кухонным шкафчикам. Среди целой шеренги банок выбрала ту, что была с перловкой, встряхнула и заговорщицки на нее показала. Еще заначки оказались на самом верхнем шкафчике в вазе с сухоцветами, на задней решетке холодильника и под кусочком отклеившихся обоев в цветочек. Эти обои в цветочек, клеящиеся, модные, импортные, были родными всем – только их, видимо, и завезли в Москву перед Олимпиадой в каких-то необъятных количествах, и теперь они украшали у кого спальню, у кого гостиную, а Крещенские решили, что цветочек будет хорошо смотреться на кухне. Поэтому Лидка и подсунула конвертик с небольшой суммой под обоину, удачно ее потом снова заклеив, словно ничего и не было спрятано. Конвертик прощупывался, Лидка приложила к нему Катину руку и с величественной улыбкой повела дальше, к подоконнику. Здесь она картинно, как конференсье перед объявлением следующего номера программы, встала, отодвинула деревянные разделочные доски и, победно глядя на девочку, откинула край клеенки.

– Вот еще! – подмигнула она.

Но Катя ничего припрятанного не увидела. Пусто. Лишь тараканий ребенок во все ножки торопливо убежал от опасности.

Лидка привычно его прихлопнула, сначала даже не поняв, что заначка куда-то исчезла. Она еще выше приподняла клеенку, но ничего нового не обнаружила. Стала искать конверт по углам, даже переставила все склянки и растения – вдруг склероз, забыла, слева спрятала или справа? – но снова пусто. Лицо ее побледнело, глаза округлились, а брови вскинулись черными, четко прорисованными дугами.

– Дня три назад проверяла, делала обход, все лежало на месте... Может, Аллуся взяла? – И поспешила в гостиную, где Алена писала кому-то письмо.

Но нет, Алена не брала, хотя бы потому, что Лидка о существовании заначек ничего ей не говорила.

– У Робочки даже спрашивать не буду, он к этому подоконнику вообще никогда не подходит, а уж под клеенку точно не полезет. – Лидкино лицо озарилось тревожным светом. – Неужели Нюрка?.. – трагически прошептала Лидка. – Только она тут шарит... Больше никому... Ну все, п...ц котенку!

Алена отложила письмо и прикурила очередную сигарету. Пепельница была заполнена до отказа, и Лидка отодвинула ее подальше. Она молча требовала ответа от дочери, просверливая ее немигающим взглядом.

– Да ладно, наверное, ты забыла, куда положила конверт, не волнуйся, куда не денется.

– Ты хочешь сказать, что я совершенно расслабилась умом и уже ничего не помню? Что дожила до потери сознательности? – с вызовом спросила Лидка, угрожающе подбоченясь. – У меня все записано! Пойди посмотри! Там сейчас пусто! А лежало пятнадцать рублей! По три пятерки!

Лидка чуть ли не насильно повела дочь на кухню, показала на развороченный подоконник и встала, надсадно дыша ей в затылок, пока Алена искала невидимый конверт.

– Ее ж не спросишь, эту козявку ивовую... А спросишь – уйдет в отказ... Вот ведь, блошка капустная... – Лидка ругалась так ругалась, находя подходящие определения для своего объекта ненависти из той области, которую любила, а именно из сферы природоведения. – Вот, учись на моих ошибках! Всякое добро наказуемо!

Катя включила радио погромче, чтобы папа не слышал их возню, но он был занят своей газетой и никогда к чужим разговорам особо не прислушивался.

– Мам, а вдруг если это не она, если какая-то ошибка или просто деньги куда-нибудь завалились? Ты ж у нее не узнаешь! Что ты у нее спросишь? Не украла ли ты конверт с деньгами? Вспомни, сколько лет она у нас работает! Пять! И ни разу ничего такого не случилось! – Катя неожиданно для себя вдруг заступилась за Нюрку, которая так ее ненавидела.

– А то, что у нас часто стали консервы пропадать, тебе не подозрительно? С кем мне это связать? Только с этой молью ковровой! Открой поди сундук! Недавно девок хотела порадовать крабовым салатиком, знала, что баночка осталась, точно знала и, главное, все

остальное уже приготовила, нарезала-наварила! Лезу в сундук – хера! – Видно было, что Лидка раздухарилась не на шутку. – И такое, мать моя, далеко не первый раз, – обратилась она к Алене, – уж я тебе говорить не хотела! Это просто становится несовместимо с жизнью! То банка с лимонными дольками пропадет – нет, хоть ты тресни, то зеленый горошек, а когда баночка польской кукурузы исчезла, Лискина любимая, тут уж я серьезно задумалась!

– Тихо стырил и ушел, называется, нашел! – вставила свое слово Катя, но на нее зашикали.

– Не смешно! Особенно на мои тонкие струны! Да ведь ничего же не докажешь, как ты сама и заметила! Ну не может быть, чтоб все это исчезало, куда-то с глаз долой закатывалось или растворялось в воздухе! Или, может, у нас в квартире какой-нибудь призрак завелся? – Лидка сама себе не поверила, что такое произнесла, но, чтобы никто не обратил внимания, с поспешностью продолжила: – И продукты, заметь, все дефицитные, из Елисейского, на дороге не валяются! И еще, что самое неприятное, – у меня недавно кольцо пропало, то самое, с изумрудиком, помнишь? Все переверорошила – без толку. Но точно помню, что последний раз его видела в блюдечке для ключей в прихожей, на зеркале. Все на тех баб с картошкой думала, а сейчас прозрела – не они...

Лицо Лидкино теперь стало красным, глаза яростно засияли, как у такси, зелеными огнями. Она заметалась по кухне, но так и не решила, что делать. Роберта погружать в лишние новости не стали, его всегда старались оберегать от всякой суеты. А сам он, поглощенный чтением свежей «Литературки», в возню домашних на кухне и не вникал.

На семейном совете, состоящем из Лидки, Алены и Кати, договорились пока молчать и только быть начеку, присматриваться. Неприятно как – вор в доме, все думала Лидка, она так не любила разочаровываться в людях, особенно в тех, кому безоговорочно верила и считала на сто процентов порядочными. Но все равно испытывала мучительное чувство вины – а вдруг не права, а если случайность, а может, ошибка или недоразумение. «Или это проделки того, который живет у Робочки в чулане?..» – снова вернулась она все к той же страшной мысли и сразу встряхнула головой, чтобы выкинуть эту дурацкую мысль – зачем ему консервы, он же дух бестелесый... Да и конверт с деньгами ни к чему, разве что только покуражиться и нервы

ей пощекотать. А с консервами прям беда, и не то, что пропадают, хотя, конечно, и это, а сам факт. Тут она вдруг встрепенулась, подбоченилась – что-то явно пришло ей в голову – и решительно пошла к зятю.

– Робочка, – сказала она деловито, – ты когда собираешься в Елисейский?

– За неделю до дня рождения нормально будет? Или дней за пять? – Роберт оторвался от газеты.

– Давай лучше пораньше, чтоб я продукты разложила и поняла, что да как, – ответила Лидка, прибирая со стола. – Список у меня уже готов. Человек на сто, как обычно?

– Да, Лидия Яковлевна, ничего, к счастью, не меняется.

– Вот и прекрасно! Только вот что мне скажи: на рынке купим мясо для шашлыка или ты в магазине возьмешь?

– Давайте на рынке, там все-таки выбор побольше, – с хозяйской уверенностью сказал зять.

Лидка с сознанием выполненного долга и тайно начатой интриги быстрой утиной походочкой пошла к девочкам в гостиную. Они, не совсем понимая, почему Лидка так быстро сменила тему и отправилась к Робочке, ждали ее с некоторым любопытством.

– Знаю ваши наивные вопросы заранее и рассказываю, чтобы не терять времени, а то скоро и Нюрка с Лиской с гулянья заявятся. Значит, так, Робочка пойдет к директору Елисейского за заказом, брать-то будет много, на сто человек, не хухры-мухры, ко дню рождения, поэтому пакетов нанесет миллион! Я это все – ну что можно, конечно, – сложу в сундук и буду тихонечко за банками приглядывать, чтоб не иссякало. Вот и посмотрим, что за чебурашка тут у нас орудует.

– Не чебурашка, а барабашка, – поправила дотошная Катя.

– Да один черт! – возмутилась Лидка. – Но вещи-то из дома не должны пропадать!

Елисеевский

На том и порешили. В назначенное время, но договорившись заранее, Катя с Робертом отправились к директору самого главного продуктового страны – в Елисеевский гастроном, его еще гастрономом номер один называли. Лидка сюда захаживала в основном, только чтобы поглазеть. Брала для поддержки своего Принца и шла как на экскурсию и для информации, чтоб было чем козырнуть потом перед знакомыми директорами маленьких магазинов. «А в Елисеевском, вон, докторской по целому килограмму дают!» – могла пристыдить их. А так нет, не любила, трепета этот храм продуктов у нее никогда не вызывал – одна суета и толкотня, разве что люстра над тобой висит и ангелы с потолка смотрят. Толкучка, она и есть толкучка.

Роберт же здесь появлялся изредка, только за заказом, старался через торговый зал не проходить, стеснялся. Но семью и друзей хотелось кормить вкусно и качественно, поэтому выход был один – по благу, через директора, с которым познакомил Давид. Отправились на машине, хотя что там было ехать – магазин почти напротив их дома, – но все эти свертки и коробки с продуктами если нести – не донесешь. Поставили машину в Козицком переулке, рядом со знаменитой Филипповской булочной, и прошли в зал.

Дворцовый зал Елисеевского гастронома чем-то напоминал Кате «Детский мир», где вместо игрушек были продукты. И да, ангелы действительно пристально смотрели с потолка, следили, наверное, кто за кем стоит, кто сколько берет и кто лезет без очереди. Застывшие их лица наводили ужас, к тому же еще многократно отражались в чуть потрескавшихся зеркалах – и эффект повсеместной слезки был налицо. А так, конечно, сплошная роскошь да высоченные резные потолки, огромные пылающие люстры, виноградными гроздьями спускающиеся почти до прилавков, золоченые колонны – торговый зал гастронома номер один на самом деле приводил посетителей в восторг. Потом уже внимание обращалось на округлые стеклянные витрины, где обычным делом было изобилие чего-то одного: или рыбных консервов – целый прилавок какого-нибудь «Завтрака туриста» или «Частика в томатном соусе», – или карамельных конфет и ирисок, пирамиды из сгущенки и

целые дома из сахара-рафинада. Хотя в гастрономе номер один все равно всегда было больше продуктов, чем в любом другом магазине.

Роберт с Катей прошли через зал, похожий на вокзал в час пик, – потная разгоряченная толпа с авоськами и сумками на колесиках давилась в кассу и в отделы за продуктами. По-боевому накрашенные кассирши, обязательно в серьгах с красными неопознанными, но явно настоящими камнями (видимо, купили одинаковые по благу в ювелирке за углом), гордо восседали на возвышении в своих дзотах и с брезгливостью взирали на весь этот людской сброд – покупатели явно мешали им работать. Продавцы в белоснежных, надо отдать должное, халатах и высоких поварских колпаках лениво тянулись через прилавков за чеками и нехотя отпускали продукт.

Роберт шел через толпу чуть сутулясь, стесняясь, как обычно, своего большого роста и вжимая голову в плечи. В такие моменты ему хотелось провалиться сквозь землю. Но куда деваться – его любили, и это было приятно. Люди в толпе, разгоряченные охотой, улыбались ему, мужчины приподнимали в знак прочтения кепку, а женщины кокетливо закатывали глазки, отвлекаясь на мгновение от своих кульков. Потом еще долго оборачивались и улыбались вслед. «Крещенский! Крещенский!» – передавали они друг другу. Катя шла за отцом, и эта волна народной любви захлестывала и ее. Она тихо млела от счастья, пробираясь сквозь людей с сумками и глядя на их радостные лица. «Для кого-то Крещенский, а для меня – папка! Любят его, любят!»

Нашли служебный вход и попали в царство дефицита: широкий коридор, заставленный с двух сторон коробками с фруктами, которыми и не пахло на прилавках магазина, с красочными индийскими круглыми жестяными банками с чаем и кофе, башнями коричневых коробок с шоколадными конфетами «Метеорит» и другими сказочными неопознанными коробками, вел к кабинету директора. В маленькой, обшитой мореным дубом приемной Самого стоял секретарский стол и с десяток стульев для посетителей, но, кроме внушительной секретарши, зорко охраняющей дверь в кабинет, никого не было. На двери блестела стеклянная черная табличка «Ястребов Ю.С.». Секретарша, полная, рыхлая, в объемном полумужском пиджаке, не отличающаяся красотой и обаянием, брала, видимо, другим – железной хваткой и четким исполнением своих должностных обязанностей – не пущать, отслеживать нужное, выпроваживать лишнее, ну и конечно, заваривать

генеральский чай. Роберту с Катей она неловко улыбнулась, улыбки, похоже, не входили в перечень ее обязанностей.

– Присаживайтесь, Роберт Иванович, вот здесь удобнее. Вам чайку? Покрепче? – засуетилась она, не обращая внимания на Катю.

– Да, пожалуйста, и дочке тоже, – сказал Роберт.

Секретарша постаралась улыбнуться снова, вышло это коряво, получилась не улыбка, а гримаса, но зубы – с двумя золотыми коронками – она старательно показала.

Минут через десять в комнату вошла женщина с кульком, скрылась в кабинете директора и сразу же вышла, оставив кулек там. Вскоре дверь с шумом открылась, из кабинета выплыл сам директор в белом накрахмаленном халате – как главврач больницы, честное слово, – и один очень известный актер с тем самым кульком в руках. Роберт с актером вежливо поздоровались, но обоим было немного неуютно, будто их застали в каком-то неприличном месте.

– Проходите, проходите, что же вы! – Юрий Семенович был, как всегда, радушен и очень выгодно оттенял свою церберовидную секретаршу. – Как вы, Роберт Иванович? Как супруга? Дочка – вижу – уже совсем невеста, красавица! А как малышка?

Один из дней рождений Роберта на даче в Переделкино. Квартира на улице Горького такое количество народа вместить не могла. Да и шашлыки там негде жарить

– Малышке скоро в школу, а потом и замуж... – вроде как извиняясь, сказал Роберт.

– Да вы что! Как время-то летит! Ну, давайте к делам. Чем могу быть вам полезен? – Юрий Семенович внимательно и по-деловому посмотрел на Роберта и придвинул к себе блокнот.

– Мне тут супруга список написала. День рождения у меня скоро. Будем на даче отмечать. И народа будет много, человек сто... Хочется людей принять по-хорошему. Удивить, можно сказать.

– Удивить, – повторил директор, просматривая список. – Удивить... Это мы сможем. Это в наших руках. Кто, если не мы?

Правильно? – спросил он ухмыльнувшись и набрал какой-то короткий номер. – Людочка? Зайди к Викторине Соломоновне, возьми список и мигом мне все собери! Мигом! Да, и еще спеццех микояновский, сосисок завесь килограмм, балыка дай полкило, финский сервелат – палку, да, и два ананаса! Гостей этим, конечно, не накормить, но это сверх списка, в семью, только получили, – похвастался он Роберту.

Как красиво это звучало! Два ананаса! Ананасы встречались очень-очень редко, и то в основном консервированные, свежих же не было почти никогда ни по какому благу. «Может, один пустить на торт?» – подумала Катя. Хотя, нет, лучше красиво нарезать и выложить, с тортом вообще пока неясно, тем более Лидка считала, что, если дело дошло до торта, значит, праздник не удался, наестся до отвала гости уже должны после закусок.

Через двадцать минут в кабинет вошла энергичная женщина, которая протянула Роберту длинную квитанцию, и они ушли оплачивать покупку. Сделка дня была завершена!

Дома Лидка долго разбирала продукты – «приносы», как она это называла. Все скоропортящееся было убрано в морозильник и холодильник, сервелат, крабы и рыбные консервы – под окошко, где изначально был вместительный прохладный шкаф, а кое-что аккуратными стопками, предварительно посчитав, положили в сундук. Сезон охоты на чебурашку... а, нет, на барабашку – был открыт.

Замков в доме не было нигде и никогда, кроме, конечно же, входной двери, – уж как-то прожили всю жизнь без привычки все прятать под ключ. Сначала и прятать было особенно нечего, а прислугу нанимали очень редко, только по особым случаям и коротко. И если уж брали, то с полным доверием к людям. И вот, когда родилась Лиска, нашли старую деву Нюрку по рекомендации знакомых, которые узнали о ней от родственников соседей, в общем, приехала она в конце концов из какой-то далекой забытой перди прямо в Москву, в квартиру Крещенских. С ненавистью на весь мир и с невероятной любовью к маленькой Лиске. Возраст по ней определить было невозможно – от сорока до шестидесяти. А может, и меньше. Или больше. Низенькая, худосочная, с костлявыми цепкими руками, без выпуклостей на теле, со скудненькими кудряшками и цыплячьим голосом. Черты лица были вроде как наметаны на живую нитку, пунктиром. Но «рабенка» обожала, выливая на Лиску всю свою нерастрченную любовь. Все бы

хорошо, но, получив в распоряжение маленькую Лиску, нянька внезапно возненавидела тогда, пять лет назад, подростковую Катю. Видимо, появилась или обострилась некая затаенная ревность, которая мгновенно дала о себе знать, как только в Нюрке проснулось невиданное доселе чувство – любовь. Мама доходчиво, простым житейским языком все Кате объяснила, и той пришлось с этим свыкнуться – а куда ж деваться? Это не значило, что к сестре путь был заказан, но на рожон лезть Катя не любила – стоило только ей приблизиться к малышке, как мгновенно подлетала Нюрка, шипя едкое и шипучее «не трош-ш-ш-шь, не трош-ш-ш-шь»...

Со временем страсти улеглись, Катя с Нюркой как-то попритерлись, угомонились, разделили общение с девчонкой на дневное и вечернее. Проблема с годами вроде как рассосалась сама. Нюрка жила себе и жила, технически обеспечивая «рабенку» счастливое детство, и больше ни во что не вмешивалась. Влилась в семью, ею дорожили, хвастались перед друзьями, что, мол, верная и заботливая, к праздникам вручали подарки, справляли день рождения, брали с собой на концерты, дарили книги с автографами, предоставляя все возможности, так сказать, чтобы гарантировать ей высокий материальный и духовный уровень. И подумать, что она могла при этом потихоньку таскать из дому вещи, было дико.

Лидка все удивлялась, причитала, маялась, но никому ничего из подруг не говорила, только Принцу. Когда речь шла о собственности, вернее, о потере ее части, пусть даже пустой консервной банки, Принц из занудного мямли, тюфяка и солдафона превращался в решительного защитника и грозного вояку.

– Не волнуйся, Лидочка, мы ее уличим, мы ее выведем на чистую воду! – Принц обожал быть полезным, служить, так сказать, семье, частью которой считал и себя, оберегать и защищать. – Вот ведь и не подумаешь на нее – тише воды, ниже травы, не видно ее и не слышно, а поди ж ты! У меня при всем моем обширном лексиконе слов приличных не хватает! Это ж надо, ростом с хер, весом с пайку, а какой выкидон устроила! Вот под дых так под дых!

– Да еще ж стопроцентно неизвестно, вот когда узнаем точно, тогда и будем решать. – Лидка отгоняла от себя мысль, что решать в результате точно что-нибудь придется. – Знаешь, я к своему возрасту поняла, что людям только одно удается в совершенстве –

разочаровывать друг друга. Понимаю, если б, скажем, голодала она или семья у нее была большая, семеро по лавкам, а то ведь одна как перст! Ест с нами три раза в день, сидит за одним столом, с собой потом даю, чтоб дома не готовила, время не тратила, да еще всякие конфеты, печенья, чай, колбасы вот половину палки недавно отрезала, любит она копченую, – на, не жалко... Зарплата приличная... Чего не хватает?

– Все есть, говоришь?.. Чего ей не хватает, спрашиваешь?.. Пи... дюлей ей не хватает! – вышел с конструктивным предложением Принц.

Лида с сожалением на него посмотрела и сказала:

– Не понимаю, почему она вот так... Это, знаешь ли, для меня как маленькая смерть – такое разочарование в людях. Просто, наверное, не умеет быть счастливой – не обучена... А я тоже, старая дура, – неужели до сих пор так и не научилась разбираться, кто есть кто?

Лидка выглядела удивленной и растерянной, ища зачем-то причины произошедшего в себе, а не в Ньюрке. Где она допустила ошибку, чем и когда вынудила няньку пойти на воровство, что сделала не так. Таким уж Лидка была особенным человеком, считавшим, что мир вокруг нее совершенен, а если что-то шло не так, то виновата она сама.

Нюрка, как и любой природный человек, вскоре почувствовала изменение отношения к себе, попритихла, даже стала меньше огрызаться на Катю и, видимо, до минимума свернула свою тайную деятельность по отъему у хозяев продуктов питания и прочего добра. Спрашивать ни у кого ничего не стала, а тем более выяснять с Лидкой отношения, просто старалась не привлекать к себе внимания и лишней раз не попадаться на глаза. Но Принц был настроен категорически, решил добиваться истины и вывести Ньюрку на чистую воду, в связи с чем расставил по всему дому ловушки, в свое время насмотревшись, видимо, фильмов про шпионов. Завязывал дверцы шкафчиков на невидимые ниточки, скреплял клеем консервные банки, проводил опись продуктов и туалетных принадлежностей. Играл в свои игры и чувствовал себя нужным. Но когда приходили девочки, то очень старался не проговориться, хотя его распирало до невозможности и тайна эта каждый раз так и рвалась наружу.

Выпускной

Вылезти наружу, в мир, в люди хотелось и Кате. Школа, рамки, зубрежка, дисциплина уже уходили на задний план, все это вроде как отмирало, и казалось, что именно в конце июня должно будет начаться будущее. Но сначала в это будущее – в институт – надо было попасть. Со школьными экзаменами все было сравнительно просто, за исключением математики. За вступительные Катя тоже особенно не переживала, ведь не зря ж она в течение полугода терпела натиск репетитора из МГИМО, который смотрел на нее сладкими, заболоченными глазками и пользовался любой возможностью, чтобы ее коснуться. Да и своих знаний было достаточно, чай, не самая последняя дура. А пока дело шло к выпускному, единственное, что волновало барышню, – это в чем на него пойти, она все-таки была настоящей барышней. По магазинам шастать было бесполезно, лишняя трата времени, поэтому купили в очередной раз платьишко у спекулянтки – шифоновое, из тончайшего бирюзового облака с разводьями, но размера на три больше. Бабушка, Лидка, его, конечно, перешила, подогнала по фигурке, и Катя за один день (а точнее, ночь – Лидка сшила его за ночь) из советской школьной лягушки в шоколадных тонах превратилась в прекрасную воздушную принцессу, готовую к новой взрослой жизни. Дело было не столько в платье, и Катя это прекрасно понимала, дело было именно в готовности, а платье послужило отмашкой, которую обычно дают перед стартом.

Катя в раздумьях – подыскать что-то на выпускной было совершенно невозможно, сплошная школьная форма. Магазин «Детский мир», 1974 год

Вот он, выпускной 10а класс английской спецшколы № 5 города Москвы, 1974 год

Сам выпускной прошел стремительно. Столько готовились, столько было разговоров, столько денег собирали и собрали-таки, а пролетел – почти не заметили! Школу украсили шариками и остатками бумажных цветов с первомайской демонстрации, получилось скромно, но заботливо. И вот он, вечер, – счастливые прихорошившиеся родители, смущенные школьники, хоть уже и бывшие, радостные и гордые, что все это наконец закончилось, и вот она, жирная точка в виде запыхавшейся директрисы, осилившей целых пять ступенек на сцену. Самым скучным, но и самым нужным был долгий, монотонный

ритуал вручения аттестатов, в основном только синих, красный был на удивление всего один. Лидка все с нетерпением ждала, когда дойдут до буквы «К», но все равно каждый раз громко хлопала, когда на сцену вызывали и другие буквы. А когда наконец произнесли фамилию внучки, то вскочила и по старой театральной привычке закричала, яростно хлопая: «Браво! Браво!» – победно оглядываясь вокруг в надежде на поддержку. Алена еле усадила мать, чуть ли не насильно, и сразу вместо успокоительного дала ей глотнуть крещенки из фляжки, которую специально захватила на праздник – вот как знала, что пригодится! Катя лениво и как бы нехотя вернулась на место, повертела в руках свой обычный синий аттестат и сразу сдала его сияющей Лидке, которая выглядела так, словно выпускной сегодня лично у нее. Но знакомый запах лимонной настойки обстановку заметно освежил.

Концерт получился добротный, праздничный, тем более что вела его настоящая дикторша Центрального телевидения Светлана Горбунова. Она торжественно вышла на сцену, подладила под себя микрофон и совершенно по-взрослому, не сюсюкая, а с уважением и достоинством обратилась к школьникам и учителям, которые все как один заулыбались, увидев ее:

– Добрый день, дорогие ребята и товарищи учителя! Я рада приветствовать вас в этот знаменательный день, в этот важный для вас час! Вы выходите сегодня на длинную светлую дорогу, которая открывается перед вами. Эта дорога у каждого своя, но все вместе они приведут к счастливому будущему нашей любимой необъятной родины! – говорила она торжественно, пафосно, но неестественно медленно, словно не была уверена, что быстрая речь может вообще быть понятной людям, которые сидят перед ней. – Мы с моими коллегами-артистами подготовили для вас специальную праздничную программу. Сейчас я хочу пригласить на эту сцену молодого артиста развлекательного жанра Геннадия Вазанова! Встречайте!

Все в зале захлопали, и на сцену вышел невысокий еврейскоглазый парень с модной длинной прической и косой челкой, который долго и с некоторой безысходностью описывал учебу в кулинарном техникуме, а затем картаво и очень правдоподобно изображал попугая, вцепившись корявыми пальцами в красный хулахуп. Все старательно смеялись, особенно директриса. Потом композитор Оскар Фельдман сел к разбитому роялю (завхоз клятвенно заверял, что настройщик был и

«пианинка должна звучать») и запел что-то про огромное небо, про ландыши, морщась на каждой ноте и сильно в душе негодуя. Горбунова в своем красивом люрековом платье все выходила и выходила, объявляя песни, а красавца Захарина вообще со сцены не отпускали, и его сочный голос так и гремел по всей школе.

Катя же сидела с недовольной миной, потому что чуть ли не каждый день имела это музыкальное удовольствие дома. А другие вокруг – нет, другим даже нравилось. Ирка перед концертом заговорщицки подмигнула, что, скорее всего, уйдет пораньше, что, может, сегодня у нее с Гелием все и произойдет. Тем более она в белом платье, «а оно как свадебное, понимаешь?».

– Дура ты, Королева, выпускной у человека один раз в жизни! Перенеси свою дефлорацию на завтра, ты же сама себе хозяйка, никто над тобой не стоит и ничего не требует. Отгуляй праздник! Что за бред, вообще? Мы ж всем классом на кораблике по Москве-реке поедем, а ты потом, дура, жалеть будешь, я уверена!

Ничего не ответила Ирка Королева, только взмахнула широкой юбкой своего белого платья и томно улыбнулась, нервно заморгав левым глазом.

После выпускного Ирка куда-то запропастилась, на звонки совсем не отвечала, дома застать ее было почти невозможно, а когда Кате это удавалось, то разговор почему-то быстро сам собой сворачивался. К Крещенским уже не заскакивала, как раньше, притихла, притаилась, исчезла из поля зрения. Да и самой Кате сейчас было не до чего, экзамены в институт, бессонница, почти круглосуточная подготовка, поездки, сбор документов. В институтскую приемную комиссию надо было предъявить кучу всего: расписку в приеме документов, заявление, аттестат о среднем образовании, рекомендацию партийного органа, производственно-партийную (комсомольскую) школьную характеристику, автобиографию, анкету, шесть фотокарточек, справку о медицинском освидетельствовании (форма 286).

Времени на это понадобилось немерено, Катя уже целиком выдохлась, мало того, что экзамены и зубрежка, еще и бумажки эти надо было свести воедино. Прошла наконец все комиссии, собрала охапку, сунула важные бумаги в папку и пошла сдаваться, вернее, сдавать документы.

Институтский коридор был долгий, как туннель, с пресловутым светом в конце и маячившей вдали одинокой длинной фигурой. Катя подошла, когда фигура скрылась за дверью приемной комиссии, и теперь только она сама и осталась маячить в просвете. Вскоре дверь открылась, и ее обдало ветром – оттуда выскочил высокий щеголоватый парень в джинсах и красном свитере, такие обычно появляются как подарок – а вот и я, цветов не надо! Он наступил ей на ногу, чуть не сбив, и с вызовом взглянул на нее, чтобы усилить впечатление – не мешайся, типа, под ногами, Я иду! Но Катя только фыркнула и зашла в кабинет, надеясь там наконец избавиться от документов.

И таки да, прошла! А Ирка на экзамене провалилась, отпраздновав наконец свой провал лишением девственности. Решила, что именно в этот день и надо подсластить пилюлю – пусть не повезло с институтом, зато сбудется давняя девичья мечта, которая затмит собой этот позор на экзаменах. Прямо от института позвонила в слезах своему Гелию и сказала, что выезжает. Потом скупо рассказывала Кате, как все это было ужасно, как неловко, стыдно и больно, и зря она столько об этом мечтала и так готовилась. И что обаяние ее Гелия очень быстро после этого померкло, практически сразу. «Странно, правда», – подняла она на подругу грустные глаза. Ирка выглядела разочарованной, словно книжка, которую ей так долго и активно советовали, оказалась пустой, короткой и пошлой. Она ведь так долго себя убеждала в том, что все должно быть совсем по-другому, и на вопрос, как прошло, ответила довольно сухо:

– Как на карусели. Сначала весело, потом тошнит. Ничего, кроме боли и страха, не почувствовала, ни радости, ни гордости, ни того, что стала женщиной... А так мечтала... Потрепыхался несколько минут во мне своим дурацким отростком, ну прямо как в агонии, сначала я даже решила, что ему нехорошо. Хотя мне и самой было в этот момент отвратно, да еще от него чесноком воняло, а ты знаешь, я чеснок ненавижу. Замерла, старалась не дышать, терпела изо всех сил и все боялась, что эти его пихания надолго, – монотонно говорила она и выглядела при этом как продавщица вялой зелени с рынка, которой этот чеснок приходится продавать. – А он поерзал-поерзал и отвалился, весь из себя такой изможденный и уставший, словно дрова целый час колот. Ничего интересного, должна тебе сказать, полное разочарование,

убедилась, что ни фиги мне это не надо. Детей пока не рожать, слава богу, а так, по своей воле ни за что на это больше не пойду.

Но через недельку Ирка немного успокоилась, перестала пыхтеть и пошла устраиваться на вечерний.

Балтийские каникулы

В общем, девочки были пристроены, и вздохнули все – и Катя, и мама с папой, и Лидка, и даже Лиска, которая наконец получила сестру в свое распоряжение, несмотря на интриги няньки. До учебы оставалась еще куча времени, и Крещенские, как водится, решили взять свой законный месяц на отдых под Ригой, в Доме творчества на Балтийском море. Схватились и покатались. Получилось это все достаточно спонтанно, свободных номеров уже почти не осталось, но всем удалось разместиться более или менее прилично. Робочка с Аленой – отдельно, на высоком этаже, ближе к звездам, в главном корпусе, кабинет-спальня, так сказать. Лидка – в маленькой комнатке на втором этаже этого же корпуса. Катю на этот раз отселили в один из коттеджей на большой территории Дома творчества – в почти игрушечный двухэтажный «шведский домик» в тенистой, заросшей мхом и папоротником части парка. В домике этом когда-то жил Паустовский, а перед входной дверью на цементном полу сохранился отпечаток ножки хозяйской дочери, кому этот коттедж и был в свое время подарен. Комната Кати была похожа на каюту корабля или даже на купе поезда, вставала туда одна кровать с тумбочкой, а все вещи предлагалось вешать на огромный толстый крючок, привинченный к двери. Но Катя была счастлива – ее свобода, ее почти взрослая жизнь начиналась с этой самой каморки с крошечным иллюминатором вместо окна!

И началась отдыхательно-рабочая жизнь. Роберт всегда много писал в Дубултах, балтийский воздух был для этого чрезвычайно благоприятным. Он-то, в отличие от его девочек, ехал в Дом творчества не на отдых, а на работу. И распорядок дня был рабочий. В девяносто начинался завтрак в большом дальнем зале со стеклянными стенами: сидишь, словно в саду, а вокруг вкушают и чавкают столпы советской литературы. Утром обычно давали свежайший творог или сырники, местный сыр с тмином, нарезанный волнистыми треугольничками, крестьянский завтрак – тушенную с луком и шпиком картошку, залитую яйцом наподобие омлета. Кофе с молоком, чай из титана. И меню, которое надо было заполнить на следующий день. Названия блюд были странными, но ставшими уже родными за столько-

то лет – суп «Шелестень», например. В супе ничего особенно не шелестело, это были скорее щи из кислой капусты с какой-то крупой. Или луковый клопс, бигос, бубертс, скажем, – всякое такое, милое уху и желудку, с буквой «с» на конце. Алена все эти блюда по-своему улучшала, добавляя куда сметанки, куда варенья, куда подсыпая припасенных грецких орехов, которые всегда привозила с собой. Обязательно в поездку брала и любимый соевый соус, который подливала почти во все блюда к месту и не к месту, а могла и выпить стопку голого, даже не крякнув. Видимо, в организме постоянно не хватало чего-то соленья.

После обеда отдыхали кто как умел: кто спал, кто работал, кто расписывал пульку, кто шел на пляж протрястись, так сказать, после застолья. Гуляли часами, доходили до каких-то ручьев и заброшенных, необжитых уголков, шастали в Яундубулты выпить бочкового пива в самой известной на всем побережье шашлычной.

Обстановка в Доме творчества была всегда легкой, необычной, творческой, удивительной. Часто приезжал актер Михаил Козаковский и сразу приглашал друзей в холл на девятый этаж, где, закрыв шторы от белого балтийского солнца, по-обломовски полулежа на диване, читал стихи, глядя на остальных полуприкрытыми выпуклыми глазами. Ахматову, Цветаеву, Мандельштама, Корнилова, Сашу Черного – его натренированная память вмещала, наверное, всю антологию русской поэзии. Читал так, что захватывало дух и казалось, читает именно тебе, лично. На низком журнальном столике стояла водка, железные рюмки-матрешки – одна в одну – и закуска, кто что принесет. Но, пока он читал, никто и пошевелиться не мог, слушали. А он все читал и читал, а все вокруг боялись вздохнуть.

Пел Галич, приблизительно в такой же обстановке, с теми же неубиваемыми рюмками-матрешками. Пел, проверяя на нас свои новые песни, а как допевал последнюю, а потом на бис, и еще, и еще – начинался разговор и его обычное приглашение перед уходом: «Ну, приходите ко мне, сельдя заколем...» Именно «сельдя» и именно «заколем». И много рассказывал. Вспоминал, как встретился с Александром Вертинским в ресторане «Славянский базар». Галич туда зашел отметить в одиночестве очередной гонорар, сел, заказывал, устроился, стал ждать. Вдруг открылась дверь, и вошел Вертинский – в цилиндре, черном длинном пальто и белом кашне. Устало оглядел зал,

кивнул Галичу и сел за соседний столик. Подошел официант, Вертинский попросил только стакан чая. Ему принесли. «Некрепкий, – пожаловался он, – я люблю крепкий». Поменяли. Теперь уже не такой горячий, он любит, чтобы пар шел. Принесли другой, крепкий и горячий. «Там чайники, я так не люблю», – сказал Вертинский. Процедили. «Ну он же ведь совсем остыл теперь», – закапризничал он. Пять раз гонял Вертинский пожилого официанта из-за стакана чая. Попросил счет, оплатил копейка в копейку, не оставив чаевых. Поднялся и вальяжно ушел. Галич жалостливо посмотрел на официанта, но тот слегка улыбнулся и мечтательно сказал: «Да-а-а, настоящий барин. Сейчас таких нет». И ушел, покачивая головой.

Ох, как много всего было в этом холле рассказано, и как жаль, что Кате мало запомнилось.

Вскоре в этот «шведский домик», на второй этаж, приехали абсолютно незнакомые товарищи, совершенно непохожие на писателей, – отец с сыном лет семнадцати. Сын, со странным именем Дементий, был безумно хорош собой, высок, длинноволос, с запасом сигарет, денег и совсем из другого мира, ничем не напоминающий Катиных друганов-ботаников. Лицо его показалось знакомым, но не настолько, чтобы можно было его сразу узнать. Но Катя поднатужилась и распознала в нем того самого парня с документами, которого мимолетом встретила в институтском коридоре и который наступил ей тогда на ногу. Хм, тоже из МГИМО, надо же...

По утрам он бегал с отцом трусцой в кислотно-оранжевых трениках с вытянутыми коленками, все время говорил слово «супер» и мягко произносил слово «социализм». Местная отдыхающая писательская молодежь сразу приняла его, такого джинсового, красивого и щедрого, в свою компанию, а сама Катя по-настоящему потеряла голову. Голова отлетела совсем, когда еще через несколько дней приехала его девушка Наташа с цепкими и злыми глазками. Она была похожа на росток пророщенной картошки – длинная, ломкая и бледная, хоть при этом и жгучая брюнетка. Срочным порядком она была вызвана Дементьевским папой. Все было просто – папа обеспечивал себе тылы, решив выписать своему дитяте «няньку», чтоб тот был под присмотром, а сам пустился во все тяжкие, откупаясь от брошенного ребенка четвертным в неделю (перебор, конечно, но нужна была взятка, чтобы тот не проболтался дома).

Девушка Наташа попыталась было влиться в сложившуюся компанию, но ее быстренько бортанули, посчитав слишком бесцеремонной и безнравственной – во-первых, прискакала по первому свистку, во-вторых, курит. Никто из девушек в компании не курил, неприлично. А курит, значит, распущенная, а распущенная, значит, дает, яснее ясного. Позор.

И еще у девушки Наташи были две необычные привычки, очень сильно повлиявшие на Катины не вполне окрепшие мозги. Она ела хлеб, обязательно шпигуя его чесноком, и не мыла голову. Первая-то ладно, на вкус и цвет товарищей нет, а вот вторая обескураживала не только Катю, но и остальных тоже... Дело в том, что Наташа вместо мытья посыпала волосы мукой, чтобы грязь и сало перемешались, впитались, слиплись, а затем долго и тщательно вычесывала их частым гребешком, как это делают, когда подцепляют вшей или вычесывают колтуны. Причем могла делать это прилюдно, иногда активно стряхивая на других посеревшую муку с плеч. Про посыпание головы пеплом Катя что-то раньше слышала, ситуация же с мукой была хоть и более жизнеутверждающая, но все равно довольно непривычная и своеобразная... Несколько мучительных дней Катя действительно думала, что у Деминой девушки вши и что так, никого не стесняясь, она с ними борется. Потом все-таки спросила ее, не удержалась. Наталья по-простецки так ответила, что моет голову раз в десять дней, чаще ведь считается вредно, но каждый день обязательно проделывает эту процедуру по «впитыванию». Очень полезно для волос, особенно длинных. Особенно черных, как у нее, подумала Катя, где особенно видна свалывшаяся мука, а к десятому дню запах становится особенно приятным. Удержалась девушка Наташа в компании со своими мучными червями в волосах не очень долго. Через пару дней Дементий отправил ее в Москву. Кате показалось, что насильно.

Юрмальская рыбалка. Взяли судно и вышли в море. Наловили на ужин прилично. С Муслимом Магомаевым. Алёна с Робертом возятся с

сетями

То лето, лето 1974 года, было шикарным! Демка казался интересным, широким, хорошо одевался, что тоже, кстати, было важно, много знал, сыпал фактами, хотя и был излишне трепотливым. Большой компанией они ходили в новый бар в гостинице «Юрмала», густо пахнувший налаченным деревом, куда вялый швейцар пускал только за хорошую мзду из Демкиных суточных, и на пять рублей выпивали ровно пять коктейлей с прекрасными названиями: «Розовый слоненок», «Отвертка», «Золотая карета», «Русская красавица» с сахарным краем бокала и ненавистный «Монах в пустыне» – в маленькую рюмку на самое дно наливался глоток рижского бальзама, сверху тихонечко, чтоб не лопнул, опускался сырой желток – это, по-видимому, и был сам монах, – а затем по ложечке аккуратненько затекала водка. Гадость. Но, видимо, полезная. А на закуску там можно было заказать... не поверите... ПИЦЦУ! Просто это была первая пицца, которую Катя когда-либо ела в ресторане – домашние не считаются. Маленькая, величиной с блюдце, на толстом, пышном слое теста, с местным латвийским тминным сыром, кружочком помидора на томатной пасте и тончайшим срезом черной оливки. Все неправильно, конечно, никакая это была не пицца, скорей горячий бутер, но этот совершенно неповторимый вкус запомнился навсегда! Для нее, семнадцатилетней, почти ребенка, эти коктейли и пицца были тоже вступлением во взрослую жизнь, полузаграничную, такую всю из себя таинственную, такую запредельную и почти запретную. Как это было невероятно сладко, все эти ночные встречи, походы большой шумной компанией в солидные места, куда раньше могла зайти только с родителями, сидение допоздна в барах – да, мне уже восемнадцать, с вызовом вراها она! – с каким напором эта жизнь текла по ее жилам и каким щенячьим восторгом отзывалась на нее Катя! И рядом был Демка, который очень старался понравиться, казался совсем ничьим и так и просился в руки. Лида, первой заметив эту тягу, решила сразу же навести о потенциальном клиенте справки. Остановила его как-то после обеда, попросила помочь донести тарелку с булочками в номер, а там быстренько, пока он не опомнился, вскипятила чай – кипятильник был всегда с собой, – разложила плюшечки и конфетки и усадила чаевничать. С расспросами.

Вечером все доложила Алене: мальчик из приличной московской семьи, со стороны мамы – казаки-разбойники, со стороны папы – еврей-революционеры. Ну, приблизительно так ей показалось, подробности неизвестны. Поступил на факультет международной журналистики в Катин же институт, но хорошо это или плохо, Лида пока сказать не могла, терялась. Вроде бы показался душевно здоровым мальчиком с повышенным чувством справедливости, что редко для такого возраста. И главное, выглядит отрадно, что для Лидки все-таки казалось важным. В общем, хорошенько протупав юнца за чаем, Лида решила, что отпускать девочку с этим молодым товарищем вполне безопасно, никаких сомнительных свойств не заметила, достаточно хороший, хоть и не идеальный, но пусть общаются и дальше. На том Алена с Лидкой и порешили, а что уж решит Катя – ее личное дело.

У Крещенских за годы, да что годы – десятилетия отдыха на Рижском взморье сложился ритуал: в день отъезда в Москву приезжать на вокзал за несколько часов до отправления поезда и идти на центральный рынок, примыкающий к вокзалу, закупаться. Рижский рынок отличался сдержанной строгостью и сказочным разнообразием того, что можно было купить. Ни восточных выкриков, ни слащавых улыбок, все на прилавке, все по существу. Продавцы на этом рынке особенным радушием никогда не отличались, латыши – народ суровый, серьезный и деловой, меньше слов – больше дела, долго говоришь – время теряешь. Поглядеть было на что. Шли сюда всей семьей – чемоданы в камеру хранения и вперед! Начинали с мясного ангара – а их было всего четыре, огромных, наполненных торговлей и жизнью. Так и ходили по рядам, пробуя, щупая, удивляясь, как это вообще возможно, чтобы столько было продуктов, да без очередей, да по приличным ценам, и не из-под прилавка, а просто так – бери не хочу. Запах в каждом ангаре был свой, не ошибешься: в мясном, где возвышались толстые мясники в окровавленных фартуках с топорами, чуть сладковато пахло плотью, разлитой кровью, гемоглобинчиком, одновременно опасным и влекущим человека духом. В молочном стоял тяжелый кислый запах, творог забивал все остальное, и свежесть молока можно было определить только на вкус. В овощном пахло прохладой и землей, больше ничем, овощи вообще не пахли, разве что ботва от помидоров, но ее-то как раз и не было. Самым мощным по ощущениям был павильон рыбный. И свежая, и соленая, и копченая

рыбешка, и горы, эвересты банок со знаменитыми рижскими шпротами, и мерзкие змееподобные миноги с присоской вместо рта, и золоченые салаки в коробочках, и угри, пытающиеся ускользнуть с прилавков, и селедки, и икра, и что только не... Купили всякого, для рынка всегда оставляли сумку на колесиках, старческую, не слишком удобную, но вместительную. Она весь отдых пылилась в углу в ожидании своего часа в вот наконец открыла свое нутро, чтобы принять богатства. Набор продуктов, которыми затаривались Крещенские на рынке, год от года особо не отличался: две палки говяжьей вырезки лежали вниз, на самое дно, затем карбонат с жирком, сервелат, потом шли в рыбный – шпроты, которые старались положить под вырезку, балтийская малосольная селедочка, обязательно несколько коробок салаки, любимой семейной рыбки, пара баночек красной икры, семушка горячего копчения и малосольная. В молочном брали сыр с тмином – целую голову – и килограмм творога, который запихивали в вагонный холодильник, где пару раз за эти годы его забывали, спохватившись только дома. Сверху все это придавливалось двумя караваем плотного рижского хлеба, тоже тминного, темного, запашистого, из которого вдобавок еще получались отличные сухари. Сумка эта, вернее, ее начинка, была источником сытной жизни по меньшей мере еще целую неделю после приезда, а с учетом долгоиграющих продуктов могла радовать и несколько месяцев.

Запах кислых щей и тухлой рыбы

Уставшие после отдыха, навьюченные Крещенские возвратились домой. Подъезд встретил привычным запахом кислых щей и хриплым голосом радио «Маяк», единственного развлечения лифтерской семьи. Из-за занавески выплыла Нина Иосифовна, которая исподволь наблюдала из окошка за разгрузкой чемоданов и выверяла время, чтобы явиться в самый срок – ни раньше ни позже.

Снова мама и дочка: Катя и Алёна

– Как отдохнули? – спросила она с чуть слышимым недовольством, ведь, пока Крещенские плескались там, в море своем, они тут с сыном – рабочий класс – исправно охраняли их барское добро. Ответ она хотела услышать только от Роберта Ивановича, но вперед с разговорами всегда вылезала его разговорчивая теща, Лидия Яковлевна. Приходилось скрывать свое раздражение, ведь Нина Иосифовна считала себя интеллигентным человеком. Поэтому, не став даже слушать ответ, она перешла сразу к делу: – Все скопившиеся

письма я к вам в дверь засунула, уж больно много набралось, все пишут и пишут, просто удивительно, будто людям делать нечего. Еще приходило несколько товарищей к Роберту Ивановичу и даже одна барышня к Алле Борисовне. Вся такая воздушная, в органзе, все хотела выведать у меня, как часто вы к Леониду Ильичу ездите.

– К какому Леониду Ильичу? – удивилась Алена, подтягивая к себе сумку на колесиках.

– Вот и я спросила, к какому. А она на меня вылупилась, вроде как каждый должен понимать к какому! – Нина Иосифовна говоряще округлила глазенки и подняла указательный палец вверх, выше некуда.

– Может, вы что-то спутали? Может, это приходили к Владимирову? – Сосед с верхнего этажа был действительно помощником дорогого Леонида Ильича, его гигантская черная машина по утрам всегда перегораживала вход в подъезд.

– Я? Спутала? – Нина Иосифовна от негодования даже поддернула свой гребень в волосах. – Это моя работа – ничего не путать. Если я говорю, так оно и есть! Приходила, просила вас, хотела, чтобы вы передали письмо наверх, лично в руки, там просьба какая-то...

– Чего только не придумают! Отдохнуть спокойно нельзя, сплошные новости! – оборвала разговор Лидка и, говоряще окинув взглядом лифтершу, с шумом открыла железную дверь лифта, чтобы все побыстрее загрузились. – Вот ведь болтушка! Причем тут Леонид Ильич? Что за фантазии! И вообще, вы видели Нину? – задала риторический вопрос Лида, пока они поднимались на четвертый этаж, и сама же на него ответила: – Она за этот месяц стала шире, чем выше. Это ж надо так на простых щах отъестся...

Когда вышли на лестничную площадку, в нос ударил отвратительный и подозрительно едкий запах, идущий от их двери.

– Господи, неужели там кто-то умер? – Лидка выпучила глаза и повела носом. – Робочка, открывай ты, я боюсь. – И опасливо протянула ему ключи с веселым Микки-Маусом. У Лидки сразу учащенно забилось сердце, поскольку она решила, что зловоние это напрямую связано с тем, кто обитает у них в чулане. Она на секунду зажмурилась и сделала глубокий вдох, мысленно готовясь к тому, что может увидеть, когда откроют квартиру...

Запах объяснялся просто: перед отъездом Лидка забыла положить в морозильник треску, которую купила прямо перед выходом из дома –

давали, надо было брать, но в спешке так и оставила ее у самой двери – главное было занести добычу в дом. Треска, вернее, ее мумия, одиноко стояла в углу, как памятник, вклеившись в собственный сок месячной давности. Она была завернута в газету «Известия», и пропитанный рыбьей влагой портрет дорогого Леонида Ильича одним заплывшим глазом смотрел на вошедших Крещенских вопросительно и требовательно. Запах от мумии шел соответствующий. Казалось, им пропитался уже весь подъезд, а не одна только их квартира, но все равно, как только была открыта входная дверь, он со свистом радостно вырвался наружу и пошел гулять по этажам. Лидка бросилась на Ильича, отодрала его двумя руками от засохшей лужицы на чуть вздыбившемся паркете, завернула в дефицитный целлофановый пакет и скинула вождя вместе с бывшей треской в мусоропровод. Окна были распахнуты настежь, все бегали по квартире и махали кто чем мог – вонь не хотела выветриваться, за целый месяц она в хоромаш освоилась, попривыкла, а может, даже и снюхалась с чуланным призраком!

Как только прошел шок от запаха, Робочка с Катей стали разбирать газеты и журналы, которые Нина Иосифовна ежедневно, пока их не было, закидывала в узкую прорезь на входной двери. Они заполнили всю прихожую до самой комнаты. Но это было любимое Катинино занятие – что-либо сортировать: книги ли выставлять на полках шкафа по какому-то несуществующему правилу или, скорее, наитию, консервные банки аккуратно складывать в холодильник, вещи стопочкой, мама даже шутила, что в прошлой жизни она работала на станции Москва-Сортировочная. Или вот теперь прессу, разбросанную по полу, – два журнала «Юность», крупноформатные журналы «Знание – сила», «Техника молодежи», любимую всеми «Науку и жизнь», кучку «Крокодилов», «Огоньков», «Советских экранов» и «Работниц». И ворох газет.

Перепуг

Письма попрятались среди газет, их было много, с марками и штемпелями. Одно лежало отдельно, необычное, в маленьком коричневом конверте, без адреса, выделяясь из всех остальных прежде всего цветом. Просто запечатано, и все. Роберт вскрыл, почему-то выбрав в первую очередь его, не отложил на потом, а вскрыл, сразу нахмурившись и даже слегка побледнев. Пошел на кухню, где девочки – Лида с Аленой – разбирали привезенные продукты. Взял сигарету, закурил и начал читать вслух: «Уважаемый Роберт Иванович! Когда вы прочтете это письмо, знайте, что ваше здоровье и здоровье ваших близких уже под угрозой. Пока вы отсутствовали, я через щель распылял в вашей квартире радиоактивное вещество, которое уже создало определенный злокачественный фон. Я к вам приходил лично, если помните, и у нас состоялся вполне конструктивный, как мне показалось, разговор. Впоследствии я вам неоднократно писал письма с просьбами не ставить вашу подпись под моими стихами. Предлагал публиковаться вдвоем под псевдонимом Минин и Пожарский, на выбор. Я все хорошенько продумал, толково вам письменно объяснил – все готово, уже и памятник на Красной площади стоит, уже и люди знают эти фамилии, мы с вами могли бы быть увековечены. Ответа я так и не получил. Но вы упорно продолжали и продолжаете вынимать стихи из моей головы и печатать их в советской прессе, выдавая за свои. Зачем вы опубликовали вот это???

Человеку надо мало:
чтоб искал и находил.
Чтоб имелась для начала
Друг – один и враг – один...
Человеку надо мало:
чтоб тропинка вдаль вела.
Чтоб жила на свете мама.
Сколько нужно ей – жила.
Человеку надо мало:
после грома – тишину.
Голубой клочок тумана.

Жизнь – одну. И смерть – одну.
Утром свежую газету —
с Человечеством родство.
И всего одну планету:
Землю! Только и всего.
И – межзвездную дорогу
да мечту о скоростях.
Это, в сущности, – немного.
Это, в общем-то, – пустяк.
Невеликая награда.
Невысокий пьедестал.
Человеку мало надо.
Лишь бы дома кто-то ждал.

Я могу вам даже в мельчайших подробностях описать день, когда эти строчки пришли мне в голову! Это стихотворение было написано мной 18 февраля 1972 года. Я вернулся с работы домой, еле дошел от метро, всю Москву тогда занесло снегом. Настроение было мрачное, в голове гудели колокола, как если войти под огромный колокол и ударить по нему железной палкой. Гудение это у меня постоянное, отпускает, только когда я езжу в метро под землей, где есть защита от излучения. Но когда я выхожу, снова начинает моментально гудеть. И вот я поднимаюсь на свой этаж, а живу я на четвертом, как и вы, открываю дверь ключом, нащупываю выключатель и почему-то не нахожу его. Вдруг вижу два маленьких зеленых огонька, которые медленно ко мне приближаются, глазки моего кота, который пошел встречать хозяина. Так было всегда, но только 18 февраля, когда был выключен свет, я оценил эту встречу в полной мере! И сразу меня отпустило, гудение ушло, я включил свет и, не раздеваясь, пошел на кухню – у меня там стол, за которым я пишу. Так и родилось именно это стихотворение, без помарок, как есть. Не кто иной, как кот, натолкнул меня на мысль, что очень важно, когда тебя кто-то ждет дома. А когда я увидел эти стихи, опубликованные под вашим именем, то понял, что уговорами тут уже не поможешь. Пришлось действовать, не обессудьте. Таких, как вы, надо брать испугом. Противоядие есть только у меня».

Скрывать письмо было глупо, хотя Роберт понимал, что вероятность того, что это действительно правда, ничтожно мала, однако на всякий случай рассказать об этом посчитал необходимым. Позвал жену, дал ей бумажку:

– Катьке тоже прочитай.

Лида зашаркала по коридору за внучкой, обходя, как ледокол, оставленные чемоданы, и, как только они вернулись, Алена стала читать. На второй фразе запнулась, растерянно посмотрела на Роберта, но сразу продолжила, нервно сглатывая. Лида теребила кухонное полотенце и после каждой фразы поглядывала на зятя.

– Что ж это делается? Как такое возможно в наше время? Это какая-то дурная пьеса! И как так его Нина пропустила? – Видно было, что Лида заволновалась всерьез, даже как-то не допуская возможности, что все это на самом деле бред, стопроцентно поверив в этого кота с зелеными глазами, в то, что псих мог действительно пшикнуть в прорезь двери чем-то ядовитым.

– Мам, дай я сначала дочитаю, – сказала Алена, и Лида, отлипнув от стены, села рядом с Катей. Она приобняла ее за плечи, будто уже настало время прощаться навеки, и стала трагически слушать. Роберт улыбнулся, снова закурив, – во все эти угрозы и байки он особо не верил.

– А вдруг он работает в каком-нибудь НИИ и имеет дело с радиоактивными веществами? – предположила Алена.

– Ну ведь вы понимаете, что он совершенно неадекватен для работы в каком-то важном НИИ, успокойтесь по этому поводу, там нужен допуск и медицинский контроль, я в этом уверен. Расслабьтесь, девочки, это всего лишь письмо, что вы все так всполошились? Причем не первое и не последнее. – Роберт потушил сигаретку и открыл балконную дверь. Комната, не знавшая свежего воздуха целый месяц, весело заиграла занавесками. Двор был длинным как кишка, с маленьким аппендиксом, уходившим, как полагается, налево. Одна припаркованная много месяцев назад чья-то голубая «Волга» так и стояла не шелохнувшись на своем законном месте, еще больше припорошившись пылью, грязью и сморщенными листьями. Над ней нависал старый облезлый тополь, никогда не знавший обрезки, нависал опасно, облокотясь на чахлый заборчик и грозя при первой же возможности проломить ей крышу. Но бесхозной «Волге» было на это

наплевать. Чуть вдалеке, почти у выезда на улицу Неждановой, у черного хода в магазин, шевелилась кучка подсобных рабочих в замызганных халатах, они дымили, хрипло подкашливая и приглушенно смеясь, и были единственными живыми существами во всем гигантском дворе. Оно и понятно, ни травки, ни цветочка, сплошной мертвый асфальт, кому тут интересно, разве что только если по делу что-то нужно. Середину двора занимала никогда не засыхающая лужа, превратившаяся за лето в маленький прудик, в котором при желании за это время могла бы завестись какая-никакая живность. В общем, жизнь на задворках улицы Горького выглядела как обычно – тихо, неспешно, совсем не по-городскому.

– Может, позвонить Давиду? – это было вечное Лидино предложение, когда ситуация казалась ей опасной или чересчур щепетильной. Давид Коб был одним из самых близких людей и одновременно известнейшим советским певцом, с которым дружили давно и крепко. Людей он любил, знакомства заводил легко и умел дружить, в том числе и с товарищами в погонах. Позвонили ему, прочитали письмо. Тот сразу же связал Роберта с какими-то чинами в МВД или еще в чем-то подобном, и через час по квартире ходили военные со счетчиками Гейгера в руках. Но ничего не пицало. «Чисто!» – сказали они, отдали честь и ушли, но Лида-то видела, что не чисто – в квартире пыль толстым слоем. К вечеру, совсем под темноту, во двор приехали серенькие незаметные «Жигули» с двумя товарищами из наружки – органы, судя по всему, письмом были обеспокоены всерьез. Лидка метнулась было отнести «мальчикам» в машину бутерброды с чаем, но нет, Роберт не разрешил, сказал, не положено.

Машина стояла, наверное, с неделю. Сменялись дежурные и места стоянки, но псих, у которого Роберт ночами воровал стихи из головы, больше не появлялся. Скорее всего, у него прошло обострение. Но Лида, на этот раз слишком близко к сердцу воспринявшая письмо, так и осталась в напряжении, хотя приняла дополнительные меры по защите квартиры, попросив Анатолия законопатить эту опасную почтовую прорезь и навесить на дверь вторую цепочку для подстраховки первой, короче, полностью забаррикадироваться. А еще привезла с дачи крепенький новый черенок от лопаты и на ночь обязательно просовывала этот черенок в дверную ручку, чтобы уж точно непрошеным гостям доступа в квартиру не было. Чуть позже этот

черенок собственноручно покрасила белой масляной краской, чтобы и он в интеллигентной семье выглядел интеллигентно. Она всеми силами старалась сосредоточить все свое внимание и страхи на тех, живых, кто звонил в дверь, а не на призраке из чуланчика, который явно и откровенно о себе никак еще не заявил и которого попервоначально Лидка так боялась. Хотя ветерок у уха она иногда чувствовала. И мурашки вдруг беспричинно могли побежать у нее по рукам. И чей-то смех в кабинете у Робочки слышала, когда его самого там не было, тихий-тихий, почти беззвучный и очень затаенный, словно нарочный. И люстра раскачивалась при закрытом окне, да, было, и в дверь чулана кто-то по-мышинному скребся, но в лицо, слава богу, – в лицо никого такого не видела! Какое счастье, что квартиру освятили, какое счастье, радовалась своему Лидка.

Инцидент этот вскоре забылся, хотя ходоки не унимались, навещать продолжали, и теперь в основном Алену. Кто-то пустил слух, что она любовница дорогого Леонида Ильича и легко и непринужденно может решить любые народные вопросы, подсунув просьбу Самому в благоприятную минутку близости. Женщины приходили за справедливостью, отчаявшиеся вконец мужчины топтались у подъезда, и те и другие волокли с собой орущих детей, чтоб жальче выглядеть. Но вскоре волна схлынула, видимо, сарафанное радио донесло, что ошибка вышла, лучше стоять у подъезда другой Аллы Борисовны – Пугачевской, которая недавно тоже переехала на Горького.

Лифтеры вздохнули с облегчением.

Жизнь понемногу продолжалась – Алена с Робом в поездках, Катя в институте или с друзьями, Лидка с младшей Лиской, собакой и нянькой Нюркой за двумя дверными цепочками и толстой белой палкой по ночам. Лидка, конечно, после того случая за Нюркой прислеживала, но не сумку же у нее каждый вечер проверять, ей-богу, воспитание такого бы не позволило. Но консервы в кухонном шкафу точно не прибавлялись, а все равно ухитрялись таять как дым. Лидка страдала, но почему-то терпела и все ждала, когда все из этих бесконечных поездок соберутся дома, чтобы отвлечься от этого пустого дежурства, чтобы снова пыль столбом и дым коромыслом: в печи пироги, на пороге гости, лимонная крещенка по рюмкам, великие у рояля! А сам рояль, что характерно, превращался в такие славные моменты в накрытый стол, и ни у кого язык не поворачивался сказать, что это кошунство!

Стелилась скатерочка, на скатерочку ставилась закусочка с водочкой, великие композиторы подходили – опа! – край скатерки откинут, крышку рояля откроют и давай свои шедевры играть, знай только рюмки подпрыгивают! Вот, гуляют люди, широко и со смыслом! А новые песни опробовать – где, как не в такой обстановке? А новые стихи прочитать, чтоб у друзей дыхание перехватило, чтоб снова налили по маленькой и чокнулись – за тебя, Роберт!

Новые друзья вливались в старую компанию, старые отпадали. Совсем исчез Мамед Муслимов, с которым раньше не разлей вода, затерялся, растворился, вывелся из сложившегося круга друзей, выветрился, превратился в призрака. Видели его теперь редко, все равно что зверька из Красной книги, любили, почитали, гордились, но почему-то жалели. Наблюдали за ним в основном по телевизору, радовались его успехам, вспоминали, каким был веселым и обаятельным, как умел дружить. В компаниях он почти не появлялся, был от друзей изолирован или самоизолировался, поди разбери. Хотя Лидка очень по нему скучала, вспоминая, каким жизнерадостным, светлым и общительным он был, когда впервые пришел к ним в дом лет пять назад. Ну что тут скажешь, меняются жены – меняется жизнь, вот и Мамедова поменялась кардинально. Был человек – и сплыл. Лидка видела его только по телевизору – лоснящегося, с напомаженными волосами и извиняющимся взглядом. В семье говорили о нем теперь в прошлом времени, словно его уже вообще нет, – какой прекрасный был, да как смеялся всегда, да какой обаятельный, а помнишь, как Павочку покойную любил да как Лиску на пианино учил играть... Ну да бог с ним. На нет и суда нет. Хотя однажды, уже после того, как он совсем пропал с горизонта, Крещенские по его поводу сильно переволновались.

Как-то так само собой произошло, что Мамед, когда еще не был москвичом и наезжал в столицу из своего родного Баку, постоянно останавливался в гостинице «Россия», окнами на Кремль и храм Василия Блаженного. Поселился было там пару раз – в башне на верхних этажах, в одном из больших люксов с чудесным видом, а чуть позже, как стал бешено известен по всей стране, этот шикарный люкс так за ним и закрепили. Кто – история умалчивает, но это неважно, факт оставался фактом. И вот однажды зимой Катя, обожавшая сидеть у себя в комнате на подоконнике и оборудовавшая там себе уютное тепленькое

гнездышко из плоских подушек, чтоб не продувало, увидела в темноте странное свечение в башне гостиницы «Россия». А башню эту можно было спокойно разглядеть из окон квартиры Крещенских, никакие очки не надобились, все видно и так как на ладони. Целиком гостиница не проглядывалась, а башня, вот она, стоит! И горит, как показалось Кате! Она сразу позвала всех своих, и Лидка, увидев весь этот ужас, заохала и сбегала к себе за старинным инкрустированным театральным биноклем, который всегда находился у нее под рукой просто как удивительно красивая вещь. А тут и функционально пригодился! Алена принялась скорей звонить Мамеду, но его телефон натужно молчал, что пугало еще больше. Стали названивать друзьям, чтобы хотя бы понять, в Москве Мамед или нет, но точно никто ничего не знал. Был недавно, да, говорили одни, концерт будто бы давал, вспоминали другие, новую песню на студии неделю назад записывал, уверяли третьи. А в Москве ли именно сейчас, никто не знал. Только час спустя после того, как Крещенские, оцепенев, в ужасе выстроились у окна, понимая, что никак и никому помочь не могут, кто-то позвонил и сказал, что Мамед сейчас как раз в Баку, стопроцентно в Баку. Ну и слава богу, вздохнули все и пошли отпаивать Лидку валокордином, но она, конечно же, предпочла крещенку. Сильно тогда испугались.

На следующий день ни одна газета ни о чем таком не сообщила, что, в общем-то, было неудивительно, советских граждан старались о плохом не информировать. Но Роберт потом узнал, что пожар был серьезным, народу погибло много, не один десяток, срывались из окон, задыхались, горели, гибли...

– Какое счастье, что Мусика в Москве не было, люблю я его, – только и сказала Лидка, плача по другим, тем, кого видела тогда в огне...

Катино семнадцатилетие

Катя, пройдя экзамены и поступив в институт, почувствовала себя свободной – школа очень сковывала ее. На свое семнадцатилетие устроила девичник – мальчишки из класса, по Катиним словам, были сплошь дураки. Какие-то надмирные и напыщенные или, наоборот, приземленные и совсем непригодные для разговоров. С ними в школе как-то не сложилось, поэтому и решила позвать девчонок, не всех, конечно, а близких. Первый раз, можно сказать, устроила такое, ведь родилась в середине лета, когда одноклассники обычно в разъездах, на дачах и на морях, а тут вон как оно сложилось – школьные экзамены позади, вступительные в процессе, вот все до единого и в Москве. Впервые!

Лидка выступила с необычным предложением: а не пригласить ли на праздник Владимира Бока, мало того что большого друга, так еще и знаменитого гинеколога? Пусть расскажет курочкам, что да как. Почему не воспользоваться достоверной информацией от профессора женских наук? Тем более что врач был из своих, почти родной, поскольку уже «рожал» Лиску, доверие было безоговорочным. Легкий по характеру, с прекрасным чувством юмора, он уж точно быстро расположит к себе девочек, выведет их на правильные вопросы, ответы на которые им потом долго пришлось бы искать без такой помощи. Хохмач и балагур, он, чтобы снизить волнение своих клиенток, любой прием сопровождал шутками, а на вопрос, почему стал именно гинекологом, неизменно отвечал: «Где родился, там и пригодился». Алена с Робертом очень его любили, он излучал тепло, был невероятно обаятельным и добрым. А Лидка так просто была в него влюблена, чего уж тут скрывать, как, впрочем, и во всех новообретенных друзей, которые зачастили к ним на Горького. Ну хорошо, почти во всех.

Лидкина идея пригласить Бока на Катин день рождения понравилась всем без исключения. Главное, еще и очень полезно, подытожила Аллуся.

Девчонок Катя предупредила заранее, что, мол, на празднике будет их семейный друг, который по совместительству еще и известный гинеколог, и если кому что надо спросить, а спросить точно надо, то пожалуйста, не стесняйтесь, он свой на все сто процентов. Девчонки

были совсем зеленые, неоперившиеся и уже вступающие во взрослую, практически неизведанную и таинственную половую жизнь. Поэтому не мешало им помочь хоть как-то пройти курс молодого бойца. В школе, помимо основных предметов, учили, конечно, всякому, и автомат Калашникова на скорость разбирать, и картинки специальным паяльником на дощечке выжигать, и запеканку делать, и первую помощь оказывать, а про отношения мужчины и женщины – ни гу-гу. Ни намека, ни полслова. Стеснялись. Ни в одном учебнике такое предусмотрено не было. Пускали жизнь на самотек. Анатомию человека заканчивали проходить еще в восьмом классе, так, в общем-то, особо и не начав. Был предусмотрен всего лишь один-единственный урок – под сдавленный смех одноклассников – про размножение нас, млекопитающих. И то очень в общих чертах и совсем не вдаваясь ни в какие подробности про строение мужских и женских секретных органов. Никаких специальных книг и брошюр, пусть даже полумедицинских, в открытой продаже не было, а уж про фильмы, пусть даже полунаучные, и говорить глупо. Тема перехода из девичьего состояния в женское нигде, кроме подворотни, не обсуждалась, а в официальной педагогике так и просто была закрыта. Вот и решили устроить ликбез на довольно высоком уровне в лице профессора медицинских наук Владимира Бока.

Для поддержки такого смелого эксперимента Алена пригласила и своих друзей. У девчонок пусть будет своя торжественная часть, у взрослых – своя, и для создания праздничного и легкого настроения девочкам на вечер была выделена отдельная бутылка вишневого ликера Cherry Herring, купленная специально для этого случая в магазине «Березка». Впервые, можно сказать, – до этого девочки у Крещенских пили исключительно лимонад.

Подруги на дне рождения Кати

За столом уселись впритык – только что оформившиеся, округлившиеся, чуть подправленные гэдээровской косметикой Каткины подруги, вырвавшиеся практически на днях из школы и ворвавшиеся во взрослую жизнь, и солидные самодостаточные мудрецы, о каждом из которых можно было уже давно писать по отдельной книге. Стол уравнил всех. Застучали вилками-ножами, зазвенели рюмками, тяжелые блюда пошли по рукам. Алена только

зорко следила, чтобы девочкам ни в коем случае не наливали из других бутылок – только из выделенной и по чуть-чуть.

– Так, Толя, мне перед родителями отвечать! Не усугубляй! – приструнила она Принца, который, почувствовав рядом молодую кровь, раздухарился и принялся подливать молодежи, не видя краев. – Поэтому поручаю тебе при всех важное задание! Наливаешь девочкам по глоточку! Без добавок! Бутылку надо растянуть на весь вечер! Ко взрослым это не относится, наши возможности абсолютно безграничны! – сказала Алена, широко улыбнувшись, и показала на маленький барный столик, где красовалась батарея заграничного питья в бутылках темного тяжелого стекла.

Катина 17-летие. Перед лекцией профессора Бока – небольшая прогулка по улице Горького. Советская площадь с Юрием Долгоруким

Бок, как вечный и непревзойденный тамада, блистал остроумием, обаянием, артистизмом и всем, чем только можно было блистать, и девочки, хохоча до икоты, немного расслабились и оттаяли. Лидка внесла большое дымящееся блюдо с мясом, плюхнула на стол, уж очень оно было тяжелым, и предложила:

– Сейчас под ребрышки выпьем холодной водочки!

Бок заулыбался, встал и поднял рюмку:

– Лидия Яковлевна, дорогая, никто еще не ставил передо мной такой оптимистической задачи! Вы, наверное, знаете, – обратился он к гостям, которые, собственно, давно были и его друзьями тоже, – что папа у меня был самым знаменитым хирургом во всем Саратове! И когда его спрашивали, почему он стал именно хирургом, он всегда отвечал, что для проктолога он слишком веселый, а для гинеколога слишком влюбчивый. А я никогда, например, не хотел быть ни хирургом, ни терапевтом, потому что до сих пор уверен, что хирургия – это терапия, доведенная до отчаяния. Решил сначала заняться урологией, но переметнулся, ушел совсем недалеко, в тот же район, в гинекологию. И, – он посмотрел на прекрасного художника Савву Барского, – могу тебе сказать как уролог художнику: мазок мазку рознь.

Первой басом засмеялась Света Горбунова, она смеялась всегда громко и именно первой, перед ней пролезть было совершенно невозможно. Она лихо поддернула на лоб чуть съехавший парик и, широко открыв рот, захохотала, громко и смачно выдыхая, словно питалась нутряным своим духом.

– Ха! Ха! Ха! – почти сказала она, обнажив все зубы до последнего, часть розовой десны, ребристое высокое небо, уходящее куполом далеко вверх, почти к мозгу, маленький смешной болтающийся язычок и заднюю стенку гортани. Ни один отоларинголог не мог бы к чему-нибудь придраться – все было безукоризненно. – Ха! Ха! Ха! – Света вторично подтвердила своим уникальным смехом услышанную шутку, и Бок, казалось, даже слегка зарделся. – Вовка, ну ты даешь! – Света по-молодецки хлопнула ладонью по столу так, что у соседей подпрыгнули тарелки. – Тебе на сцене выступать надо, уж намного талантливее будешь половины наших конференсье! Я-то знаю, о чем говорю! А ты все на посту! Скажи честно, не надоело?

– Это не может надоест, Светик! Удивить, конечно, меня уже сложно, но ни в коем случае не надоедает. Так что донт уорри, далинг,

not at all.

Вова с женой недавно принялись за изучение английского, что навело друзей на определенные мысли. «Как жалко, за кордон собрались», – сказала Лидка, но Алена мать успокоила: пока Бок хоть пару слов выучит на английском, не один год пройдет, не его это. В таком неожиданном решении винили, конечно, Володину жену, Жанну. И все, кроме нее, наверное, прекрасно понимали, как невероятно трудно ему будет отрываться от работы, друзей и Москвы. Именно ему, с его характером и жизнелюбием, именно в самый разгар жизни и карьеры, когда все схвачено, полно друзей и связей, когда ты самый молодой главврач большого московского роддома, тебя все безмерно любят, а сытая и безбедная старость уж точно гарантирована. Но все ставилось на сына, муж в расчет не брался. Поэтому Лидка и смотрела теперь на него с некоторой опаской, каждый раз немножечко прощаясь, немножечко отрывая от сердца и все больше осуждая Жанну. А Бока при встрече неизменно спрашивала, начал ли он говорить по-английски, и тот ей так же упорно отвечал: «Только со словарем. С людьми пока стесняюсь».

Архитектор Вова Ревзин, почувствовав некий спад в разговоре, произнес тост, подняв бокал за родителей такой замечательно девочки, выпил, крикнул и, даже не присев, стал с восторгом и азартом рассказывать про Москву, которую не просто любил, а очеловечивал.

Алена поняла, что момент настал. Она подмигнула Боку, дав понять, что да, уже пора, и профессор, наполнив свой стакан до краев чем-то импортным и очень алкогольным, картинно встал и произнес торжественно-театральным голосом: «Ну-с, барышни, пройдемте-с!»

Девчонки, прихватив рюмки и остатки вишневого ликера, засеменили к Кате в комнату за профессором, как крыски за Нильсом с дудочкой из сказки Лагерлеф.

Все устроились кто как мог, в основном на полу, стульев столько не нашлось. Катя зажгла свечи: во-первых, празднично, во-вторых, красиво, а в-третьих, в темноте и тем более при свечах намного проще задавать «такие» вопросы. А вопросов действительно накопилось. От совсем глупых до изощренных, от наивных до вполне научных. Научные задавала в основном Катя, которая уже много знала и так, и, кстати сказать, не без помощи Бока – он всегда пускал ее на операции, она обожала присутствовать при родах, ну и аборты, конечно,

неоднократно видела. И все эти безумно «стыдные» для одноклассниц слова – вагина, мужской половой орган, коитус, оплодотворение, крайняя плоть и всякое подобное – совершенно не вызывали у Кати оторопи или ступора. Она сразу представляла анатомический атлас, где под подробными схемами и рисунками черным по белому было написано: *vaginae, pénis, coitus, praerūitium...*

Пока шла вступительная лекция по медицине и сексопатологии у Кати в комнате, на кухне тоже время даром не теряли – архитектор Володя Ревзин рассказывал о гигантомании, а точнее, о грандиозных планах по развитию Москвы еще во времена отца всех народов Сталина. Два Владимира – Бок и Ревзин знаниями обладали обширными, чувством юмора отменным, интеллектом исключительным и были в этом даже похожи. Слушать их было одно удовольствие. Даже Принц перестал болтать со Светкой, они положили вилки и принялись слушать.

– В Москве вообще много чего в сталинское время задумывалось, но по каким-то причинам мы это не поимели... – Видно было, что Володе план по реконструкции Москвы близок не был. – Может, и слава богу, хотя, думаю, все бы уже давно по привычке. Во-первых, намечался огромный Дворец Советов высотой четыреста метров, да еще и со стометровым Лениным вместо шпиля. Можете себе представить этот размерчик, Лидия Яковлевна? – Лидка лукаво посмотрела на Вову и почему-то слегка зарделась. – Во дворце собирались проводить сессии Верховного Совета СССР и всякую другую важную... – Вова замялся, подыскивая правильное слово. – Чепуху. Это был самый вроде как великий проект архитектора Иофана. Был такой, я вам как-то недавно рассказывал. – Вова отхлебнул морсика и зачем-то заел кусочком соленого огурчика. Потом поморщился и снова сделал глоток морса. – Ленин еще хотел крутиться вокруг своей оси, чтоб зорко следить за всеми москвичами и гостями столицы. А построен он должен был быть на месте храма Христа Спасителя. И соседнюю станцию метро уже переименовали во «Дворец Советов». Три года она так и простояла «Дворцом», а потом превратилась в «Кропоткинскую». Но тут началась война – и планы рухнули...

А у молодежи в соседней комнате все было не так безнадежно. Стометровая статуя старенького вождя соперничала по значимости с насущными проблемами сексуального плана и победить никак не

смогла бы. У Кати, например, вопрос был простой и вполне обыденный – дает ли прерванный половой акт стопроцентную гарантию, чтобы не забеременеть. Ответ она приблизительно знала, что не дает, но хотела, чтобы Бок это подтвердил и обосновал. Они и раньше много разговаривали на разные медицинские темы, в преддверии, так сказать, Катиного поступления в вуз – надежда у Бока на то, что девочка станет врачом, все еще теплилась. Вот и сейчас Катя, чтоб не ходить вокруг да около, задала подружкам тон, спокойно и не краснея произнесла запретные слова. Всех внимательно оглядела – испуганные, покрывшиеся испариной, девчонки замерли, переваривая слова, впервые произнесенные вслух, и понятный ответ доктора. Было видно, что у каждой уже на подходе и свои вопросы. Они начали потихоньку и очень издалека, но все еще сильно стесняясь – мало того, что перед ними был мужчина, хоть и доктор, так еще и подружки сопели рядом от смущения! Каждая несла какую-то свою прекрасную чушь, спрашивала о самом тайном и интимном, но так или иначе все девчоночьи вопросы сводились к одному – как вести себя при первой настоящей встрече с мужчиной, как лучше предохраняться, надо ли подождать еще или уже пора расставаться с девственностью, и самое важное, о чем необходимо было узнать у известного гинеколога с учеными степенями и регалиями, – нужно ли выключать свет, когда «это» должно произойти. Катя постаралась не прыснуть от смеха, но сдержалась – всякое такое наивное и полудетское исходило от круглой отличницы, получившей единственной среди всех ярко-красный аттестат, но при этом сильно задержавшейся в своем пубертате, рыхлой и незрелой девицы. Она не собиралась в обозримом будущем расставаться с девственностью, мечтая посвятить всю жизнь чистой науке, а это так, по привычке спросила, для проформы, поскольку, если есть учитель, пусть даже и гинеколог, должны быть и вопросы, она привыкла спрашивать и записывать ответы. Но Бок ее предупредил. «В любом случае, май дарлинг, – сказал он со знанием дела и отхлебнув водки, чтобы не рассмеяться, – будь готова к тому, что, когда душа борется с телом, тело все равно побеждает!»

В общем, Катя знала наверняка, что почти все подружки были девственницами. Кроме, конечно же, Ирки Королевой. Но вопрос, который задала профессору Ирка, Катю откровенно потряс:

– Владимир Михайлович, а бывает, ну... это... что и родственников связывают какие-то отношения? Я имею в виду... – Тут Ирка замялась и, видимо, жутко покраснела, было темно, лица освещались только мерцающими свечами, но Катя все равно почувствовала жар, пошедший от подружки, словно рядом открыли пышущую духовку. Ей, конечно, было безумно стыдно задавать такие вопросы, но у кого еще можно было спросить? Она еще мгновение помолчала, потом почти прошептала: – Я имею в виду половые...

Девчонки вскинулись, словно качнуло автобус, в котором они ехали все вместе, дернулись, выпучив глаза, и потянулись за единственной бутылкой с остатками «Черри херинга», стоящей на полу. И правда, такой стыд надо было срочно запить.

Бок внимательно посмотрел в потолок, покрутил головой, словно решив срочно размять шею, и попытался сделать вид, будто подобные вопросы от советской семнадцатилетней девушки он слышит чуть ли не каждый день. На самом деле это случалось довольно редко за его многолетнюю практику – со взрослыми всякое бывало, и не то спрашивали, но чтоб услышать такое от девочки... Поэтому и ответ должен быть найден самый тактичный и психологически верный. Со школьницами по своей профессии он работал много, от венерических заболеваний лечил, аборты восьмиклассницам по медицинским показаниям делал, у пятнадцатилетних роды принимал, да, было, но чтоб интересоваться инцестом... И проблема состояла в том, что если этот вопрос задан, причем прилюдно, через силу, то для этого должны быть очень веские основания, отговоркой не отделаться. Тем более дело хоть и не подсудное в СССР, но чрезвычайно осуждаемое и психологически травмоопасное.

– Катюнь, водички принеси, пожалуйста, или морсика, если остался, мне запить нечем, – доктор Бок хоть как-то попытался разрядить возникшее напряжение.

Девчонки натужно молчали. Катя встала, вышла, закрыв дверь, и пламя свечей шарахнулось от резкого движения.

Встреча с профессором Боком и первой в жизни бутылкой горячительного. Но это так, для храбрости

На кухне было поспокойнее, ничего такого ужасного не обсуждалось, гости с интересом слушали архитектурные ревзинские зарисовки, запивая их джином с фантой.

– Был еще знаменитый проект архитектора Фомина – Наркомтяжпром – название, конечно, едрена-матрена, ничего в простоте, – ради которого вообще предполагалось снести ГУМ и вдвое увеличить Красную площадь. Но Орджоникидзе вовремя умер, опять же, извините, к счастью. Наркомтяжпром сразу расформировали, и необходимость в таком милом проекте и разрушении Красной площади отпала сама собой. – Вова взмахнул рюмкой и смачно выпил, продолжая интересную историю. – В-третьих, хотели построить Большой академический кинотеатр. Ведь из всех искусств для нас важнейшим является – что? Правильно – кино! – Вова поднял палец вверх, сделал торжественно лицо, и даже Принц не успел дать ответ. – Если говорить архитектурным языком, то это здание должно было стать противовесом Большому театру и встать прямо напротив него, вместо памятника Карлу Марксу. А если человеческим, то эта идея – полный абсурд. Ну только представьте себе, что за «большое академическое кино» там бы показывали, что именно имелось в виду? Комедии? Фильмы про шпионов? Мультфильмы? И вообще, есть ли у нас это так называемое большое академическое кино? Потом, что еще... А! Вот! Центральный дом аэрофлота на площади Белорусского вокзала. Выходишь из вокзала и сразу попадаешь в аэрофлот, можно лететь. Ну и стадион имени Сталина, который, как и все у нас, обещал быть самым грандиозным спортивным сооружением в мире. Гигантомания во всем...

Катя немного даже заслушалась, среди взрослых ей тоже хотелось побыть, тем более что Вовины рассказы она просто обожала, но в комнате морсика ждал пересохший от неловкости Бок. Катя тихонечко вошла, но никто особо и не среагировал, лишь Бок на нее посмотрел с благодарностью, продолжая чего-то объяснять Ирке.

– ...Поэтому должен сказать тебе, Ириш, что всякое в жизни бывает... Существует масса отклонений, когда человек ищет сексуальной разрядки в не совсем традиционных способах удовлетворения. Да, случается и такое, что тут скрывать, наша советская психиатрия рассматривает это как половую распущенность и

все-таки отклонение от нормы. Ведь не случайно в переводе с латыни это слово – «инцест» – означает «преступный» и «греховный».

– Значит, распущенность... – Ирка кивнула сама себе, мысленно с чем-то соглашаясь.

Катя налила Боку из кувшина целый стакан морса, и кувшин пошел по рукам. Девчонки слегка уже подуспокоились, последний вопрос был действительно необычного характера, постыдный какой-то, очень неловкий, многие об этом вообще понятия не имели. Как это Королеву угораздило такую глупость спросить! Надо же, а в результате оказалось, что это просто распущенность... Кто там у Ирки распустился, интересно... Ну что ж поделать, наверное, это что-то вроде болезни, как, скажем, алкоголизм, может, даже и подлежит лечению, а уж если лечение существует, значит, это не какое-то там извращение. Девчонки снова засмутились, заворковали, заспорили и пришли к такому, с их точки зрения, успокаивающему выводу. Ирка в дальнейшем обсуждении уже не участвовала, замкнулась и стала не мигая смотреть на пламя.

Пошли еще вопросы, попроще и поспокойнее, девчонки начали смеяться, перебивать друг друга, в общем, раздухарились. Да и Бок обрадовался, что острая тема была закрыта, – опыта разговора со школьницами за время работы в роддоме у него совсем, можно сказать, не накопилось. Вскоре в комнату зашла Лидка: девочки, пора и честь знать, верните профессора за стол! И снова шутки-прибаутки, анекдоты, тосты и даже песни в исполнении композитора Фельдмана. Ну и неповторимый смех диктора Центрального телевидения Светланы Горбуновой.

День рождения прошел с явной пользой для дела.

Институт

Катя окунулась в новую, совсем уже взрослую жизнь, откуда Ирка окончательно исчезла, снова уйдя в подполье и почти никогда не отвечая по телефону. Ну да ладно, Катя понимала, у всех уже свои проблемы, навязываться она не любила, да и чего ее дергать лишний раз – надо будет, объявится. Теперь она сама осваивалась на новом месте и по новому адресу, Метростроевская, 53, в роскошном старинном здании прямо на въезде на Крымский мост. Здание института было намоленным, все сто с небольшим лет, с тех пор как оно было построено, тут всегда учились: сначала был лицей Цесаревича Николая, где, как выразился один из историков Москвы, был устроен «юридический факультет с гимназией для детей высших классов общества, питомник царских сатрапов, получавших здесь образование и светский лоск». После революции учились тоже, но уже, видимо, другому: здание отдали Институту красной профессуры. «Красная профессура» – звучало загадочно, но как-то глупо, решила Катя. А что касается «питомника царских сатрапов», то МГИМО так им и остался.

Модненькая джинсовая курточка – предмет зависти всех подружек

Вход в институт, да и сам институт тоже, был как бы припрятан, Крымский мост нависал сбоку, опасно близко, окна второго этажа выходили прямо на магистраль, машины по которой мчались в двух шагах от здания. Вся пыль и грязь от автомобилей падала вниз и скапливалась у входа. Грязно у дверей было всегда, как ни убирай. А с боковой стороны стоял еще один мост, видимо, без названия, эстакада, которая соединяла Метростроевскую с Комсомольским проспектом. Поэтому всю помпезную красоту здания, как когда-то задумывал архитектор, было не разглядеть: фасады его прикрывались возвышающимися с двух сторон мостами и само оно выглядело слегка притопленным, что ли.

Но в целом расположение оказалось невероятно удобным: четыре остановки по прямой на метро, от выхода со станции до институтской двери – пять шагов, буквально пять, Москва-река со всякими

прогулочными теплоходиками – в ста метрах, а Парк культуры имени Горького с аттракционами, ларьками и лавочками – через мост, одно удовольствие погулять, вернее, прогулять пару. Хотя Катя совсем этим не злоупотребляла.

Так и вошла в некогда величавое здание на Крымском Валу. Все было поначалу странным, непривычным, подозрительным. Никто не проверял присутствие студентов на лекциях – как так, никакого контроля, просто надежда на сознательность. Приходилось соответствовать, если доверяют – иначе никак. Учеба в институте ее закрутила, стала отнимать все время, и лишнего почти не оставалось. Приходила домой и падала замертво от усталости. Семинары, лекции, учителя, и не обычные, а сплошь доценты, кандидаты и профессора, а самое главное, что грело взор и заставляло трепетать сердце, – сто пятьдесят мальчишек на всего-то двенадцать девочек на курсе. Охотничий возраст еще никто не отменял. Факультет-то был «мужской» – международные отношения со всеми вытекающими. Но ее сразу разыскал Дементий, напомнив о себе длинными кудрями и красным, бросающимся в глаза свитерком. Он поступил на международную журналистику, учился теперь в этом же старом здании, и ничего не мешало ему встречать Катю после каждой пары у двери аудитории. Брал измором.

Факультет международных отношений считался элитным, самый что ни на есть «питомник», а чуть пониже и пониже на воображаемом олимпе негласно находились еще достаточно молодые факультеты международного права и международной журналистики, ну и где-то там внизу барахтался девчачий факультет международной экономики – так это вообще ни о чем, стыдно признаваться, что оттуда, фыркали те редкие девочки, которым удалось пролезть по благу на элитные факультеты. И вот там, на МЭО, были сплошь девчонки, которых на МО пренебрежительно называли мэшницами. А уж если хотели подчеркнуть особо снисходительное или даже брезгливое к ним отношение, то долго тянули «э» – мэ-э-э-эшница, – намекая на овцу или козу, уж кому как нравится. А «мошница» звучало гордо! Но Катя своей принадлежностью к высшей факультетной касте совершенно не кичилась – да, с МО, да, на дневном, и что из этого? Катя в эти кастовые игры не играла, приучена не была и все ахи и охи по этому поводу пресекала. Она определенно была счастлива, что оправдала

родительские ожидания, что наполучала на экзаменах сплошные пятерки, хотя обещали «протолкнуть» и с тройками.

С предметами разобралась достаточно быстро, поняв, что все многочисленные истории – КПСС, государства и права, политических учений, политэкономии – надо спокойно, планомерно сдавать, особенно не заморачиваясь, а сосредоточиться на языках, на том, что останется на всю жизнь.

Поначалу язык дали учить странный, мало на какой другой похожий. Распределили Катю на исландское отделение, ее, естественно, не спросив, никого ни о чем вообще не спрашивали, просто ткнули пальцем в листок с расписанием на доске у деканата – и все. Она начала ходить на исландский даже с некоторым энтузиазмом, добросовестно просиживая на уроках и крутя головой, как полярная сова, туда-сюда, следя за указкой учителя. Еще одну неделю внимательно вслушивалась в незнакомые слова и звуки и выучила-таки, с ее точки зрения, главное – Afsakið, ég heyrði ekki hvað þú sagðir («Простите, я не расслышала») и Hvernig hefurðu það? («Как дела?»).

А потом подумала: ну выучит она исландский целиком и полностью и что тогда? Будет всю жизнь связана языком одного небольшого острова, где ни тебе великой литературы, ни более или менее известных поэтов, ни современных талантливых певцов, и что это будет за жизнь переводчика? Что переводить? Туристам про красоты исландских вулканов и озер? Сомнительное удовольствие. То ли дело, скажем, французский – мало того, что красивый и картавый, так на нем еще и полмира разговаривает и можно будет заняться и художественными переводами тоже! Так что исландский в одночасье пошел лесом, а Катя подсела на франсэ. Сходила в деканат, пожалилась тетеньке, которая занималась распределением по языковым группам, объяснила ей все ясно и понятно и получила высочайшую индульгенцию на изучение французского.

Те студенты, которые учили французский, назывались незатейливо – французы. Было в институте еще очень много других «национальностей», а точнее, кланов. Кланы выпендривались друг перед другом на вечерах соответствующих кафедр – скажем, кафедра французского против кафедры английского. Художественно переводили довольно наивную, но милую студенческую мгмиошную песню,

практически институтский гимн, написанный несколько десятилетий назад, но все еще прекрасно живущий среди студентов:

Над Москвою рассвет клубится,
Облака над Москвою летят.
И у берега, как страницы,
Волны тихие шелестят.

Скоро утро Москву осветит,
Скоро все мы сюда придем.
По привычке нас шумом встретит
Наш большой и любимый дом.
Старый дом у Москвы-реки:
Коридоры, площадки, звонки.

Пусть идут года – будем помнить всегда
Старый дом у Москвы-реки.
В жизни было забот немало,
Нам порою мешала весна.
Не всегда нам легко бывало
Каждый час оправдать сполна.

И когда-нибудь, лет под сорок,
Дипломату взгрустнется на миг,
Вспомнит тихий страничек шорох,
Вспомнит старых друзей своих.
Переулки, мечты, бульвары,
Полуночные огоньки...

Снова в памяти встанет старый
Институт у Москвы-реки.
Над Москвою закат дымится,
Облака над Москвою летят.
И у берега, как страницы,
Волны тихие шелестят.

Но поскольку Катя учила два языка – французский был новым, а английский она уже отлично знала со школы, то в кланы эти не входила, а так, была сама по себе. Преподаватель их французской группе достался знатный – сама Ирина Николаевна Попцова, один из авторов самого известного учебника французского. Авторы у учебника было два, Попцова и Казаков, так бедную Ирину Николаевну так и прозвали – Попцова-Казакова, типа, ходячий учебник. Шкур со студентов она драла не семь, а семьдесят семь, на уступки никогда не шла и ни в чье положение не входила – язык надо было знать на отлично! Допытывалась до малейших языковых нюансов, копала и копала, создавая иллюзию, что студент в конце концов сам доходит до истины, радовалась, когда пятерка была заслуженной, и расстраивалась, если приходилось ставить неуд. А еще показывала прекрасные французские фильмы без дубляжа... Заводила свою маленькую группу в лингафонный кабинет, рассаживала по кабинкам, давала сигнал, когда надеть наушники, тушила свет – и все, Катя уносилась из Москвы на пропахшие кофе и круассанами парижские улочки, моментально сходя с ума от главного героя, кем бы он ни был – обаятельнейшим Луи де Фюнесом, богоподобным Аленом Делоном или легендарным увальнем Жаном Габеном, которого так любила Марлен Дитрих. Как это было необычно и правильно, как прониклась Катя французским кино с его черно-белой эстетикой и удивительным, ни с чем не сравнимым шармом. Слова, даже чуть различимые и почти неслышные, направлены шли ей прямо в уши, совершенно не расплываясь по воздуху и не расходуя смысл. Малейшее придыхание, любой нюанс, каждый оттенок голоса слышался четко и ясно, и уж если хотелось понять, что говорит тебе – и только тебе – этот шикарный мужчина с экрана, то уж будь любезна его понять!

А насколько теперь иначе звучали французские песни, когда смысл их был понятен! Шарль Азнавур, Жильбер Беко, Жак Брель, Мирей Матье и некрасивый, но такой шикарный Джо Дассен с его потрясающим и проникающим шепотом:

Tu sais, je n'ai jamais ete aussi heureux que ce matin-la
Nous marchions sur une plage un peu comme celle-ci
C'était l'automne, un automne ou il faisait beau
Une saison qui n'existe que dans le Nord de l'Amerique
La-bas on l'appelle l'ete indien

Mais c'etait tout simplement le notre
Avec ta robe longue tu ressemblais
A une aquarelle de Marie Laurencin
Et je me souviens, je me souviens tres bien
De ce que je t'ai dit ce matin-la Il y a un an,
y a un siecle,
y a une eternite
On ira ou tu voudras, quand tu voudras
Et on s'aimera encore, lorsque l'amour sera mort

И Катя, в сотый раз слушая эту песню, такую непохожую на все то, с чем встречалась раньше, верила, что Дассен поет не о ком-то, а о себе и что действительно никогда не был так счастлив и влюблен, как в то утро, когда они гуляли по пляжу... И она была в длинном платье и так напоминала чью-то там акварель... И дальше:

И я помню, да, я очень хорошо помню, что я
Сказал тебе там, тем утром,
тому назад год, век, вечность...

И Катя знала, она точно знала, что он мог сказать ей, той, потому что сама была готова это услышать! Как она смаковала это восхитительное французское произношение, как быстро и навсегда влюблялась во все, что было связано с Францией! Кто бы намекнул ей в школе, что она будет в таком восторге от изучения языка, она бы покрутила пальцем у виска. Но тут бежала на занятия, словно от них зависела вся ее будущая карьера, да что карьера – сама жизнь! Даже Дементия уговорила взять французский вторым языком!

Продохнуть было некогда. В этой взрослой жизни радовало все, она так выгодно отличалась от той, школьной, которая, казалось, уже давным-давно ушла за горизонт и почти ничем о себе не напоминала. Эта дурацкая школьная форма, ершистая колючая шерсть, как бы цвета шоколада, но на самом деле говнища, с блеклым воротником, типа скромным, монашеским, не допускающим кружавчиков и завихрений (а Катя страсть как не любила жить под копірку, очень уж хотелось отличаться от других ходячих коричневых форм), эти тупые правила,

никому не нужная математика, оскорбления, которые приходится терпеть от учителей, бессмысленные домашние задания, эта безысходность, когда всеми силами глушат индивидуальность и уверяют тебя, что ты серый и ничтожный, а ты должен это безропотно глотать, это унижение, которое запомнится на всю жизнь и прочее, и прочее, и прочее. Все как в страшном сне. Кате иногда и снились такие страшные сны, почти кошмары, когда она стоит у доски на виду у всех, и родителей, и учеников, а химичка, их классная, стоит почему-то на курьих ножках, как избушка, смотрит так на нее ехидно и говорит: «А сейчас Крещенская определит нам молекулярную массу соединения CaCO_3 » – или еще что-то в том же духе. И все, сердце начинает колотиться, руки холодеют, голос пропадает, под коленками мелкая трясушка, значит, пора просыпаться. Но проснуться она никак не может, а химичка от нетерпения начинает гарцевать, исполняя адскую чечетку и постукивая острыми курьими когтями по паркету. Люди исчезают, растворяются, остаются только они вдвоем – маленькая испуганная Крещенская у доски и химичка, обципанная курьи ноги у которой все растут и растут, и невыносимый этот скрежет усиливается с каждой секундой, заполняя все вокруг...

Но сейчас все было совершенно по-другому, Катя захлебывалась новизной, восторженностью, значимостью того, чем начала заниматься, уверенностью, что эти знания обязательно в скором времени пригодятся. Люди в институте встречались очень разные, безумно интересные, все какие-то необычные. То ли это была совершенно другая среда, чем та, в которой с детства варились Катя, то ли преподаватели были сплошь уникальными, да и студенты, приехавшие не только со всей страны, но и почти со всего мира, завораживали кто умом, кто самобытностью, кто внешностью, кто знаниями, а кто и именем. В Катиной французской группе учился замечательный мальчик из Монголии, умный, добрый, воспитанный, но с совершенно непригодным для нашей страны именем. Звали его Ганхуяк. Прелесть этого имени заключалась в том, что его можно было совершенно законно выкрикивать в чопорных стенах института, причем выкрикивать специально громко и достаточно торжественно, в связи с чем товарищ Ганхуяк пользовался огромным спросом среди студентов. Стыдливые преподаватели метались между его именем и фамилией, но выбрать было сложно, фамилия на русском звучала просто

непроизносимо и в связи с этим не звучала совсем. Зато какой радостью было окликнуть Ганхуяшу с третьего этажа, когда он был этажом ниже. «Хуя-я-як, Хуя-я-як, Хуя-я-як!!!» – отзывалось эхо, и удивленные профессора в ужасе оглядывались и прибавляли шаг. Зато Ганхуяша радовался, что его любят, и были случаи, когда Катя этим пользовалась.

А еще Катя обожала встречаться в институте с родительскими друзьями. Нет, они ничего такого не преподавали и лекции не читали. Просто приходили рассказывать студентам о своей жизни или работе, ну это уже было после всех занятий. Олег Табаков захаживал, Штирлиц, то есть Вячеслав Тихонов, был, даже новый фильм тогда привез с собой, и все смотрели не отрываясь. Журналист Ярослав Голованов, большой друг Роберта, с которым они много в свое время ездили по стране – он спецкором от «Комсомольской правды», Роберт – от газеты «Известия». Все они бывали дома на Горького и очень радовались неожиданной встрече с Катей. Подойдет такая вся из себя Катя павой к Тихонову после его выступления поздороваться, а он как расплывется в улыбке, обнимет ее на глазах у всех, и она ему – дядя Слава, и он ей – Катюша, ну вы понимаете. Девчонки со всех курсов, да что девчонки – преподавательницы, которые тоже пришли на встречу, как уставятся с завистью на эту Крещенскую, как начнут нашептывать что-то едкое друг другу, взглядами сверлить, толкать локтем в бок, мол, смотри, смотри. А она стоит себе таким ангелочком, воркует с артистом – худенькая, челочка до глаз, длинные, до попы, блестящие русые волосы, зеленая плиссированная мини-юбочка из шотландки, зеленая моднющая водолазка-лапша и черная безрукавочка – просто шик, есть на что посмотреть!

Два больших друга – Роберт и Иосиф Кобзон

Отпрыски сатрапов со всего курса во всю и заглядывались, пора было начинать охоту, настало самое лучшее для этого жизненное время. Прощупывали почву, смотрели слюнявым взглядом, наводили справки, с кем Крещенская общается, с кем встречается, на какие лекции ходит, чем интересуется, хоть и слышали, что есть у нее кто-то с международной журналистики. Но все равно попытки были, и неоднократно. В столовке подсаживались с разговорами, мол, сегодня четверг, у всех обычных людишек рыбный день, вон, ледяная рыба у тебя в тарелке, а у меня возможности небожителей, можно именно в четверг мясо поесть... Поедем? Не хочешь к небожителям приобщиться?

Многие из сынков пытались брать лихим наскоком, прогулками на новеньком мерседесике, стоящем пока на парковке под эстакадой у института, модными клешами с заграничной кожанкой, всяким таким, наносным. Кто был поумнее, тот пытался заинтересовать самиздатовскими книжками, отпечатанными на пишущей машинке, таких предложений поступало в достатке, и выбор авторов был велик – от Чейза до Солженицына. Или приглашали в кинотеатр «Фитиль» по соседству. Но Катю трудно было заинтересовать фильмами, кино каждый день показывали и в институте, а уж книжками тем более, поскольку и дома выбор был большой. Хотя в принципе такой подход был ей более близким.

Комсомольские активисты тоже, так сказать, активизировались, подкатывали к Катерине с перспективами на будущее, завлекали опытом и связями, неспешно ввали. Эти вожаки были в основном те студенты курса, которые после школы и армии уже успели не один год отработать на производстве, люди с прошлым, держащиеся особняком и смотрящие свысока на всех этих зеленых, пролезших по благу папенькиных сынков и дочек. У них был другой уклад жизни, вальяжная неторопливость и эдакая дешевая загадочность, которая была Кате неприятна. Среди них в основном были сплошь, как их называли, производственники, которые пытались было завлечь Катю в свои сети. Сначала вроде как по комсомольской необходимости. Зазвали ее как-то в качестве общественной нагрузки на встречу дорогого товарища Цеденбала, главного монгола, который приехал в Москву с визитом. Ну что значит «на встречу» – встать на улице у проезжей части рядом с институтом с остальными трудящимися, дожидаться делегации и помахать флажком, в связи с чем и выдали ей веселый такой флажок, красно-синий с желтым домиком. Катя как узнала, что ее специально ради этого освободят от занятий французского, причем лингафонного, так стала отнекиваться, что пропустить занятия никак не может. Комсомольцы надавили на деканат, и что делать – пришлось пойти. А Катя в знак не то протеста, не то солидарности прихватила с собой товарища по группе, монгольского студента Ганхуяка, которого все время громко в толпе окликала, да так громко, что ею заинтересовались милиционеры. А что бы вы подумали, если бы девушка приличной наружности стала из толпы выкрикивать «Хуяк! Хуяк!», когда мимо нее проезжали правительственные машины?

Пришлось писать объяснительную и прилагать копию Ганхуякского студенческого.

В общем, душа у нее к этим комсомольско-управленческим делам ну никак не лежала, все эти секторы, идеологическое воспитание, комиссии, политинформации, лишняя болтовня – ну не ее это было, совсем не ее. Да и общаться с большинством из вожаков было довольно сложно в силу совершенно несхожих интересов и разницы (иногда значительной) в возрасте. Она жаловалась Дементию, и он старался объяснить, что от общественной работы никуда уже не деться, очень в институте котировались инициатива, ответственность и сознательность. Катя соглашалась, да и взросление давало о себе знать. В общем, поняла, что общественная нагрузка нужна и если самой не предложить что-то свое – насильно навьючат любое другое. Поэтому от всех этих ухаживательно-комсомольских интриг пошла своими ногами к Попцовой-Казаковой и вызвалась помогать на кафедре французского, оформлять стенгазету или делать что там еще было нужно. Комсомольцы отстали, но сильно удивились нежеланию Крещенской связать с кем-нибудь из них свою судьбу, а следовательно, продвинуться по управленческой линии. Ведь следующий важный шаг, ради которого эти товарищи шли на многое, – кандидатство в члены КПСС, а потом и, глядишь, то самое пресловутое полное членство. Но красиво выписывать французские слова на большом листе ватмана и общаться с будущим международным журналистом Дементием оказалось намного интереснее и важнее ярких перспектив, которые ей прочили курсовые деятели.

Дементий ждал ее на коротких переменах в маленьком кафе четвертого этажа института – он собирался на свою журналистику, Катя – на отвоєванный и уже очень любимый французский. Стоял высокий такой, красивый, заботливый, с некоторой прилежностью в позе, держа в руках обсыпанную сахарной пудрой булочку и жидкий чай, чтобы Катя могла быстренько перекусить – у нее, такой молодой и ранней, была уже наследная язва двенадцатиперстной, которую необходимо было почаще подкармливать, чтоб не обострялась. Такие встречи становились все чаще и чаще, он стал поджидать ее перед занятиями в метро, стоя меж двух колонн, как мифический атлант, и выглядывая в толпе свою кариатиду. По вечерам были гуляния у кого-то из студентов на квартире – «пошли на сейшн», «флэт свободный», «родичи в

командировку мотанули!». И выключенный свет, и скрип заезженной кассеты с «Аббой» или Донной Саммер, слипшиеся танцующие парочки, разбросанные, звенящие под ногами, пустые бутылки, а позже, уже дома, недовольное ворчание мамы: куда ты пропала, мы же волнуемся! Именно она волновалась больше всех, а Лидка-то, наоборот, понимала, что пришла пора и надо девчонку выпускать из гнезда. Алена просто не желала пока об этом слушать – маленькая еще, вон, время какое тревожное настало, из подъезда не выйти, по улице не пойти, сплошь и рядом маньяки, совсем ни к чему так рано свободу обретать, пусть еще под крылом побудет. Ее смиряло лишь то, что Дементий – парень проверенный (он ей самой тогда в Юрмале очень даже понравился), не вертихвост какой, что дети в одном институте учатся, да и родители вроде, по рассказам, вполне приличные люди. А мог бы попасться, не дай бог, такой, как у Ирки, – красивый, но конечный, безответный и бесприветный. А этот, Дементий, по всем показателям душевно здоровый и с повышенным чувством справедливости, Алене это было по сердцу. Поэтому хоть и бурчала, но в меру, постепенно (не сразу) принимая выбор дочери.

Лучше поздно, чем не туда

Лидка же пустилась в фантазии, увидя во внучкиных новорожденных отношениях продолжение своей неумемной молодости, закатила свои зеленые глазки на потолок, внимательно что-то там разглядывая, и стала вспоминать свою первую любовь. Она училась тогда в балетной студии в Саратове. Шурка, высокий, красиволицый, смугловатый, выходил в учебных спектаклях на сцену в белых лосинах и колете, чуть прикрывающем грех, и Лидка вся замирала. Лидка любила его тайно, все знали, что он гуляет с другой, злой, мстительной, но красивой. Лидка держалась на расстоянии, мучилась и страдала – природа и ее распускающаяся женская натура давали о себе знать. Молча наблюдала, жалась в сторонке, отчаянно завидовала и не спала ночами, представляя откровенные картины, как ей казалось, разврата. И однажды, на встрече Нового года – какой это был? 1921-й? (ей как раз исполнилось восемнадцать), – отбила Шурку раз и навсегда.

Как это было?

Очень просто!

Лидка улыбнулась и прищурилась, словно внимательно всматривалась в эту картину. Вот она видит в промозглом актовом зале – один маленький камин на все огромное помещение – танцующие парочки, замечает Шурку со своей злой и вдруг, ни секунды не мешкая, молниеносно, с разбегу, приземляется между ними на шпагат, словно прочертив государственную границу. И все, и Шурка был ее! И началось: трепетание сердца, в секунду осипший голос, влажные глаза и дурацкие бабочки в животе на подступах к лону, которые вовсе даже и не бабочки, а самое что ни на есть проявление желания, так нежно и романтично выраженное телом. Ах, сердце Лидкино теперь сладко затрепетало, а бабочки, нет, те бабочки давно уже улетели...

«Дай бог Катюле женского счастья, – подумала, вздохнув, Лидка, – дай ей бог...»

Другое дело, она сама-то просто гуляла, набирая опыта и вбирая в себя мужские души, а если вдруг Катюля соберется замуж... Рановато ставить штамп в паспорте, рановато. Анатолий, который Принц, всячески Лиду в этом вопросе – чтоб Катюле подождать – поддерживал, хотя поддерживал ее во все времена, даже когда был не согласен. Он

постоянно приводил к месту и не к месту примеры из личной жизни и все сыпал поговорками и присказками, словно весь был из них соткан, хотя говорило это лишь о том, что память у него прекрасная, а собственных мыслей нет. Совсем не обязательно полностью взрослеть, на светло-голубом глазу доказывал он Кате, намекая на то, что они с Демой еще юнцы, зеленые и неопытные, только школу закончили, поэтому лучше поздно, чем не туда! И закатывался от смеха. А его любимое «готовь сани летом, а честь смолоду»? И постоянно просил не спешить, подумать, погулять, понаслаждаться жизнью, найти, в конце концов, себе для сравнения еще кого-то, ведь третий не лишний, а запасной. И свое выступление заканчивал чем-нибудь оптимистическим, вроде «жизнь похожа на лестницу в курятнике – короткая и в дерьме». И снова заходился от смеха, смачно хрюкая.

Но нет, от добра добра не ищут – дети гуляли-гуляли и все-таки решили пожениться. Это решение пришло как-то совершенно спонтанно. Они почти ежедневно вдвоем возвращались после института в квартиру на Горького, Лидка усаживала их обедать, накладывая Демочке двойную порцию, и следила, чтобы он, как маленький, съел все, чтобы тарелка заблестела и он бы отвалился от стола, расстегнув пуговку на модных джинсах. «А что вы хотите, мужичок, хоть и молоденький совсем, их прикармливать надо, уж поверьте моему опыту», – говорила она подружкам и прикормленному, скорее даже откормленному ею же Принцу. Потом дети – их так и стали в семье все называть – наши дети, им было-то по семнадцать, – шли к Кате в комнату заниматься каждый своим, потом гуляли или отправлялись к друзьям. Вечером Дема провожал Катю до дому и уезжал к себе в Теплый Стан, иногда прося трешник на такси. Аллуся с Лидой наконец-то с облегчением вздохнули, что можно ночью уже не стоять на балконе, всматриваясь в черноту и ловя каждое движение во дворе – идет девка, не идет? Доставка на дом теперь была обеспечена.

Да и Дементий прижился в семье, ездил вместе с Робертом чинить на сервис машину, Алене помогал иногда по хозяйству, если что его попросят, но сам обожал посиживать с Лидкой на кухне, с удивлением и восхищением слушая ее кружевные истории с дымком, заполняющие ее биографию, эти мифы и легенды, в правдивость которых она и сама не всегда верила. Длилось это притирание довольно долго, весь первый курс уж точно. Про родителей Дема рассказывал скупо, к себе в гости

Катю особо не звал, все отвечал, что отец в командировке, мама допоздна на работе. Но поскольку с папой его успели вскользь познакомиться в Юрмале, то его наличие под сомнение не ставилось. Другое дело – мама со стороны жениха, о которой и слова не было сказано. Потом, как его приперли к стенке, рассказал, что она функционирует в протокольном отделе одного из министерств, что зовут ее Владлена, сокращенно от Владимира Ленина, и больше ни гу-гу. Видимо, должность слишком секретная и простым смертным знать подробности не положено. Ну а Крещенские в подробности и не лезли, просто волновались, в чьи руки отдадут свое сокровище. Никто Катю от такой ранней женитьбы не отговаривал, решили, что если дети полюбили друг друга, так что ж разлучать, пусть начинают свою собственную жизнь, а если разбегутся – значит, судьба, зато оба обростут опытом или чем там обрастают после развода.

Против был, как обычно, Принц, все считал всю эту затею сомнительной, говорил, что они сами еще мальки и плодиться им рано, и уж он-то в своем убедительном возрасте все понимает, особенно то, что Дементий, этот безусый гусар первой свежести, прямо скажем, однодневка. Ни опыта, ни биографии, ни солидности, ни денег, в конце концов. «Да-да, деньги играют не последнюю роль в становлении семьи. – И он поднял свой длинный, но искривленный смычком палец вверх. – На одной красоте далеко не уедешь. – Принц был хмуробров и пучил глаза. – Красоту через два десятка лет как ветром сдует и что останется в сухом остатке? Вот именно. И зачем тогда бежать в ЗАГС? Ради момента? Уж поверьте мне, для такой девочки, как наша, его калибр мелковат». «Калибр, – вступалась Лидка, – а ты измерял калибр-то? А если это любовь, то в расчет брать не надо? Я понимаю, что тебе нечем, но все же попробуй понять – это первая юношеская любовь!» Принц на такие колкости никогда не обижался, но всегда гнул свою прямую линию и становился скучным, как кот после кастрации. Вбросил было последний аргумент – о безумных расходах на свадьбу, – но был тотчас же поднят на смех. Короче, прения закрыли и, получив высочайшее позволение одних родителей, обратились к другим, со стороны жениха.

Жениховские ответ тянули долго, решиться никак не могли, но и особых аргументов против свадьбы не предъявляли. Просто не могли определиться, надо ли их сыну так рано жениться и не умнее ли

подождать, пока закончит институт. Опасения, собственно, были те же, что и у Крещенских. К самой невесте и к ее семье претензий не было. Но как тут можно было лезть со своими советами – молодым приспичило и все тут, хоть на амбразуру. Позвали наконец Крещенских к себе в гости в Теплый Стан, где за бутылкой изысканного виски с каким-то непроизносимым названием – а достать Демин папа мог все что угодно – и обсудили детали. Свадьбу, естественно, пополам, человек на двести, по сотне гостей с каждой стороны, и в самом престижном месте Москвы – в «Метрополе» или ресторане «Прага», уровнем не ниже. Чтобы было время для разбега, торжество назначили на начало ноября, как раз на революционные праздники. Квартиру молодым снимать попервоначалу помогут, а потом видно будет. В общем, грубыми мазками нарисовали ближайшее будущее детей и потихоньку стали задумываться о торжестве.

Скоро свадьба

Главное было определиться, где и в чем. Платье у Кати должно быть самое лучшее. Лидка, конечно, могла бы и сама сшить, но то безысходное время самострока давно прошло, настало время дефицита, есть же разница! Раньше, до и после войны, перешивали из родительского, перелицовывали, подлаживали, шили свадебное, скажем, из тюля, украшали оборками из подзора, оставляя комнату голой, но вполне сносно приодевая невесту. Голь на выдумки хитра. А сейчас-то, вон, на улице аж 1976-й, социализм вовсю, уже все вроде есть, хоть и достать сложно, дефицит, одним словом. Но где-то же есть. Хоть и не купить. Сшить-то в крайнем случае Лида бралась, но вот из чего... В стенном шкафу рядом с полотенцами лежала коллекция отрезов разной ткани, которую удавалось урвать в магазинах, когда что-то особое завозили к праздникам, или ухваченное по большому благу, – в основном аккуратными стопками лежал наимоднейший кримплен в крупных геометрических фигурах, мощных, целиком распустившихся цветах и невероятных сказочных кричащих птицах кричащего цвета. И все по метру-полтора, от силы по два, не больше, длиннее отрез редко продавали. Хватало, дай-то бог, на новую кофточку Аллусе или Кате. Лидка пошуршала в шкафу, перетасовала все отрезки и покачала головой, сдвинув яркие брови, – ничего среди этого богатства для свадьбы не подходило. Ну разве что восемьдесят сантиметров нежнейшего гипюра слоновой кости. Куда? Ну пусть хоть на отделку...

Незадолго до свадьбы Катя вдруг решила сходить в фотоателье

Выход с платьем, как ни странно, был найден необычным образом. Крещенские начали загодя составлять список гостей на свадьбу, стараясь вместить в ограниченное количество приглашенных всех родственников и друзей, чтобы потом не было обид. Всех впихнуть было практически невозможно, поэтому к ста решили добавить еще хотя бы гостей двадцать. Двое были приглашены из Франции – с ними Алла и Роберт познакомились еще в конце шестидесятых на Каннском кинофестивале, когда Роба возглавлял советскую делегацию. Одна, мадам Бурьян, привечаемая Союзом писателей, в свое время пописывала рассказы о французском Сопротивлении и была вдобавок вдовой известного французского коммуниста. С ней тоже познакомились на фестивале, куда она исправно каждое лето брала путевку. Она была доброй, компанейской, но очень визуально и сексуально активной, даже слишком – расцвела к своему закатному

возрасту пышным цветом, отчаянно лезла на все, что шевелится, и была категорически против высказывания, что с годами предварительные ласки не возбуждают, а убаюкивают. Сама Лидка при всей своей влюбчивости и непредсказуемости возмущалась этой мадаминой напористостью. «А что ты хочешь, – говорила она Аллусе, – чем больше морщин, тем меньше мозгов, вот тебе яркий пример». Но все равно ее любили, удивлялись, правда, но любили.

И другой «француз», господин Александр Рускович, родившийся в России и увезенный в детском возрасте в Париж, обожал все русское, начиная от кулебяк с капустой, заканчивая поэзией Серебряного века. Он сам пописывал стишки, и общение с Робертом придавало ему силы и вдохновение. Обладал энциклопедическими знаниями, военным опытом и ровным, спокойным нравом. С гордостью и не снимая носил орден Почетного легиона Франции, который был утвержден еще в начале девятнадцатого века Бонапартом по примеру рыцарских орденов. Был личным другом де Голля. Любил людей, ценил друзей, был знатным рассказчиком. И да – источал сладкий аромат какого-то невероятного сказочного парфюма, так непохожего на советские «Шипр» и «тройные одеколоны». После него удивительно стойкий аромат в квартире стоял еще очень долго. С Робертом они сильно сдружились. Когда Алекс бывал в Москве, всегда селился в гостинице «Националь», чтобы до Крещенских можно было дойти пешком. Катю знал с самого детства, еще с Кутузовского проспекта, и вот нате, уже невеста! Он-то и заявил о таком необычном подарке на предстоящее торжество – свадебный наряд. Предложение поступило очень вовремя, и Лидка сразу перестала ломать на этот счет голову. «Выберу лучшее, – сказал Алекс смачно и немножечко картаво, – и пришлю до свадьбы с оказией».

Настало лето перед свадьбой, которое надолго разделило детей. Оно было не совсем привычным, это лето, хоть и не особо отличалось от других какими-то особыми свойствами. Дементия призвали на военные сборы и, одев его в неудобную солдатскую форму, увезли в неизвестном направлении. Катя только и успела, что пожарить ему цыпленка в дорогу, сунуть котомку в руку и помахать на прощанье маленьким синим платочком. А сами Крещенские вдруг решили отправиться на юга, в Коктебель, и совсем не потому, что он наравне с Ялтой был одним из самых дорогих элитных курортов. Просто Алена

захотела показать Лиске настоящее море, и не в обиду Балтийскому, куда они ездили каждый год, – Балтийское было очень даже морским, уходящим за горизонт, с неповторимыми оранжевыми закатами, но мелким, с холодной водой, хоть его все равно очень любили. Дело-то было в другом: хотелось климат сменить, на солнышке погреться, чтоб мелкая побарахталась в теплой соленой воде, горло промыла, помакать ее, закупать хорошенько перед поступлением в школу, детям же это необходимо.

Странная Ирка

Перед самым отъездом вдруг объявилась Ирка, заскочила, как раньше, вдруг, без звонка. Открыла ей Нюрка, они как раз с Лиской переодевались для гулянья.

– Вот она, пропажа, объявилась! Совсем ты затерялась, девка. Куда делась-то? – стала от порога ворчать Нюрка, а Лиска заулыбалась, соскучилась, прямо видно было, что соскучилась, подбежала и уткнулась Ирке в живот. Нюра с раздражением проводила Лиску взглядом:

– Чем липнуть к людям, иди-ка лучше боты надень.

Ирке обрадовались все, даже Роберт, зайдя на кухню за своей законной чашкой чая – а он всегда пил только из одной – объемной, пузатой, синей с разводами, – присвистнул от радости и неожиданности. Иркино отсутствие в семье Крещенских было достаточно заметно – девчонки не хохотали взахлеб, играя с мелкой, не носились, как лошади, друг за другом по длинному коридору, да и не было слышно жалостливых Иркиных песен про жизнь-злодейку и судьбу-копейку.

По Ирке было видно, что все эти недавние перипетии и изменения в статусе сильно на нее повлияли, казалась она теперь какой-то совсем другой, затаившейся, опасливой, застегнутой на все пуговицы и с виноватой кривой улыбкой, словно уже не в первый раз пришла устраиваться на работу, а ее все не берут и не берут. Алена с Лидой, не заметив этого сразу, бросились вокруг нее кудахтать, зарадовались, затараторили, усадили, стали угощать – Лидка как раз котлеток нажарила с гречкой.

– Не, спасибо, Лидия Яковлевна, я не голодная... – Ирка виновато растянула губы и напомнила Юрия Деточкина из фильма «Берегись автомобиля».

– Вот что, мать моя, мало того что ты нас совсем забыла... – Лида повернулась к Кате: – Катюнь, уж пару месяцев так точно, да? Так ты еще и есть отказываешься! Когда такое бывало, мил моя? Что с тобой?

– Аппетита просто нет, совсем не хочется, спасибо... – Ирка опустила голову, как провинившийся ребенок, и Кате все это показалось странным – и непривычная ее молчаливость последнее

время, и потемневшие, почти потухшие глаза, и резко усилившийся тик на веке, который всегда казался милым, а сейчас активизировался и стал выглядеть очень пугающим и болезненным.

– Не едят, когда диагноз, у тебя диагноз? – спросила Лида и сама ответила: – Нет! Поэтому будем обедать! Я к тому же горяченьких бубликов купила!

– Давай мы сначала сходим погулять с Бонькой, Лиску возьмем, а потом придем и пообедаем, – предложила Катя и, не дождавшись согласия, схватила Ирку за руку и потащила к двери.

Лиска обрадовалась, гулять с сестрой ей очень нравилось, прогулки эти были всегда необычные, не на лавке с нянькой сидеть, а совершать долгие путешествия, полные опасностей, убегать от преследователей, диких животных и даже прятаться в кустах от динозавров. Лиска-то большая уже была, понятливая, самый сок. С ней интересно было. Катя очень любила сестричку и тютюшкала ее с некоторым остервенением, когда ей удавалось дорваться до нее без свидетелей или хотя бы без няньки.

Ее рождение взбудоражило в Катерине материнский инстинкт такой силы и мощности, что она почти что захлебнулась в нем, хотя было ей тогда только двенадцать. Сейчас, почти в восемнадцать, она уже чувствовала себя опытной матерью, зная о детях намного больше домашних, разрешая любые вопросы, связанные с Лискиным поведением или здоровьем. И почему-то мечтала о своих, которых когда-нибудь родит, хоть понимала, что даже думать об этом рано – впереди институт, учеба, серьезное время, все эти мысли совсем некстати. Но внутренняя природная пружина все раскручивалась и расправлялась, наполняя девичий организм новыми желаниями, придавая угловатому телу плавность и манкость, а юным курьим мозгам – животную одержимость. Материнский инстинкт, заложенный в ней с рождения, давно уже не спал, а постоянно подпитывался зазывным сестринским смехом. Ей нравилось, когда она ловила на себе удивленные взгляды прохожих, гуляя с сестрой, – надо же, такая молоденькая, а уже мама! А уж если в магазине ее с малявкой пропускали без очереди – «проходите, мамаша», – то внутренний восторг так и грозил вырваться наружу! Быть принятой за Лискину маму – вот оно, высшее наслаждение! Но пока ее волновала подруга – что-то с ней последнее время не ладилось.

– Чего с тобой, Королева? Какая-то ты... неопиcуемая... – Катя вела сестру за руку, сестра толкала впереди себя коляску с куклой, а Бонька тащил на поводке Ирку. – Колись давай, чего приключилось? Ты сама не своя.

– Да надоела вся эта дребедень. – Ирка дернула собаку, чтоб так сильно не тянула. – Чего-то я все жду и жду, а чего жду – сама не знаю. Казалось, поступлю на вечерний, спокойней станет. Думала, стану женщиной, все изменится, что ждет меня какое-то головокружительное счастье. Но, видимо, не ждет.

Ирка замолчала, остановившись вместе с Бонькой у церкви. А Катя взглянула на Лиску – можно ли при ней обсуждать такое, не греет ли она уши? Но сестричка была полностью поглощена своим «ребенком» и при каждой остановке внимательно проверяла, все ли в коляске спокойно, на всякий случай поправляя кукле чепчик.

Людей в переулке видно почти не было, рабочий день, оно и понятно. Только у входа в храм на приступочке сидела согнутая старушка, просто сидела и все, нежась на солнце и думая о чем-то о своем. Вида неказистого, в галошах, широкой цветастой юбке, объемном клетчатом мужском «пинжаке», пляжной кокетливой шляпке и в очках на резинке, перерезающей всю эту шляпную красоту. Ничего не просила, блаженно улыбалась и разглядывала верхушки деревьев в скверике. Когда девочки прошли мимо, она цепким взглядом посмотрела и на них тоже, ощерилась еще шире, вроде как улыбаясь, и одобрительно закивала. Катя знала ее, хотя не то чтобы знала лично, но часто встречала здесь, гуляя с сестрой или собакой, это было ее законное место, живая достопримечательность улицы, так сказать. Старушка махнула – идите, мол, дальше. Но Ирка встала неподалеку, заставила Боньку сесть рядом и тихонечко, чистенько и тоненько так запела:

Сирота, сиротка я,
Бог меня покинул,
А мой миленький дружок
Безответно сгинул.

Серебрится грусть – весна
Инеем, да ивою.
Выйду к реченьке одна,

Сделаюсь счастливою.

В светлый праздник рыбаки
Сеть потянут зыбкую,
Улыбнусь со дна реки
Горькою улыбкою.

Не страшись меня, рыбак,
Не крестись вдоль брюха.
Лучше в речке, чем уж так:
Молода – старуха.

Старуха зацепилась за нее взглядом, подняла скрюченную морщинистую руку и быстро и мелко закрестила прохладный воздух в том направлении, где стояла Ирка.

– Пошли, Королева, пошли. – Катя даже слегка испугалась, что Ирке приспичило запеть около церкви. – Нашла где петь, ни к чему это... – И потащила ее за рукав прочь. Когда они вот-вот должны были уже повернуть за угол, Катя зачем-то обернулась – старуха все еще продолжала испуганно крестить воздух...

А Ирка, отойдя от церкви – что-то ей мешало там говорить или она так долго вспоминала, о чем хотела сказать, – продолжила:

– Ты знаешь, Гелий мой... Что-то не то в нем чувствую. Предательство какое-то. И ничего вроде особенного не происходит, все на первый взгляд нормально, но... что-то все время меня смущает, какие-то нюансы, что-то не так. А еще брат его двоюродный, дурак какой-то... – Ирка на минуту замолкла, не решив, продолжать дальше или не стоит.

– У него и брат есть? – удивилась Катя. – Ты не говорила. Я только про сестру знаю. И что он?

– Да двоюродный, но довольно близкий. Вчера вдруг выступил. Вроде и ничего сверхъестественного, но как-то неприятно стало. Ну как бы назвать человека, который считает, что ему все изначально должны? И ведь женатый, с детьми... Разговоры постоянно только о себе и о том, как бы повернуть всю жизнь так, чтобы ему было удобно, – и работу, и семью, и друзей. И все в подробностях, приводя мерзкие примеры, похихатывая и гордясь собой. «А что жена говорит», – спрашиваю.

«Жена? А причем тут она? Я говорю – она слушает. Женщина – мой веник, куда положил, там и взял». А самое противное, что Гелий все время ему поддакивает: да, говорит, правильно, а как иначе? И смотрит на меня, как яотреагирую. А я взяла и ушла.

– Почему? Может, лучше было обсудить с ним это, сказать, что тебе не нравится? – спросила удивленная Катя. Ирка до сих пор говорила о своем парне только в превосходных степенях, а тут вдруг такое – что-то не так, брат не понравился, да и сам Гелий в Иркиных глазах вдруг сдулся.

– Да нет, не думаю. О чем говорить? – вздохнула Ирка с привкусом грусти и незащищенности, дернув левым глазом. – Мне теперь все больше кажется, чем есть на самом деле. Да и увидела в нем больше, чем в нем было, наверное. Время покажет. Теперь вообще вся в сомнениях... По поводу учебы тоже – правильно ли сделала, что на геологический пошла. И надо же, так долго об этом мечтала, так отстаивала это свое решение, а сейчас думаю: а вдруг, например, во мне великая певица умерла? Или актриса? И я теперь буду жить не свою жизнь. Ты никогда о таком не задумывалась?

Кате довольно странно было слушать эти Иркины рассуждения, вполне зрелые и ей совсем не свойственные. Вся ее бывшая коллекция непристойных блатных песен, жалостливых старинных романсов и пошловатых гусарских частушек растаяла как дым, было и сплыло, только сегодня впервые за все это время напомнила о себе. И вообще эти несколько месяцев сильно изменили ее. Из восторженной наивной и впечатлительной девушки, яркой и шумной, она превратилась в серьезную и довольно мрачную женщину, уже подраненную жизнью и опытом, стала вялой, бесцветной и рассеянной.

– Когда я была совсем маленькой, мама с папой мне часто рассказывали об одной гениальной девочке-художнице, все хотели, чтоб я тоже научилась рисовать, все искали во мне какие-то скрытые таланты. Постоянно восхищались ею и приводили в пример, мол, вон как она себя нашла с детства. Неужели эти восторги могли мне нравиться? Но когда папа показал ее рисунки, напечатанные, по-моему, в журнале «Юность», я увидела, что они были, конечно, правы, и ТАК рисовать я не научилась бы никогда... Сначала я возненавидела и ее, и ее рисунки. Потом запрятала свою детскую гордость поглубже в организм и полностью отдалась восхищению. Звали ту девочку Надя

Рушева, помнишь такую? Прекрасная, тоненькая, с раскосыми глазами...

Ирка так увлеченно рассказывала, что Катя даже не думала ее прерывать. Надя Рушева была и ее любимой художницей в свое время, но чтоб с такой страстью о ней говорить – на Ирку это было совсем не похоже.

– Она все время рисовала и рисовала, я читала, что руки ее продолжали двигаться по бумаге, даже когда она отвлекалась на разговор, представляешь? Она никогда не пользовалась ластиком, точно зная, где и какую линию проведет. Была обожаемым единственным ребенком в семье, но в семнадцать лет – представляешь, в нашем возрасте! – внезапно умерла, собираясь в школу... Мгновенная смерть. Об этом родители тоже очень долго мне рассказывали. «Бедная светлая девочка, – говорил папа, – жила как ангел, ушла – взлетела – как ангел, мгновенно...» «Несчастливые родители, – говорила мама, – потерять смысл жизни...»

– И зачем ты мне все это сейчас говоришь? – Катя даже поежилась, так стало вдруг на мгновение страшно и холодно, до мурашек, словно подул холодный ветерок. Она сильнее сжала Лискину руку, хотя никакой опасности рядом не было, но рассказ этот необъяснимо ее напугал. Ирка словно захлебнулась историей, мелко заморгала и ушла на несколько шагов вперед, а Бонька остановился было на углу, подняв ногу, но отметить не успел и тоже поспешил вслед за ней. Разбитая машина без глушителя протарахтела мимо, обдав всех вонючим бензиновым облаком, но и вернув этим Катю в реальность.

– погоди, а зачем ты сейчас про нее вспомнила?

– Просто стало интересно: если я вдруг умру, будут ли они обо мне так говорить? Какие найдут слова... Я ж уже однажды умирала. В три года, от кори. Почти умерла. Мама не любит об этом вспоминать, а я как сейчас помню высокую кровать, плачущих соседей и настольную лампу в виде грибка... Часто думаю последнее время про ту маленькую смерть под грибком... Мне иногда кажется, что я сейчас в похожем состоянии и начинаю уже распадаться на молекулы.

– Королева, ты совсем, что ли, дура? При чем тут твои молекулы? У тебя по химии и физике всегда двойки были, откуда ты вообще про молекулы знаешь? Вот скажи мне, чего тебе неймется? Ты начни думать двумя полушариями, не жалея мозг! Что тебя в жизни не

устраивает? Зачем вообще такое говорить? – Настолько странные мысли еще не посещали дурашливую Иркину голову, во всяком случае, Катя ничего подобного от нее не слышала, ни слова, ни намек. Но было видно, что Ирка разбита и подавлена, беспричинно, как казалось Кате. – Пойдем лучше на Пушкинскую, посмотрим, как дом передвинули, ты ж еще не видела! Представь только, мы живем на улице с двумя передвинутыми домами! Сказка!

Ирка нехотя кивнула, настроение настроением, а на переехавший дом было действительно любопытно взглянуть. Про Саввинское подворье Ирка знала, ведь не раз, когда ходила с Катей в «кишку» за продуктами, они обязательно захаживали в тот двор. Теперь, спустя сорок лет после Саввинского, передвинули еще один дом, там, вверх по Тверской, сразу за Пушкинской площадью. Это была всем известная типография Сытина, красавец-дом в стиле модерн, в котором находилась редакция газеты «Труд».

Девчонки гуляючи дошли по тихим переулочкам сначала до школы, которую уже присмотрели для Лиски на следующий год, и затем, обогнув уродливую красно-кирпичную коробку театра, вышли на Тверской бульвар. На бульваре сочно пахло землей, словно только что тут проехал трактор и поднял глубокий пласт, но нет, ни трактора, не взбаламученной земли не наблюдалось – только старушки, щурящиеся на солнце, да отдельные мужички, читающие газеты на стендах. Гулять здесь было неудобно – Лискина коляска вихляла по каменистой аллее, кукла подскакивала на ухабах, а Бонька норовил перезнакомиться со всеми встречными собаками или хотя бы отметить возле каждой клумбы. Еле добрались наконец до площади и встали у самой проезжей части напротив Пушкина. Переходить на сторону Сытинской типографии не стали – большое видится на расстоянии. Катя первый раз так прицельно изучала переехавший дом, до этого лишь пару раз промчалась на машине мимо, так и не успев ничего рассмотреть. Хотя и вглядываться особо было не во что. Типография все еще стояла в окружении серого высокого забора, за которым, видимо, скрывались рельсы, лебедки и всякие другие приспособления для переезда домов. Репортаж, подробный, с деталями и интервью, Крещенские видели по телевизору, поэтому Кате было все более или менее понятно – под дом подсунули рельсы и каким-то макарон перекатили вниз по улице Горького так, чтобы было видно новое здание газеты «Известия», хотя,

если сравнивать, Сытинская типография была в разы красивее известинской серой коробки.

– А ты помнишь наши зеленые тарелки? – спросила Катя Ирку.

– Какие? Из сервиза? Помню, к чему это ты их вспомнила? – удивилась Ирка.

– А они из этого дома... Тут на нижнем этаже находился книжный магазин Сытина, вон на тех, втором и третьем этажах – редакции газет, а на самой верхотуре была сытинская квартира, где наш сервиз и жил долгие годы. Его специально заказывали на Кузнецовской фабрике. Ну вот, а лет пять назад нам его продал внук Сытина, для которого он оказался слишком большим. Так что сервиз с историей. Представляешь, а вдруг с теперь уже наших тарелок сам Чехов ел? Или Толстой? Это ж как в сказке! У меня перед этими тарелками прям трепет какой-то, а мама их раздает направо-налево. Кулебяку недавно испекли гостям, так остатки на тарелочке и отдали, как хлеб-соль! Я уже сколько раз ей говорила, и бабушка тоже, а мама оправдывается: все должно быть красиво!

В общем, постояли, побубнили, почитали лозунги на боковине дома – Лиска в этом отличилась, внимательно все рассмотрели и пошли обратно на бульвар, где погуляли еще с полчаса. Бонька притомился, да и сестричка тоже. Она все пыталась избавиться от надоевшей коляски с выскакивающим младенцем, подсовывая ее то Кате, то Ирке, а Бонька вывалил длиннющий язык и всем своим видом намекал, что ему давно пора поспать. Кое-как доплелись до голубятни, послушали, как во дворе у композиторов поет один из жильцов – и акустика хорошая, и аудитория всегда найдется, – и пошли домой. Ирка, казалось, успокоилась, ни о чем таком странном больше не говорила и даже по настоянию Лидии Яковлевны немного поела. Ну как поела – поклевала. И все, попрощалась и снова исчезла.

Очередной псих

А прямо накануне отъезда на юг среди газет и журналов, вольготно лежащих утром на полу, Лидка обнаружила письмо. Обычный, ничем не примечательный конверт с адресатом, написанным темно-красными чернилами. Без адреса, просто «4-й этаж, кв. 70, Катеньке Крещенской – К.К.». Лидка забежала, закудаhtала, не знала, открыть ли, прочитать ли, заволновалась, замучилась, хотела было будить Аллусю, но пожалела, а тут уже к завтраку вышел Робочка.

– Ну слава богу! Доброе утро, Робочка! Тебе кашку какую? Блинчики я уже пожарила. Не хочешь кашку – мокрый омлетик сделаю!

Мокрый омлетик отличался от обычного большим количеством молока, поэтому и имел такое название, – взбитые с солью яйца в нем мгновенно сваривались и утопали, никак с молоком не соединяясь. Но получалось безумно вкусно и очень по-диетически, Роберт же почти всегда маялся животом.

– Омлетик, да, с удовольствием, спасибо, Лидия Яковлевна.

Роберт сел на свое любимое место в торце стола, у лампы с абажуром, отодвинул подальше пепельницу, еще рано курить, он давно пообещал Алене, что натошак курить никогда не будет, тем более еще эта дурацкая язва двенадцатиперстной активизировалась, а она тоже не любила сигаретный дым...

Лидка положила ему на стол газеты, а сверху – письмо с красной надписью «Катеньке Крещенской – К.К.».

– Вот, Робочка, посмотри, утром пришло, в дверь кинули. Не нравится оно мне, странное, надпись эта кровавая, что-то сердце неспокойно...

Роберт взял письмо, прочитал надпись, чуть сощутив глаза, повертел и даже зачем-то посмотрел на просвет.

– Откроем? Страшно Катюле давать. Мало ли что там... – предложила Лидка, уже вытирая руки о фартук, чтобы вскрыть письмо.

– Оно ж не нам, Лидия Яковлевна, неудобно, давайте лучше Катюху подождем, пусть просто при нас почитает.

Лидка разочарованно вздохнула, перестала вытирать руки, сдвинула брови и пошла остервенело бить яйца для мокрого омлетика.

Катя, как назло, спала долго, уже и Лиска приковыляла на кухню, и Аллуся встала, а старшая все дрыхла и дрыхла. А как пришла, папа ей объявил:

– Посмотри, тебе тут письмо принесли, открой, почитай.

Это было чем-то новым, письма в основном приходили Роберту, ну изредка Алене, но чтоб вдруг Кате – такое еще не случилось ни разу.

«...23 июня 1976 года, 7 часов прекрасного солнечного утра.

Катя! Дорогой мой человек! Нас держат пока на расстоянии, а я рвусь на свидание с тобой с единственной целью – раскрыть перед тобой в личной беседе все свои чувства, таланты и возможности, чтобы отдать тебе то, что накопилось в дурацкой башке и трепетном больном сердце. Помнишь, как мы говорили с тобой неделю назад по телефону, я попросил позвать отца, а ты сказала, что его нет дома? Я до сих пор слышу твой милый голос, доброе внимание, нежное понимание, сочувствие и сострадание. Я сначала влюбился именно в него, в твой голос. Потом в тебя. А помнишь еще неловкого человека у твоего подъезда, у которого выпали бумаги и ты помогла их собрать? Ты собирала, а я стоял на коленях в луже, и мне было совершенно все равно – главное, что Ты была рядом! Твои нежные плечики, девичий пушок на шейке, тонкие белые быстрые пальчики – я успел все прекрасно рассмотреть! – заняли все мое воображение и долго не давали мне спать...»

Алену передернуло от этих слов, произнесенных Катей, она молча и очень серьезно взглянула на мужа, который мрачно закурил, опустив голову.

Я счастлив тем, что есть,
Корысти мне не надо.
Я счастлив, что ты здесь
И ты живешь во мне.

Я счастлив как пацан,
И большего не надо,
Лишь тем, что ты со мной
И ты в моей судьбе.
Я счастлив, что ты есть
И ты – моя награда!
Хожу и пью стихи, что посвятил тебе.
Я крылья распрямил и отпустили боли,
Пусть невзначай, пусть миг,
Но ты жива во мне!

25 июня 03 часа спокойной тихой ночи.
Эх, Катя, Катенька, Катюша...

Прости меня, Катя, прости.
Прости за навязчивость мысли,
За Смерть, что приходит при жизни,
За Жизнь и удары Судьбы!
Прости меня, Катя, прости!
Прости, что не смог удержаться
С собою Тебя увести!
Прости меня, Катя, прости!

27 июня, 09 часов тревожного утра после переговоров по телефону.

Извини, если что не так, но я точно знаю, Ты – мой КРЕЩЕНСКИЙ подарок судьбы, хоть Крещение давно прошло и уже разгар лета. Но от Судьбы не уйти! Жди меня и я вернусь, как говаривал Константин Симонов! Только очень жди! До скорой встречи!

Твой Е.Я.»

В кухне повисло долгое молчание. Никто не знал, что сказать, а тем более что делать.

– Господи, ну сколько можно! Как же это надоело! – запричитала Лидка. – Откуда в наше время столько сумасшедших? Ведь и больницы есть, и врачи хорошие, так нет, ходят по подъездам среди бела дня!

– Да ладно вам, – попыталась снять напряжение Катя. – Ну что он может сделать? Я помню его, на коленках ползал, листки растерял, никакущий такой, сморчок сморчком, совершенно не запоминающийся, без лица... Плюнуть и растереть!

– Значит, так, – многозначительно начал Роберт, глядя на помрачневшую жену со вздыбившимися бровями и на схватившуюся за сердце тещу. – Во-первых, без паники! Ничего не происходит. Это просто письмо, не первое и не последнее, мы их пачками получаем. Да, Катюхе надо быть осторожнее, согласен. Сейчас мы вообще уедем из Москвы, и довольно надолго, так что бояться совсем нечего. Думаю, все уляжется. Но до отъезда одна никуда, пожалуйста, не выходи, только с нами или с Дементием. – Роберт довольно серьезно посмотрел на дочь. Катя слегка улыбнулась и кивнула для всеобщего успокоения, хотя опасности никакой в том скукоженном человеке не видела.

На югах

Они действительно через пару дней уехали. На юга, как сказала Лидка подругам. Оставила Принцу ключи, чтоб раз в неделю приезжал вечерком на Горького, открывал настежь все окна, чтоб «оживить атмосферу», поливал цветы, включал везде свет – пусть видят, что мы дома! – и главное, чтоб проверял чуланчик в Робинном кабинете и брызгал там одеколоном «Консул». Принц Анатолий выпучил было глаза, но Лидка сказала, что это против моли, она всегда так делает. Принц попытался было ее разубедить, мол, где такое видано, транжирство чистой воды, уж от моли можно раскидать сушеные апельсиновые шкурки, если так неприятен запах нафталина, но Лидка стояла на своем – брызгай и все! Она же не могла признаться, что делает это с тех самых пор, как поняла, что в квартире водится призрак того самого, убиенного. Долго думала, как его нейтрализовать, и пришла наконец к выводу, что, помимо вечно открытой форточки, задобрить его можно еще и дефицитным мужским одеколоном – ему вроде как должно быть в радость, и у Робочки в чулане будет приятно пахнуть. Но не станет же она объяснять это Принцу? Это был ее и только ее секрет. Ну и еще Катин с Ирккой.

В общем, схватились и покатались. Два дня в старом разболтанном поезде были долгими и потными, вымыться негде, пахло хлоркой, потом и перегаром, а усталые люди с перекинутыми через плечо полотенцами вечно топтались в очереди в туалет около их предпоследнего купе. Дверь приходилось почти всегда держать закрытой, иначе жадные взгляды людей постоянно рыскали по лицам и вещам. Но, чтобы не задохнуться, Лидка иногда дверь приоткрывала, и сразу народа в купе прибавлялось – кто-то непременно вваливался, задом ли, передом, чтобы освободить место для прохода в коридоре. Лидка страдала и морщилась. Но делать было нечего. Жара стояла невыносимая, остановок было немерено, казалось, что поезд, как старый пес с недержанием, тормозил у любого телеграфного столба, чтобы отметиться и чуток передохнуть. Каждый полустаночек встречал разгоряченными радостными бабульками, которые протягивали высунувшимся из двери вагона пассажирам свои доморощенные товары – кто масляные пирожки с капустой, кто дымящиеся вареные

картофелины с примостившейся рядом теплой подржавленной селедкой, кто вареники с вишней или жареной курятиной. Другие, что поленивей, подтаскивали ко входу в вагон ведра с яблоками и грушами, кульки с «семачками» и банки с солеными груздями. Хотя и детские свистульки встречались, да и коллекции календариков за прошлый год, в общем, кто во что горазд.

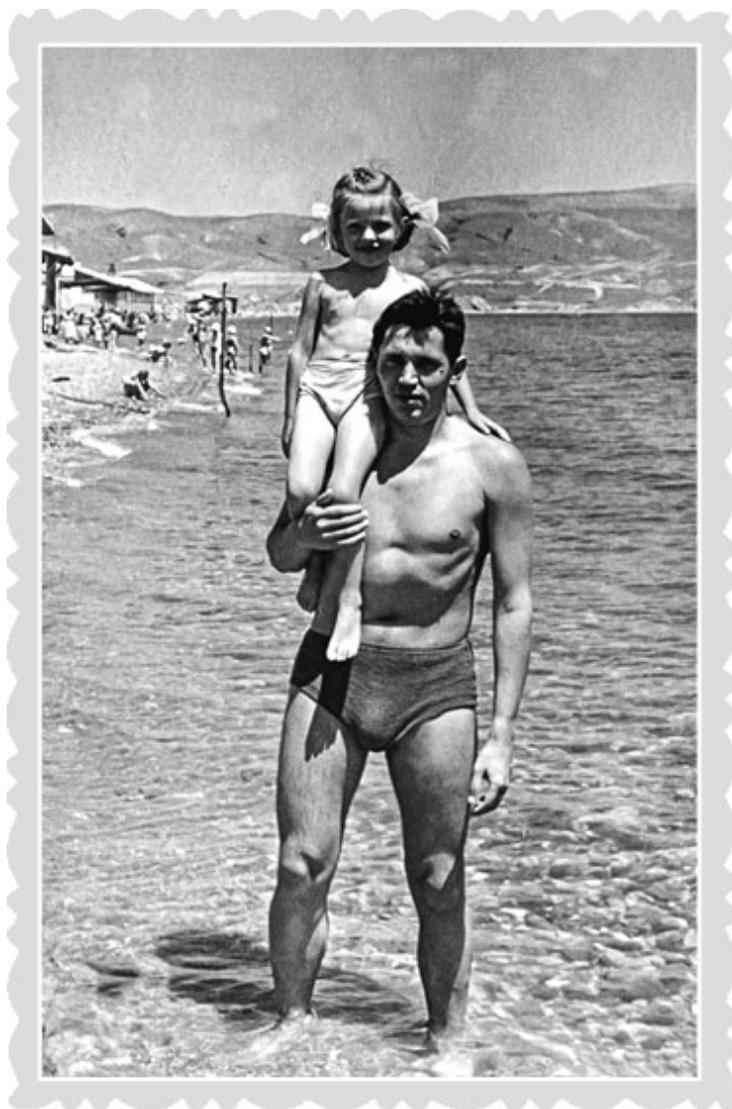
Так за два долгих дня Крещенские дотащились до самой Феодосии. Выгрузились, заняв почти весь перрон, и снова загрузились, теперь уже в автобус старого образца с водителем под стать – подкашливающим и хмуробровым. Подождали, пока в салон строго по списку залезут все остальные прибывшие писатели с домочадцами, расселись у открытых окон с линиялыми занавесочками и отправились в путь, теперь уже без пересадок до самого Дома творчества. Это еще повезло, что правильно все рассчитали, попав именно в день заезда новой смены, а приехали бы двумя днями раньше или позже, пришлось бы добираться на частнике или даже на двух, учитывая невероятное количество багажа. Скрипящий, дребезжащий и по-человечьи вздыхающий при любом переключении передач, продуваемый всеми ветрами и расплавленным солнцем, автобусик неспешно и сучающе вез свежеприбывших сначала меж полей, потом, словно по ошибке, извиняясь и почихивая, забрался в горы, почти останавливаясь перед каждым серпантинистым поворотом, и вот наконец дофыркал до Кара-Дага и моря, предоставив во всей красе самый захватывающий вид на Коктебель. И словно спрашивал: ну как, стоило оно того? Смотрите, красота-то какая! И сам отвечал: да, стоило! Лучше вида не найти! И вот наконец уже ворота Дома творчества, которые очень строго охранялись – грозные вахтеры, из бывших милиционеров, стояли и у входа на набережную, и на дороге, в самом конце парка, откуда въезжали и выезжали машины писателей. Так уж здесь было заведено – если на территорию забредал какой-нибудь чужак, ему сразу устраивали допрос – кто, откуда, зачем? И без внятного ответа выпроваживали взащей со словами «ходят тут всякие, гадят». Оно и понятно: не будь такого строгого режима, парк на самом деле давно бы вытоптали и прописали, превратив его в единственное отхожее место во всем Коктебеле, поэтому страждущие так и норовили прошмыгнуть через церберов и нырнуть в кустики, чтобы облегчиться.

Но разве до этого было уставшим москвичам, которые, вывалившись наконец из автобуса на родной писательской территории, стали все как один потягиваться и разминать застывшие после долгой дороги члены? И вот наконец после первого инстинктивного движения последовало второе – хорошенько встряхнувшись, каждый стал принюхиваться, по-собачьи подняв голову, поводить носом, как зверье, учуявшее новые волнующие запахи. Пахло отдыхом. Таким долгожданным и пьянящим. Коктебельский отдых имел свой определенный аромат: не успевшей еще отцвести глицинии у самого входа в дирекцию, старого разгоряченного сада с еле живым единственным фонтанчиком, шашлыкового дымка, прилетевшего с набережной, кисло-пьяного вина и моря, этого синего Черного моря, которое, в общем-то, ничем таким ярким и особенным не пахло, но городскими жителями явно ощущалось. И да, пахло предвкушением. Предвкушением стихов, страниц, друзей, компаний, походов в Мертвую бухту, любовью, фруктами, мидиями в чайнике на костре, рынком, вечерними картишками и ночным вдохновением. Взрослые остались регистрироваться, дети, словно сговорившись, штук шесть или семь, запыленные, разновозрастные, но объединенные дорогой и усталостью, бросились к морю.

Пляж с крупной, отшлифованной морем галькой и поджаривающимися, уже с корочкой, распластанными в неловких позах телами тихо вздыхал, шелестел и похрапывал. Он был похож на единый слаженный организм, в котором все было предрешено и естественно – этим пора зайти в море, этим пора выползти, хватит, вон тем загорающим надо перевернуться на спину, чтобы позже не пришлось делать компрессы из кефира, а этим хорошо бы поиграть, скажем, в волейбол, засиделись. И все это как-то само собой делалось, игралось, переворачивалось, выползалось.

Пока Крещенские затаскивали чемоданы в два соседних номера, Катя с Лиской, пусть еще совершенно нетронутые солнцем, бледно-розовые и одетые пока по-городскому, даже заходить в дом не стали, а убежали к коктебельскому морю, чтобы влиться в этот пляжный организм. Обе скинули обувь и пошли прямо к воде, чтобы побыстрее проверить, теплая ли, и торжественно открыть тем самым долгожданный сезон.

Катя помнила Коктебель с детства, когда он лежал еще маленьким поселком у моря, простой рыбацкой деревушкой, спрятанной за горами от чужих глаз. И называлось тогда это место Планёрским. То ли из-за особой розы ветров, так привлекающей летунов всех мастей, то ли еще по какой-то другой причине. Планёрское – и все. Тут часто снимали кино, а самое известное было, конечно, «Алые паруса», любимый тогдашний Катин фильм, ведь он так напоминал ей детство у моря, поскольку снят был именно в тех коктебельских местах. И Катя, увидев где бы то ни было отрывки из этих прекрасных красных «Парусов», сразу рисовала себе одну и ту же картинку: отец, могучий и высокий, сажает ее, худющую, на плечо и торжественно несет в море. И она становится выше всех, выше ребят, очень завидующих этой девчонке и бегущих за Катиним папкой, выше взрослых, с улыбкой поглядывающих на эту парочку, и даже выше пролетающих над морем чаек. Да и помимо этих теплых воспоминаний, Ассоль с капитаном Греем играли самые красивые люди на свете – Вертинская с чуть раскосыми ланьими глазами и Лановой в черном костюме принца и немислимой шляпе, ну абсолютно романтическая девичья история.

В первые годы на отдыхе в Коктебеле. Роберт с Катей. Середина 60-х

Крещенские в те времена, в начале шестидесятых, в Планёрском-Коктебеле бывали часто, почти каждый год, и тоже в лечебных целях – уж Катька-то болела в детстве намного чаще Лиски и хотя бы один летний месяц ее выдерживали именно здесь, в здравнице, которой Коктебель и считался, где все должно было способствовать улучшению слабенького детского здоровья – и солоноватый воздух, пропитанный пахучими степными травами, и теплое южное море, и утренние солнечные ванны, и морские горловые полоскания, и прогулки в благоухающем южном парке, и сон на балконе под марлевым балдахином от комаров. И вот, после долгого перерыва Катя приехала

сюда снова – и сразу на пляж, бегом, за руку с Лиской, по старой памяти.

Снова в Коктебеле спустя 10 лет. Молочный коктейль на набережной. Катя с сестрой

Народу у моря к вечеру оставалось уже не так много, кто-то все еще покачивался поплавком на волнах, кто-то камнем лежал на подстилке, пытаясь получить от местных природных богатств все, что выдают на день, от и до, многие лениво уже собирались на ужин. В воздухе сильнее запахло пряными травами, а солнце уже съехало почти к самой кромке воды, окрасив небо в красноватое цыганское золото. Черное море перестало быть синим, небесное золото разбавило цвет воды, она потеряла дневную прозрачность и яркость, загустела, стала

похожа на ртуть. Основная масса отдыхающих отправилась по номерам, чтобы подготовиться к выходу в свет, ведь после еды в писательской столовке принято было при всем параде пройтись по коктебельской набережной. Женщины на это дефиле одевались чрезмерно, ни дать ни взять, словно в театр или в гости, напомаженные, блистающие кто настоящими, кто поддельными цацками, со взбитыми волосьями и впечатляюще-зовущими декольте. Мужчины рядом были одеты намного проще – кто в светлых полотняных бесформенных штанах и майке, а кто и вовсе в полосатых пижамных или тренировочных.

Катя села на край деревянного настила прямо у моря и отпустила сестру на волю. Та мигом сбросила сандалики и тихонечко, кряхтя и чуть прихрамывая на камешках, поковыляла к воде. Заулыбалась, захопала по волнам руками, весело затопала, следя за тем, как далеко разбегаются брызги.

– Далеко не заходи, там сразу глубоко! – дала Катя указание сеструхе. Солнце уже задумало опускаться, понемногу экономя жар, и лучи его из ослепительно-белых превратились в насыщенно-желтые, почти цыплячьи. Но до захода было еще далековато. Катя сидела, шурилась и радовалась чему-то своему, хотя толком не могла понять, чему именно. Море все-таки было душистым, с явным солено-йодистым запахом, приятно и успокаивающе шуршало, шебурша мелкими камешками у самой кромки воды. Камешки коктебельского засола – а что, они действительно были соленые на вкус – отличались ото всех, что когда-то видела Катя, и по цвету не уступали даже тем коллекционным, со стеллажа Королевых. Какие-то, из давнего детства, когда она была еще Лискиного возраста, и привезенные с этого самого места в увесистом кулечке, затерялись среди ее старых безделушек. Но совсем недавно, прямо как специально, она наткнулась на один такой полудрагоценный, гладенький, отшлифованный почти до круглости, розовато-оранжевый в обрамлении светло-серого и перерезанный посередине молочной полосой. Звался он сердоликом. Чудесное название, правда? Сер-до-лик... Но особым счастьем считалось найти куриный бог, которым мог зваться любой камешек с естественно выточенной дырочкой, когда песок попадает в трещинку, а потом долго и тщательно, может даже десятилетиями, растачивается морской водой, – такие у Кати накопились тоже. Все они, с того же давнего

времени, штук пять или шесть, были нанизаны хором на одну веревочку и висели на ее настольной лампе в Москве просто так, как память о море. Но местные коктебельские товарищи говорили, что, помимо всего прочего, куриный бог – сильный амулет и оберегает хозяина от всяких несчастий.

Катя взглянула на Лиску, подол у которой уже намочился и прилип к ногам, но звать ее не стала – пусть расслабится и получит удовольствие после такой тяжелой дороги. Лиска выпускала из рук по камешку и следила, как они замедленно, словно мгновенно потеряв в весе, планируют на дно. Катя ковырнула ногой драгоценную гальку и невольно улыбнулась, вспомнив азарт, с которым копалась тут когда-то в детстве. Она всех вокруг заставляла включаться в эту охоту, чтобы отыскать для нее самый красивый камешек. Было это, в общем-то, тогда совсем несложно. Коктебельский пляж был самым знаменитым на побережье местом, которое состояло не из скучной серой гальки, разбросанной повсюду, а из окатанных морем драгоценных остатков вулканического стекла, из живой, ну ладно, почти живой памяти о потухшем вулкане Кара-Даг. То были россыпи настоящих полудрагоценных камней – карадагской темно-бирюзовой яшмы, чуть прозрачных зеленоватых – как русалочки глаза – хризопразов, солнечных сердоликов и слоистых, как срез дерева, агатов. Попадались и перламутровые опалы, и белоснежные кахолонги, и нежные халцедоны. Охота эта обладала почти мистическим притяжением, становясь ежедневным ритуалом по откапыванию самых чудесных камней. Но, унесенные с берега и расставшиеся со свободой, они мгновенно заболели и потухали, утратив блеск и силу, подаренные морем, и сами, у моря казавшиеся благородными, начинали смахивать на ту самую будничную серую гальку. В воде из-под крана – Катя пробовала их дома реанимировать – они полностью не оживали, а лишь отдаленно напоминали тех красавцев, которые всех так восхищали на берегу.

Вот так, совершенно буднично и открылся пляжный сезон. С заезда прошло уже две недели, и Крещенские перестали казаться такими позорно розовыми на фоне местных смуглых коктебельцев, немного подпеклись и забронзовели. Жили обычной курортной жизнью, которая, в общем-то, была довольно ограниченной и строго распланированной: для особо рьяных отдыхающих – самое утреннее

прохладное море и доброе солнце, после – завтрак в посредственной писательской столовке. Столовка эта особо не радовала, разнообразия не предоставляла никакого, да и повар мастерством не отличался, так, уровень среднего профилактория. Роберт страдал без любимого черного хлеба, которого в Крыму отродясь не видели и который очень помогал бы наедаться. Вместо хлеба перекусывал чаем с пресными печеньями, чтобы унять моментально возникающие после обеда голодные позывы. В двух местных продмагах – Катя ходила – было до жути скудно: бычки в томате, чьи-то огромные порубленные кости, высушенная мелкая рыба неясного происхождения, отвратные рассыпучие конфеты с явно нарушенной технологией и соль, просто соль.

После обеда пляж и немного спорта – волейбол или большой теннис, расписанный заранее на весь сезон от рассвета до заката и обратно, не втиснуться – не вписаться. Из дневных развлечений разве что базар да почта, и если уж писательская столовая совершенно усыпляла своей преснятиной все оставшиеся вкусовые рецепторы, то нате вам, пожалуйста, две шашлыковые столовые «Волна» и «Левада» или, как вечерний вариант, настоящий ресторан «Кара-Даг». Спасал и рынок, куда девчонки бегали за феодосийскими фруктами, местного-то ничего не росло, опять же вода для роста надобилась, вот и везли всяческие абрикосы, инжир, хурму и ягоды из Феодосии, а то и на самолете из Армении. Какие шикарные персики «Белый лебедь» продавались в Коктебеле, с румянцем, медовые, восхитительные!

Во второй половине дня, которая была ограничена ужином – как и в Юрмале, один в один, – легкий отдых или тяжелый писательский труд: стук пишущих машинок нет-нет да и слышался то тут, то там из распахнутых настезь окон. Или же неспешное гулянье по старому парку, среди высоченных стройных кипарисов, ажурных тамарисков, расхристанных пальм, нехитрых гипсовых статуй и грозных табличек «Соблюдайте тишину! Работают писатели!». Те, кого слегка стесняла ограниченная территория ПисДома, выползали на разогретую духмяную набережную, заставленную прилавками с доморощенными сувенирами, рассчитанными скорее не на просвещенных столичных интеллектуалов, а на расслабленных нетребовательных туземцев, – бусики, висюлечки, браслетки, слепленные в немыслимую композицию ракушечки и пошлые гипсовые статуэтки разноглазых

грудастых русалок – всего этого было в изобилии. А на отдельном лоточке, специально для любителей старины, – настоящие осколки «старинных» амфор, остатки кладов, поднятые якобы с затонувших кораблей и монетки вроде как из развалин генуэзских крепостей, разбросанных по всем крымским окрестностям.

Самое трепетное и нескучное начиналось, конечно, после ужина – тут и пульки, расписанные под очередную бутылочку массандры, и походы большими компаниями на прибрежную танцплощадку, куда ежевечерне приезжал на белом катере живой, живее всех живых, оркестр из Феодосии, и самое ожидаемое для всех – кино в летнем писательском кинотеатре. Только писательском и ничьим больше. Высокое звездное небо, аромат ночных цветов, шуршание моря и вдобавок ко всей этой красоте – любимые актеры на большом экране и фильмы, которые не устаешь смотреть, и про Ивана Васильевича, и про иронию судьбы, и не верящую слезам Москву, и про двенадцать стульев, и про тихие зори... А после сеанса, вы будете удивлены, почти ежедневные ночные купания, так отличающиеся от тех утренних, санаторно-профилактических... Эти ночные заплывы, не стесненные никакими резинками и бретельками, с величественно поблескивающими голыми писательскими задами, шли противовесом к чинной дневной жизни классиков. Это было то самое свободное плавание, подобие которого тщетно мечталось испытать в творчестве, когда безо всяких ограничений, без цензуры, сроков и запретов, в тишине и спокойствии, в полной безмятежности, правдиво и гордо, практически как буреветник, который реет. Ночами, под высоким бархатным небом с подмигивающими звездами, будоражащим шепотом прибоя, среди восхитительных природных запахов, человечьи, а точнее, писательские чувства обострялись, становясь более пряными и накаленными и приближаясь по ощущениям к первобытным. Ночи были знойными, греховными и обещающими скандалы дома после нереста, но в тот момент это в расчет не принималось – натура творца требовала размаха и накопления новых впечатлений, подчас на грани.

В общем, отдых на то и отдых, пользовались, как могли, общением, природой и всяческими благами. Раз в два-три дня даже ходили в общественно-писательский душ – роскошь по тем временам, – и то подгадывая, чтобы у корпуса номер 19 не собиралась большая очередь, ведь он был единственный, куда подавали дефицитную воду.

Во все остальные домики воду гнали только техническую, для туалета. С жидкостью вообще в этой красивой степи была напряженка, вечный сухостой, хотя парк каким-то невероятным образом выжил.

Раз в день, после завтрака, Катя бегала на почту за письмами от Дементия. Они приходили исправно, словно их написание входило в солдатский распорядок дня: в семь подъем, в восемь физзарядка, в девять завтрак, а после всяческих проверок, информации, подготовок и занятий как раз короткое, но прекрасное времечко для личных потребностей солдата. Именно тогда и строчились нежные юношеские письма ни о чем, ежедневные, убористым почерком, наивные и восхитительные. Все их Катя внимательно прочитывала, иногда по несколько раз, чтобы понять все-таки их бессмысленный смысл, и аккуратно складывала одно к другому себе в чемодан.

Подарок из Франции

Месяц военных сборов подходил к концу, как и месяц лежания у моря. Возмужавший от марш-бросков, ранних подъемов и хождения строем, Дементий соединился наконец в Москве с поддурмившейся и похорошевшей Катериной. И сразу навис вопрос об организации свадьбы. Заторопили друг друга родственники – Дементий с Катей были, в общем-то, еще почти дети, что с них возьмешь.

– Рано, конечно, отдаем, – вздыхала Алена, – ни житейского опыта, ни собственного гнезда, ни своего взгляда на жизнь, дети детьми... Просто так не хочется, чтобы она тратила время на неправильных людей. Хотя парень он вроде хороший.

– Ну что ты, Аленушка, – успокаивал жену Роберт, – вспомни нас. Пусть начнут, а там видно будет.

– Правильно, Аллуся, не встречай в процесс, – подытожила Лидка, – если это и будет ошибка, то ее, а не твоя и тебя винить будет не за что.

Организовали все быстро и, конечно же, по благу. Думали сначала про «Метрополь», но по особым причинам, о которых родственникам Дементия не сказали, перевесил ресторан «Прага». Дома же прекрасно знали, что Лидка мимо своих любимых рулетиков из ветчины с сыром не пройдет ни при каких условиях. А «Метрополь» чем удивит? Ну да, пусть у них самый лучший в Москве борщ, правильный, на квашеной капусте, с копченостями, но «где свадьба – и где борщ, я вас умоляю», объясняла Лидка на голубом глазу, хотя глаз у нее был зеленый! Поэтому, конечно же, победили рулетики.

А вскоре, как раз в срок, за неделю до торжества, позвонил Алекс, французский друг, встречайте, мол, гонца со свадебным платьем, а я прилечу прямо на торжество. Сначала передадут платье, туфли купить не успели, их привезут позже. Место встречи было, конечно, странноватым и необъяснимым – на Тверской, прямо у входа в мэрию, в десять часов вечера. От дома два шага. Роберт хотел было пойти один, но Катя тоже решила присутствовать при таком важном событии. Они зачем-то пришли раньше положенного и стали прохаживаться у витрин книжного магазина «Дружба», где продавали литературу только социалистических стран. Магазин этот был в свое время одним из

Катиных самых любимых на районе, хотя литература соцстран как таковая ее, конечно, не интересовала, но прекрасные художественные немецкие альбомы, всяческие брошюры по рукоделию, а главное, модные журналы, которые раз в месяц сменялись на прилавке, приводили ее в полный восторг. Только здесь можно было найти польскую «Уроду», «красоту» по-ихнему, «Кобету и жиче» – это уже значило «женщина и мода», а еще журналы из ГДР, Венгрии и даже Югославии. Но последнее время она в магазин заходить побаивалась – вместе с вьетнамскими книгами в СССР, а точнее, в Москву, а еще точнее, на улицу Горького, в дом 15, завезли невиданных тараканов, совершенно непохожих на милых привычных прусаков. Тараканы были огромные, с палец, и... летучие. Поначалу они пикировали только с вьетнамской литературы на покупателей, но после осмелели и завоевали весь книжный социалистический лагерь. Катя даже наклонилась поближе к витрине, прикинула, чтобы рассмотреть, выставлены ли тараканы на витрину или представляют Социалистическую Республику Вьетнам только в торговом зале.

– Ты чего там? – Роберт тоже заинтересовался витриной, глянул на книжки, но тут заметил, как к соседнему дому подошел неприметный, как в фильмах про разведчиков, мужчина, обвешанный красивыми иностранными коробками.

Все произошло быстро, скомканно и совершенно буднично. Коробки были вручены, где договаривались – у мэрии, прямо около ошарашенного милиционера.

– Вот, это вам, вы Крещенский, я вас узнал. – И сразу же откланялся.

Милиционер было рывнулся к ним, но в последний момент почему-то передумал останавливать эту странную парочку. Катя отобрала у отца одну из коробок, чтобы моментально приобщиться к прекрасному. Она оказалась легкой, практически невесомой, хоть и довольно большой.

Алена с Лидкой ждали на лестничной клетке, прямо перед лифтом.

– Как вы долго! Я тут уже захирела от ожидания! На, посчитай мой пульс! – Лидка продемонстрировала Кате запястье. – По моим расчетам, минут пять как должны были явиться! – Тут она молниеносным движением отобрала все коробки и быстренько, походкой радостного пингвина, потащила их к себе в комнату.

– Ну подожди, куда ты, дай я все сразу примерю, – запросила Катерина.

Но было поздно. Лидка, как фея из «Золушки», одним взмахом руки вывалила содержимое самой большой коробки себе на кровать, которая моментально превратилась в огромное облако, только не кучевое, а перистое, ведь оборка по платью шла из самых что ни на есть настоящих перышек! Такое еще не встречалось никогда...

– Ах... – пронеслось эхом по комнате. – Господи, какая же это невозможная красота... Я видела такое только в кино...

Платье действительно было невообразимым, из белого набивного шелкового бархата, конечно же, в пол, да еще и с пышной нижней юбкой и легким, очень неожиданным треугольным пончо. По краю пончо и по середине юбки шла опушка из легких белоснежных перышек, почти пуха, но самое удивительное, что было в платье, так это два крупных бело-розовых цветка, пионы ли, розы ли, которые украшали пончо как две большие броши. Катя сначала и не поняла, откуда они, зачем, нужны ли здесь вообще, но, примерив платье, увидела, что да, необходимы, это та самая деталь, которая приковывает взгляд и превращает обычное свадебное платье в волшебное, именно так. В другой коробке лежала длиннющая фата, как надо фата, без экономии, продуманная, вся такая французская, невесомая. В третьей – флердоранж: воздушный веночек из мелких, хорошо сделанных цветиков с ленточками, верх изящества. Как же все заквакали вокруг этого роскошества!

Катя долго щупала и рассматривала всю эту красоту, гладила мягкую ткань, приглядывалась, пытаюсь разобраться, из чего сделано нежное украшение на голову, вертела в руках тончайшую накрахмаленную сеточку и вдыхала загадочный заграничный запах, исходящий из коробок.

– Ну давай же, не томи! Надевай! Покажись во всей красе! – Лидке очень уж не терпелось посмотреть, она суетилась вокруг внучки, и глаза ее сияли. Глаза, которые, несмотря на возраст, все еще чего-то ждали от этой жизни. Мама с бабушкой помогли Кате влезть в платье, Лидка приладила длиннющую фату с веночком, и обе отошли в другой конец комнаты, чтобы насладиться видом.

– Держите меня, я вошла в восторг... – Лидка падать и не собиралась, хотя довольно громко всхлипнула, подняв экстремально

черные брови. Алена на всякий случай взяла ее под руку.

– Козочка моя, ты даже не представляешь, какая ты красивая... – улыbnулась мама.

А Лидка все самое красивое сравнивала или с птичками, или с цветочками:

– Как ты расцвела... Как голландский тюльпан! Как тебе это идет, козочка моя, какой фасон, сразу видно – Париж! Вот умеют же люди делать... Сейчас главное, чтобы Дементий не увидел твоего платья, примета такая – жениху не показывать! – Лидка стала хороводить вокруг внучки, поправляя складочки, а Алена продолжала любоваться издали, время от времени встряхивая головой, словно не веря, что дочка уже невеста.

– Хотя, поверь моему опыту, я все еще уверена, что нельзя было тебе так сразу соглашаться, – Лидка была в своем репертуаре. – В твоём нежном возрасте надо было мнение-то раза два-три поменять. Это было бы чисто по-женски и намного романтичней. Ну да ладно. – И сразу, не дожидаясь ответа, пошла за булавками, чтобы платье «посадить». Но «сажать» ничего не пришлось, размер был подобран идеально. Катя же влезла на мамины каблучищи, может даже впервые в жизни на такие высокие, чтобы немного порепетировать легкую свадебную поступь, но нет, не было ни уверенности, ни устойчивости, ни свободы в движении.

– Девоньки, можно хоть и мне посмотреть? – стукнув в дверь, показался Роберт. – А то вы так расквакались, в кабинете слышно!

И, увидев дочку, повлажнел глазами.

– Иди сюда, моя Кукочка... – Обнял ее, и они застыли. Роберт прикрыл глаза и в какой раз понял, что этот момент – то самое счастье, определение которому невозможно дать, да и зачем? Вот оно, под рукой, осязаемое и замершее, жить для этого счастья – это само счастье и есть.

– А что у Дементия с костюмом? – спросила Алена, затянувшись сигаретой и не то от умиления, не то от дыма прикрыв глаза. «Н-да, выросла девочка, готова к женской жизни – одна из миллионов и одна на миллион», – а вслух сказала: – Такой красивой невесте и жених должен быть под стать. У него есть что-то подходящее?

Катя, все еще не отпуская отца, стала рассказывать:

– Да он ударился в капризы. Я ему рассказала, что мне платье из самого Парижа пришлют, вот он и занервничал. Сначала родители

купили ему в «Березке» чешский костюм-тройку, но нет, сказал Дементий, никогда и ни за что. И хоть деньги потрачены, он это позорище не наденет. Но потом вроде они что-то придумали, только бабочки нет. Жениху же бабочка необходима? – спросила Катя, не в силах оторвать взгляда от своего отражения с папой в зеркале.

– Жениху необходима невеста, а ты у нас будешь самой красивой невестой в мире! – сказал Роберт. – Но бабочку можно у Давида попросить, уверен, не откажет. А шлейф тебе Лиска понесет, дадим ей вот такое ответственное задание! – Он взял конец шлейфа и потащил к Алене.

Катя улыбнулась, кокетливо поправив съехавшую фату. Она посмотрела на маму с папой и вдруг подумала, что редко говорит, как их любит, вернее, в силу возраста почти не говорит, но тут вдруг очень захотелось, ну прям очень-очень. И не потому, что была благодарна за роскошное французское платье, нет, это было тут совсем ни при чем. Просто решила, что пришло время, когда это необходимо сделать, сказать, произнести, именно сейчас, в эту самую минуту. Пусть они и так знают – а они точно знают! – но очень уж захотелось... И сказать тихо, «тише скажешь – глубже достанешь», как говорила Лидка. Подошла, обняла, прижалась к ним обоим, совсем разомлевшим от неожиданности, и замерла в затаенном восторге.

– Как же я вас люблю... – прошептала она совсем тихо, даже не поняв, услышали ли ее мама с папой. Но услышали, конечно же, услышали. Мама от нежности и любви таяла как свеча, молча, не говоря ни слова, растапливалась от наслаждения, а отец только и смог произнести: «Ластынька моя...»

Словно сросшиеся, они стояли втроем в этой белой пене из невесомой невестинной фаты, как экспонаты из какого-то неведомого волшебного музея, где в ватке на всеобщее обозрение выставлено самое важное и ценное, главная редкость, такое, чего нигде больше не сыщешь, – простое личное счастье, их и только их. Каждый раз это состояние Катей воспринималось по-новому – через чувства, краски, запахи, и вот ее окутало теплотой, ощущением покоя и одновременно неукротимым восхищением жизнью. Чувства были пьянящие и ароматные, словно только что выпеченные.

Катя выдохнула и застыла, а Алена, облокотившись Роберту на плечо, мечтательно улыбалась и тоже думала об этом, что вот так оно и

выглядит, тихое женское счастье, и как бы наколдовать такое же и для дочек, ну ладно, пусть не такое, как у них с Робом, но хоть отдаленно похожее. Чтобы через много-много лет вот так же Катюха с Дементием, а потом и Лиска с мужем стояли бы, окруженные детьми и внуками, и напивались друг от друга блаженством.

Так и будет! Обязательно так и будет!

«Интурист»

Свадебные туфли привезли через день. Снова позвонил вежливый человек из торгпредства и сообщил, что да, они уже в Москве, их можно забрать в любое удобное время, а Кате было удобно моментально, ждать она не могла ни секунды, вот сразу и пошла, да что там пошла – побежала, сгорая от нетерпения и любопытства, в гостиницу «Интурист», вниз по Тверской. Сказали, в холле, в 16:00. Гостиницу эту Катя не любила. Торчала она стеклянно-стальным и довольно нелепым колом в самом начале Тверской, портя вид и выбиваясь из архитектурного ансамбля, перевешивала своей высотой и сильно упрощала впечатление. Да и люд около нее всегда ошивался разношерстный, а часто и подозрительный. Катя по два раза каждый день ходила мимо нее к метро и всякого насмотрелась: то милиция гналась за фарцовщиками, то проститутку засаживали в машину, то что-нибудь еще в таком роде. Около нее всегда было довольнолюдно, подъезжали неповоротливые «Икарусы», выплевывая очередную толпу иностранцев, стояли, покуривая дорогие сигареты, солидные господа в ожидании, когда им подадут авто, сновали мальчишки в надежде обменять значок на пластинку жвачки, да и фарцовщиков можно было легко отличить по модным шмоткам.

Катя, запыхавшись, почти подбежала к гостинице, но войти внутрь было не так-то просто. В гостиницы, особенно интуристовские, доступ был ограничен до невозможности – нужно, чтобы вас непременно ждали внизу и встречали с документами, подтверждающими регистрацию в гостинице, либо просто в качестве пропуска необходимо было дать швейцару взятку, обычно от трех до десяти рублей. Столько у Кати, конечно же, не было, да и совесть не позволила бы так швыряться деньгами. У входа она притормозила, отдышалась, зачем-то поправила волосы, словно иначе бы с ней даже и разговаривать не стали, и пошла брать «Интурист» приступом.

На входе грозно и торжественно стоял солидный седой швейцар, пучеглазый и злой, на первый взгляд бывший кагэбэшник или военный, с серьезным, подозрительным взглядом, который в любом мужчине видел шпиона или фарцовщика, а в любой женщине от пятнадцати до семидесяти – проститутку. Катя по возрасту вполне подходила под эту

катеорию гражданок, и, увидев ее, швейцар закрыл телом проход и стал пристально ее изучать. Катя улыбнулась про себя – несмотря на всю серьезность его намерений и церберный огонь в глазах, его внешний вид – кокетливая фуражка набекрень и невероятное зеленое полупальто с золотыми галунами – делал его похожим на третьеразрядного опереточного лакея.

– Здравствуйте! – начала было Катя, но вежливость ее не пригодилась.

– Куда ты? Из новеньких, что ли? – по-хозяйски спросил швейцар.

– В смысле? Меня ждут внизу в фойе, можно мне, пожалуйста, пройти? – Катя попыталась было сделать еще шаг, но дядька посуровел, насутился и пошел в наступление.

– Ну-ка, стоять! – Он поднял руку, как заправский постовой. – Ты в гостинице зарегистрирована? Нет! Обслуживающий персонал? Нет! Они через другую дверь входят! Вывод: делать тебе здесь нечего! Или ты тут, в «Интуристе», с клиентами работаешь? – И он сально подмигнул.

– Меня ждут! – Неужели не пустит, испугалась Катя, неужели она не увидит свои новые свадебные туфельки?!

Но тут за его спиной показался какой-то солидный товарищ, в очках и в синем костюме с галстуком, который, оттеснив швейцара к стене и назвав его «любезным», уверенно пропустил Катю в холл. Швейцар довольно удивленно и одновременно осуждающе посмотрел им вслед, но помолчал и места своего не оставил, лишь крякнул и что-то пробурчал себе под нос.

– Меня Юрий Михайлович зовут, это я вам звонил. – Товарищ улыбочато поздоровался и пожал Кате руку. – Забыл совсем, что на родине в гостиницу просто так не пройти, хорошо хоть вспомнил вовремя.

Катя обшаривала взглядом огромный холл. Она ни разу еще сюда не заходила, надобности не было, все родительские иностранные знакомые жили по соседству, в «Национале». Удивилась, что стены фойе черные, как сажа. Зачем это? Грустно же. Но чуть дальше от входа черный базовый цвет разбавляли светящиеся витражи, поэтому мрачным он особо не казался, да и окна были во всю стену. Низкие современные кресла почти все были заняты, но солидный товарищ подвел к столику, вокруг которого сидели очень похожие на него

солидные граждане – в костюмах и галстуках. Он взял модный пластиковый пакет, на котором по-французски было написано название магазина и какой-то адрес, яркий, витиеватый, в общем, заграничный, Катя не успела разглядеть. Товарищ торжественно преподнес пакет девочке:

– Алик очень надеялся, что платье подойдет, а туфли – тем более, покупали со знанием дела у самого модного кутюрье – Ив Сен Лорана! Это невероятно модный француз, он даже в Москву с показом приезжал! Так что уверен, что вы будете самой обворожительной невестой в Москве!

Катя почему-то слегка покраснела, поблагодарила, вцепилась в пакет и гордо проследовала мимо опереточного швейцара, который презрительно на нее посмотрел – как же, прошла за так, на халяву!

Смотрины платья

На следующий день к вечеру на смотрины французского платья были вызваны все Лидкины подружки без исключения. Во главе с главной подругой, Принцем Анатолием – «а вот и я, цветов не надо!». Последнее время он стал выглядеть как администратор летнего театра – быстроглазый, самодовольный и беспардонный, с отчаянным румянцем на толстых щеках. Три волосины его были тщательно, видимо по линейке, разобраны на прямой пробор и зализаны пивом, как у полового из трактира в старинные времена. Стоило ему чуть выпить и вспотеть, а потел он обильно и обязательно, как комната наполнялась дрожжевым запахом перезревшего и подкисшего теста, отнюдь не способствующим повышению аппетита. Этот кисленький подквашенный дух сопровождал его теперь повсюду. Изменился он кардинально, растеряв все те благородные качества, за которые Лидка когда-то его полюбила. Видимо, климакс был беспощадным не только к женщинам, но и конкретно к Анатолию. Хотя климакс, который по всем срокам должен был давно пройти, роли особо уже и не играл, просто возраст, батенька, возраст, и, скорей всего, зарождающееся слабоумие. Поводился он издавать разнообразные звуки, не очень привычные в обществе, и при этом удивленно оглядывался вокруг – кто это такое натворил? Мог за столом охотно поделиться подробностями своей физиологии с большим количеством анатомических подробностей, не обращая внимания на брезгливые гримасы подруг и стук вилок, в отвращении брошенных на тарелки, на что раздраженно говорил: «Нежные все стали, поговорить уж не с кем». Свихнулся вдруг на кулинарии, хотя никогда этим делом, в смысле готовкой, особо не интересовался, а тут стал постоянно кухарить и есть как не в себя, постоянно требуя от подруг новые рецепты. Вместо «здрасьте» мог поинтересоваться, у кого какая «начинка» для борща, или спросить кого-то из подружек: «А ты кладешь в синенькие морковь? Кладешь? А-а-а, я понимаю, с морковью получается больше и дешевле».

Даже вкусы его стали совершенно другими, начал размешивать вместо сахара конфеты в чае, любые, шоколадные или леденцы, и перешел с водки на портвейн «777», безоговорочно поверив в его волшебные свойства. В гостях же продолжал пить все без исключения,

хотя уверял, что от алкоголя его воротит, как цыгана от станка. Нагло врал, тем более что начал делать настойки, экспериментировал изо всех сил. Хотя и раньше, еще будучи Лидкиным гражданским мужем, занимался химическими опытами, но исключительно в мирных целях, чтобы лечить Лидкины колени, сильно пострадавшие из-за долгой балетной нагрузки на сцене Московского театра оперетты. Всякие выжимки из лопухов, притирки из коры ивы, настойки из девясила для компрессов сменились теперь домашней хреновухой, клюковкой и даже спиртовой настойкой на белых грибах. Последнюю пробовать никто не отваживался – по тому, как Принц изменился, все решили, что на белых-то грибах он, как обычно, сэкономил, а заспиртовал исключительно мухоморы.

Девочки, Лидкины подружки, в связи с изменением его личности успели придумать ему другую кличку – из Принца Мудилы он благополучно превратился в Маразма Крепчалова. Причем каждая из девочек претендовала на авторство, но кто именно придумал это имя, вспомнить так и не удалось.

Девочки никогда не приходили в гости с пустыми руками. Не только к Лидке – вообще. Так уж было заведено с их давнего детства – по мере возможности доставлять людям радость. Да и времена всегда были сложные, неустроенные, дефицитные, постоянно чего-то не хватало: то еды, то одежды, то лекарств, то книг, а то и всего вместе. Поэтому поделиться с друзьями избытком было необходимой потребностью. И определенным наслаждением. Оля выложила на уже накрытый стол шмат соленого жирного палтуса, самой любимой Робиной рыбы. Раньше Оля жила в Мурманске, можно сказать, в самой что ни на есть палтусной столице, и с тех пор просила друзей присылать эту рыбку с оказией, не для себя, для Робочки. Тяпочка торжественно поставила на стол баночку майонеза. «Опа!» – сказала она, как фокусник, удививший публику зайцем в цилиндре. Майонез тоже был в магазинах редкостью, давали его по две баночки в одни руки, плюс еще в очереди за ним надо было отстоять час-другой. Лидка могла его, конечно, и дома сделать, не проблема, – хорошее постное масло, пара яиц, желательно от домашних кур, соль-сахар-перец, горчица и немного лимона, – но поди набери эти продукты, чтоб вместе, хором в одно время! Масло есть – яиц нет, яйца достали –

горчица пропала, горчица нашлась – яйца съели! Так что лучше уж так, в баночке. А Анатолий что? Анатолий ничего, он принес свои советы.

Веточка же, нежная душа, притащила два кусочка мыла – хозяйственное, для кухонных нужд, и пахучее земляничное. Катя хозяйственное мыло ненавидела, этот морщинистый кусок неясного, если по-научному, генеца, запах от которого долго оставался на руках, и она все принюхивалась – откуда несет таким говном? Она слышала даже, что ходили легенды, будто его делают из жира бродячих собак... А то, что оно было универсальным, – это стопроцентно, никто не отрицал. Им и стирали, и мыли все что можно, и распыляли его в виде раствора в огороде, им даже лечили! А что вы думаете, в свое время баба Поля пихала Кате в нос ватку, смоченную вонючей мыльной пеной, чтобы победить наконец детские сопли, когда обычные человеческие лекарства уже не помогали. А ссадины? Помазал хозяйственным мылом – и ни один микроб не пролезет! Сдохнут от вони! Но хозяйственное мыло – это так, необходимость, Лидка сразу спрятала его под мойку, чтоб не пугало людей и не мозолило глаза, а кусок земляничного отнесла в ванную, который, кстати, еще не начатый, куда-то быстро испарился.

На кухне сразу образовалась толкотня, каждый стремился что-нибудь порезать, выложить на блюдо или в пиалочку, помешать в кастрюле, достать из шкафчика, но больше всего хотелось, конечно же, поговорить, ради этого и толклись. Надвигающаяся Катюлина свадьба вносила праздничный ажиотаж в размеренную и слишком уж предсказуемую жизнь стареющих примадонн. Пухленькая Тяпочка изо всех сил старалась помочь, но только бесцельно металась по узкой кухне, обтесывая свои внушительные телеса обо все углы и подруг. От нее всегда обреченно пахло беспомощностью.

– Тяпка, ты вроде как еще больше раздобрела? – спросила тощая Надька, оглядывая подругу, которая своим телом закрывала проход к холодильнику.

– Надюшка, и не говори! Но! За доброту бог дает полноту, а от злости – одни кости! – Тяпочка улыбнулась, подмигнув Надюхе и активизировав свои очаровательные ямочки. – Надо срочно что-то прекращать! Только еще не решила что – или есть, или взвешиваться! – И они обе принялись долго и заливисто хохотать, на смех они были

всегда быстры. На что Принц не заставил себя ждать и подоспел со своим советом:

– Меньше мучного, больше ночного! Уж поверь моему опыту!

И вот наконец сели за стол, где, разгоряченные впечатлениями, грядущими событиями и обещанным парижским шиком, девки во главе с Принцем снова отчаянно загалдели, зашуршали и запросили вернуть на стол остатки лимонной водки, в чем отказа, конечно, не было. Лидка-то зазывала всех «на чаек», но чайком никогда не отделявалась.

Когда Роберт стал секретарем Союза писателей, ему начали выдавать особый продуктовый заказ. Брала его обычно Катя, которая уже научилась водить машину, и лишний раз выехать куда-то недалеко от дома доставляло ей огромное удовольствие. Она и ездила всегда к директору ресторана ЦДЛ, который ждал ее в своем подвале, в крохотном кабинете без окон, но, несмотря на отсутствие окон, очень высоко стоял в пищевой цепочке. Именно такие товарищи, распределяющие еду и заведующие сервелатами и сардельками, балыком и икрой, вырезками и корейками, заграничными коньяками и американскими «Мальборо», безграничную власть имели не только над продуктами, но и над людьми. Каждый раз, когда Катя входила в этот небольшой, слегка отдающий плесенью сводчатый кабинетик, где вместо окна был прилеплен календарь Совэксспортфильма с фотографиями актеров, обязательно раздавался звонок из массивного черного телефона, с диском и кнопочками, а-ля вертушка, словно это всегда было подстроено заранее. Директор наигранно морщился, к телефону нарочито не подходил и, подобострастно улыбаясь, выдавал ей пакеты с провизией вместе с квитанцией, а потом шел провожать до машины, щурясь, как вурдалак, на дневном свету. Катя ему нравилась, но продуктами он завлечь ее не мог, а больше было нечем.

Другое дело, что продуктов этих хватало ненадолго и при постоянном наплыве гостей все эти финские сервелаты, качественные российские сыры из писательского заказа и многие другие дефицитные продукты долго в холодильнике у Крещенских не задерживались. Вот и теперь все в красивых кузнецовских тарелках легло на стол. Лидка была очень хлебосольной, широкой, гостей принимать любила и ничего из вкусовостей никогда не утаивала, особенно от родных подруг. Сама не поест, но девочкам на стол поставит. К их приходу готовилась, продумывала, чем порадовать, повод-то теперь был вон какой, редкий в

жизни! Но и не забывала заодно слегка пофорсить перед ними, похвастаться зятем и его возможностями – да, водился за Лидкой такой грешок, но в меру и, скорее, от большой любви к Робочке. Ей хотелось, чтобы все его любили так сильно, как она. А его и так любили.

За столом началась суета, еда быстро разошлась по тарелкам, крещенка по рюмкам.

– Дай бог, чтоб мальчик оказался добрым и порядочным, а то всякое бывает – сверху мило, снизу гнило. Я-то по себе знаю, что самое сильное чувство – разочарование. После него вакуум. – Веточка даже привстала, чтобы обратить внимание на свои слова, и подняла наполненную до краев рюмку. Ее легкая вуалька на лбу – да-да, она все еще носила вуальки! – от напряжения задрожала. Она слегка откинула ее подальше на аккуратно прилизанные волосы и подняла рюмку еще выше, отклячив мизинчик. – За любовь! Всеобщая любовь не нужна. Пусть любит пара хороших людей, этого вполне достаточно для счастья. И за то, чтобы девочка наша получала удовольствие от жизни, в этом и есть смысл, в удовольствии. – Принц открыл было рот, чтобы возразить, ведь смысл жизни он видел совсем в другом, но Веточка жестом ловко его остановила и продолжила: – Когда люди не могут радоваться жизни, они черт-те что себе придумывают, отсюда все беды, войны и революции. В общем, за то, чтоб у Катюши в жизни случилось головокружительное счастье! Ведь люди расцветают только от любви, других причин нет.

– Да ладно, Ветка, кого мы обманываем! – залпом, не поморщившись, махнул рюмку Принц и тут же потупился. – Счастье счастьем, но как вот так просто этому пацаненку отдать наше сокровище? Что он может ей дать? Ну молодой, ну высокий, ну пока еще красивый, ну тоже в МГИМО учится, а дальше-то что? От него и сейчас и потом проку как с мухи меду. Чем он так уж ее заинтересовал, девки, чем он так покорила, ну сами задайте себе этот вопрос! Вот футлярчик поизносится, тогда и посмотрим! – Принц Анатолий озабоченно пошевелил остатки прически. – Когда заманиваешь людей только тем, что между ног, они долго не задерживаются. Вот и Катюня с ним всю жизнь не проживет, попомните мои слова. И вообще, у меня аж глаза выпали, кода я услышал, что они надумали жениться! Надо было подождать, вот придет время...

– Все думают, что время придет, а оно только уходит... – перебила его Веточка. – Да я и сама понимаю, что дети они, как есть дети, но что ж делать? Что ты так взбеленился? Пусть живут, раз уж все решили. – Романтичная Веточка была категорически за любовь.

– Что значит – пусть живут? А последствия? А квартира? – Принц Анатолий мгновенно вспотел. – Вот укусит он ее своим яйцекладущим хоботком и будет себе ходить гоголем по вашей жилплощади! Знаем мы таких, бля, не первый день живем!

– Толя, прекрати, ты всех по себе меришь! – Лидка сдвинула брови близко и опасно, брови у женщин в этой семье были очень говорящие. – У тебя, похоже, уши не работают! Все, решение принято, свадьба на носу, а ты все о своем талдычишь: надо – не надо! Сколько можно! Все, что много, то плохо! Надо и точка! И прекрати материться, Лиска может услышать! – Она хлестнула полотенцем по спинке стула в критической близости от бывшего мужа.

– Русская речь без мата – как борщ без томата! Он необходим для связки и по смыслу! Я вас просто предостерегаю! Вы сейчас рады-счастливы незнамо как, словно залежалый товар отдаете и девочка у нас косая, хромая и кривобокая! Ей всего-то восемнадцать! Только школу, можно сказать, закончила! Пообтесалась бы, опыту набралась, так нет, отдают первому встречному! Вот тебе бог, а вот и порог! Словно избавиться хотите! А она, между прочим, не в курином помете найдена! Вон из какой семьи!

– Так! Это была не дискуссия, а тост! – приподняла голос Лидка. – Не зудит! Сколько раз тебе говорить: не люблю назойливых, люблю настойчивых! Грань тонкая – эффект разный. А то, что это может зваться любовью, тебе не приходило в голову? Ты с подобным чувством ни разу не встречался? Ты со мной тоже из-за жилплощади жил? – Лидка понимала, что сейчас разговаривала совсем не с тем Анатолием, который много десятков лет назад высмотрел ее из своей оркестровой ямы, когда она танцевала. Даже не высмотрел, а добился, отбил от кучи поклонников, увел, покорив и красотой, и добрым нравом, и обаянием почти детской наивности и вечной восторженности. От того Анатолия не осталось ничего, кроме имени в паспорте, да и то подруги его уже давно переименовали. Желчный, жадный, язвительный, по-тупому упертый, он, как Плюшкин, только и знал, что всех вокруг подначивать, попивать портвейн, сально шутить и поигрывать своими ключами,

прицепленными к поясу, и от этого глухо позвякивать при каждом движении. Да, теперь он был таким. Но в семье Крещенских его жалели, его хранили и оберегали, как давно полученное письмецо или хоть и ненужный, но – пусть будет! – документик, припрятанный в шкатулочке наряду с семейными фотографиями, телеграммами и записочками, эдакий архив, который уже точно никогда не пригодится, но и выкинуть рука не поднимается, все-таки напоминание о молодости.

Принц, он же Принц Мудило, он же Анатолий, он же Маразм Крепчалов, активно заерзал, жалобно поскрипывая стулом, словно собирался угнездиться тут на ночь, ища удобное положение. Потом молча, не дожидаясь следующего тоста, махнул рюмашку, жутко поморщился, словно до этого вообще никогда не пил. Он никак не мог уяснить себе, почему Лидка перестала его понимать, такого нежного и впечатлительного человека, да и не только она, все, абсолютно все записали его чуть ли не во врага, в негодяя, наглеца и отщепенца, который не хочет счастья любимой девочке! Почему весь мир ополчился против?

– А я бы все-таки подождал! – снова ляпнул Принц, словно этим невыносимым занудством мог хоть как-то повлиять на то, будет свадьба или нет. Лидка уже закипала:

– Помолчи! Это в твоих интересах! Хоть извилин, в принципе, и не видно, но когда их нет – это очень заметно, – покачала она головой. – Что ж ты никак не угомонишься? Заняться, видно, совсем нечем... Нашел бы себе, что ли, какую-нибудь хорошую женщину в подъезде, соседку, сходил бы с ней в театр или в кино, развеялся бы...

Принц Анатолий удивленно на нее посмотрел:

– Нет, Лидка, только ты! Хотя еще совсем недавно, когда буйная плоть рвалась наружу и телеса требовали утех, я бы с всенепременным удовольствием... И все так легко давалось... Предложишь даме водочки, минут через десять водочка доходит до ее сердца – и все, и она уже не хозяйка своего тела, – Принц мечтательно зачмокал. – А сейчас и женщины какие-то не те стали, твоего, Лидка, уровня точно нет, где ловить-то... Квельый таз, усталый глаз, ни вашим ни нашим. Тут искать – не сыщешь. Был недавно у нас в театре, фортепиано им правил, расстроенное, как я по утрам, – так совсем не узнал окрестностей! За кулисами тишина, темень, мышей – и тех не слышно. А в наше золотое

время да в каждой гримерке радостно еб...сь. – Принц заулыбался во все свои оставшиеся зубы, а Лидка тотчас его остановила:

– За помелом-то своим следи! У меня дети, между прочим! Ты как клоп вонючий в малине – не видно его, уже давно уполз, а ягоду хорошую испортил!

– Не сравнивай и несравниваемой будешь! Ну уж, извини, из песни слов не выкинешь! И потом, мы, музыканты, мы должны быть слегка невыносимы. – Принц посмотрел на Лидку с любовью, он почти никогда на нее не обижался. – У всех свои воспоминания... Как тут по-другому скажешь? Так вот, было в этом что-то восторженно-драматическое. Торжество жизни, можно сказать! А сейчас просто не узнаю людей, вот совсем не узнаю... Ну да ладно... И должен, к своему огромному сожалению, признать, что женщина не доставляет мне уже такой радости, как еда. – Принц по-жеребиному заржал. – Ты же готовишь так, как никому не снилось! Твое кисло-сладкое мясо нельзя есть... – Тут он сделал долгую театральную паузу. – На него можно только молиться!

Комплимент Лидка приняла снисходительно, хоть и благосклонно. Что и говорить, любая женщина в ее возрасте на комплименты отзывалась с благодарностью, тем более такая чувствительная, как Лидка. Но спуску бывшему давать нельзя: заболтает, замучает советами, сядет на шею и свесит ножки, знаем, проходили, и потом на место водрузить будет очень сложно. И Лидка, слегка улыбаясь, но при этом говоряще вздыбив брови, размышляла о том, как же Анатолий смог все-таки до такой степени растерять стороннее восприятие себя, как же он не понимает это свое глупое и раздражающее занудство. Смотрела на него и ловила себя на мысли, что давно перестала бы его приглашать, если бы не Алена с Катюлей, прикипевшие с детства к этому странному, нелепому человеку, так и не ставшему ей родным. Но что делать, надо донашивать, куда ж его теперь девать... Хотя хотелось бы, конечно, удержать его в своей памяти в совершенно ином, не опошленном солдафонским напором образе. Простить его было можно, но обнять уже не получилось бы. А вслух не сдержалась и сказала:

– Выпей ты еще одну рюмку и успокойся, или я сама тебя приструню, ты меня знаешь!

Но Принц в ответ лишь хохотнул, вспомнив, видимо, каковы были те молодые «приструнки», и, снова не ожидая тоста, ливанул себе

теперь уже портвейна и залпом выпил. На этом и закончили. Девочки вокруг взбодрились, засуетились, зазвенели бокалами, вздохнув наконец, что перебрех между Лидкой и Маразмом закончился вполне бескровно.

– Правильно дечи челают, – набив рот пирожным, невнятно прошамкала Тяпа. – Если до двадцати лет не женишься, то потом уже вшегда рано.

– Ты проглоти сначала, а то у тебя полный рот дикции, – съязвил Принц, снова не удержавшись.

Тяпочка зыркнула на него произвольно подведенными глазами, но промолчала, не ответила, главное она сказала. Секунду продержала паузу, но вдруг вспомнила важное:

– Кстати, совсем забыла рассказать, встретила тут недавно на променаде в Колонном зале жену директора Елисеевского магазина, не помню, как ее зовут, имя такое редкое, не выговоришь, так у нее в каждом ухе по «Волге», если не по «Чайке»! Вот зачем так супруга подставлять? У нее не то что камни – булыжники висят! Прямо музейные бриллианты! Если б у кого другого увидела – точно решила б, что бижутерия.

Веточка, как всегда, закатила глазки, представляя, какого размера должны были быть камни, чтобы так Тяпочку удивить. Но тут Лидка поднесла на стол только что бережно и тонко нарезанный сыр, голландский, дефицитный, из писательского заказа, и девочки сразу же опустошили тарелку, Лидка даже не успела присесть. В кухне было накурено, душно, но Веточка попросила окно не открывать, сквозняков она боялась больше всего на свете. А Надька Новенькая все равно продолжала пыхать приклеенной к губе беломориной, разве что начала с каждым пыхом махать костлявой рукой, чтобы равномерно, как ей казалось, распределить едкий дым по комнате.

– Ох, девки, – Лидка подняла рюмку крещенки, – за вас! Это такое счастье, когда есть кого пригласить и к кому прийти! Вы себе не представляете! Люблю вас! – И залпом махнула неизвестно какую по счету рюмку. Но кто ж считал?

Девочки закивали.

– А я бы все равно... – хотел продолжить Анатолий, но Лидка не дала:

– Толя, неужели ты не понимаешь?! Никому уже звезды не перетасовать. Сколько можно говорить одно и то же? Ты просто открываешь рот и произносишь слова, не думая? Тебе именно это доставляет удовольствие? Звук? Это же какая-то вечная звенящая чепуха! Ну хорошо, тогда пойдешь скажи Кате, что свадьбу мы переносим лет на пять, иди скажи! Давай, тебе станет наконец легче? Ты начинаешь впадать в какой-то водевильный идиотизм! – И Лидка приняла решение заткнуть Принца единственно понятным ему доводом: – Ты ж у нас товарищ бережливый и понимаешь, что даже если мы сейчас по твоему высочайшему повелению и отменим свадьбу, то пропадут все деньги на банкет! А это... – Лидка подошла к нему и что-то шепнула на ухо.

Анатолий с ходу изменился в лице и даже присвистнул:

– Да я за такие деньги наждак зубами остановлю! – произнес он, взъерошив лысину с тремя волосинами и от негодования отчаянно щелкнув коленками. – Пусть женятся деточки, пусть женятся, ты меня убедила. – Потом звонко хлопнул себя по лбу и крикнул елеиным голоском: – Катю-ю-юня, девочка моя, иди за очередным подарочком! – И активно стал рыться во внутреннем кармане пиджака.

Катя подошла к Принцу, уже догадываясь, что сейчас будет.

– Опля! – по-цирковому зычно вскрикнул Принц, торжественно достал из кармана билетик мгновенной лотереи «Спринт» и вручил Кате. Он считал, что это лучший подарок – сразу проверять свою судьбу. Хотя и «Спортлото» он тоже обожал, но там процесс был долгим и муторным – пока придумаешь цифры, пока пошлешь по почте, пока дождешься результатов – полжизни пройдет! А тут – раз, вскрыл билет – и все сразу ясно. Говорили, что один такой рублевый билетик прятал волшебный выигрыш – автомобиль «Волгу»! На это, конечно, расчетов особых не было, но пятерку или даже четвертной вполне реально было выиграть. Кате он приносил эти спринтовские лотерейные билетики всякий раз, когда появлялся в квартире на Горького – а это случалось довольно часто, – вместо конфеток: по цене почти одно и то же, а все ж полезней, был уверен Принц.

– Ну давай, давай, открывай! – подгонял, как всегда в этот ответственный момент, Принц Катю. – Ну, что там?

– Билет без выигрыша... – с разочарованием прочитала она.

– Ну и ничего, значит, в следующем будет сюрприз! – обещающе улыбнулся Принц. Он был все-таки неуязвимым оптимистом. Особенно когда речь шла о деньгах.

Погуляв и пошумев на кухне – Лидка всегда сначала всех кормила, – нарядные и румяные от водки «девочки» заставили Катю надеть обескураживающе прекрасное свадебное платье и поставили ее в самой большой комнате перед самым большим зеркалом, обступив со всех сторон. Надька нервно и чаще, чем надо, пыхала сигареткой, восторженная сдобная Тяпочка блаженно улыбалась, сжимая на груди пухлые ладошки, Веточка, которая Иветта, тонкой, обтянутой перчаткой кистью тайком подтирала слезу, а Олька качала головой, как пожилой и потрескавшийся от времени китайский болванчик. У Анатолия, конечно же, царапало сердце, когда он смотрел на эту хрупкую девочку в невесомой белой фате. Волнение свое он старался теперь уже не показывать, но выдавал себя тем, что темпераментно разглаживал жидкие волосья, словно старался раз и навсегда намертво приклеить их к блестящей, можно сказать, ослепительной лысине. И щерился, словно собирался рассказать очередной сальный анекдот. Но внутри был безумно горд, будто не только сам лично родил и взрастил Катерину, что и было отчасти правдой, но и сшил ей это роскошное свадебное платье. Типа, я все и так знаю, а вы себе думайте, что хотите.

– Да-а-а-а, девочка моя, не успели оглянуться, как ты уже невеста! А помнишь, как мы с тобой на Калининском цветочки для букетиков делали и ты провод из стенки ножницами резанула? Такой был перепуг! – Оля театрально схватилась за сердце и закинула взгляд на потолок.

– Еще бы, я до сих пор электричества боюсь, – зачем-то улыбнулась Катя.

– Да ладно вам, – вмешалась толстушка Тяпочка, время от времени встряхивая буклированной головой, – при чем тут электричество? Вы мне мешаете впечатляться! Лучше посмотрите на нашу девочку! Такая красивая, глаза болят смотреть! А эти огромные цветки! – Она провела по ним рукой, а потом пощекотала опушку пончо. – А какой пух! Словно знали, что это для нашего дорогого цыпленочка! – Тут Тяпочка всхлипнула. – Я бы на свой вкус еще битых елочных игрушек по низу понаклеила, серебряных только. Представляете, она идет павой, а внизу поблескивает...

– Господи, Тяпка, ну ты в своем уме? Французское платье елочными игрушками украшать! Может, вместо фаты еще пятиконечную звезду водрузить и гирляндами украсить? – Лидка вывалила на нее глаза. – Да это платье – эталон вкуса! Даже не начинай!

Катя улыбнулась, представив себя в образе рождественской елки, и крутанулась вокруг своей оси, чтобы показать платье во всей красе и взбодрить опушку, которую Тяпочка предложила утяжелить сверкающими битыми игрушками. И пока шло горячее обсуждение увиденного, Лидка решила отлучиться на кухню, чтобы быстренько накрыть чай.

– Что бы вы там ни говорили, но я против таких ранних браков, и, если б меня спросили, я б не позволил, – Анатолий решил теперь уже Кате вставить свое веское слово. – Жизни совсем не знаете, напортачите еще чего-нибудь. Зачем так спешить? Спешить надо медленно и вдумчиво.

– Да нет, Катюня, не слушай Принца, ты все правильно делаешь, – подняла худую длань Веточка. – Любовь, она затмевает все, когда любишь – становишься таким богатым... Поэтому не отказывай себе в любви. Соединись, попробуй, не получится – накопишь опыт. Я тебе просто эскизно говорю. Я, например, в свое время мужа на вырост взяла, и что ты думаешь, лет через двадцать он стал мне впору!

– А потом тебя перерос и ушел к твоей маме! Ты вот это здесь рассказываешь на полном серьезе? Ничем не рискуя? Нет, ты мне начинаешь все больше и больше нравиться, хотя больше уже некуда. Нашла, какой пример ребенку приводить, стыдобища, постеснялась бы! – Надька всегда это зачем-то припоминала Ветке, с радостью идя на конфликт, хотя лично ее, Ветку, очень даже любила. Но эта их сверхстранная семейная ситуация «а-ля труа» не давала ей покоя и каждый раз выводила из себя, несмотря на то что времени с тех пор прошло порядочно. Ее лично это очень обижало. Она зачем-то переводила эту ситуацию лично на себя, представляя в красках, как ее родной муж, с нерусским именем Эльтон, переезжает из их просторной комнаты с балконом в маленькую спальню ее собственной мамы Раисы Марковны (по коридору налево, около кухни), туда, где настойчиво пахнет валерианой. Там он аккуратно, чтоб не расплескать, отодвигает ногой ночной горшок, пробирается к кровати, залезает к маме под

бочок и долго роется в ее длинной фланелевой ночной рубашке в цветочек и с рюшами, так, собственно, ничего и не найдя. Мысли эти не давали ей покоя, и слава богу, что ни муж, ни совсем древняя мама об этих неловких эротических фантазиях даже не подозревали. Надька громко фыркнула и зачем-то объявила во всеуслышание:

– Пойду лучше челочку начешу, с тобой просто невозможно!

В комнату, как королева-мать, вернее, королева-бабушка, чинно и торжественно вернулась Лидка. Все разговоры о Веточкиной семье были сразу прерваны: Лидка Веточку защищала и не допускала обсуждения ее сложной личной жизни. Так уж у нее получилось, что поделаешь. Веточка безмерно и одинаково крепко любила и мужа, и маму и препятствовать их счастью не хотела, всегда повторяя как заклинание: «Главное, чтоб они были счастливы». Пусть даже ценой своего собственного счастья.

– Все, повосхищались – и хватит, чай на столе! И не только чай! Ну, девки, как вам моя козочка?

Козочка все красовалась перед зеркалом, она никак не могла привыкнуть к такому совершенно новому своему отражению, к длинному белому платью, фате, которая покрывала ее с головы до пят, хотя на самом деле тряпочка эта очень была похожа на тюлевые занавески из кухни. Если их, конечно, хорошенько отстирать, отбелить и крахмалить. А платью ни на что не было похоже. Сказка, просто сказка. В общем, настоящая невеста, восемнадцать лет, а уже невеста...

– А вы заметили, что платью село как влитое! Ничего и прибирать не надо, ни длину, ни в талии, блеск! Хорошее улучшать – только портить! Словно на тебя шили! – Лидка тоже в который раз любовалась внучкой, и на ее глаза снова и снова наворачивались слезы... За что ж так хорошо, думала она. И почему тогда плачется, если хорошо? Что такое в душе от радости происходит, что она начинает подтекать? Какие такие механизмы включаются?..

– Худенькая только невестушка наша, надо бы хоть пару килограммчиков поднабрать, чтоб детишек рожать легче было. – Оля, разметав фату и приподняв пончо, добралась до Катинной талии и почти сомкнула на ней пальцы. – Вон, совсем тростинка! Ты ж детишек хочешь?

– Ну, Оля, ну перестань! – Со взрослыми Кате неловко было обсуждать эти темы, с Ирккой – сколько угодно, а вот со взрослыми...

Катя даже разругалась больше обычного.

– И помни, мышка моя, жена в семье главная! А если муж думает, что он все решает, значит, она еще и умная. Проверено на себе!

– Так, хватит! – прикрикнула на подруг Лидка. – Вы совсем мне девочку взбунтовали! Иди, козочка, переодевайся – и за стол!

Катя развернулась и начала свой долгий путь из комнаты, уже и скрылась из виду, но фата все тащилась и тащилась, подбирая по полу черную собачью шерсть.

Свадьба

Так дети и поженились. На свадьбу решили пригласить гостей приблизительно по тому же списку, что и на день рождения Роберта, ну и, конечно же, десяток Катиных подруг. Еще почти столько, около ста гостей, со стороны жениха, и в результате получилось двести с маленьким хвостиком. Но чем ближе дело шло к свадьбе, тем быстрее рос список гостей, увеличивался прямо на глазах, как дрожжевое тесто, уже и места на листке не хватало, приходилось вписывать новые фамилии на полях, вбок, вкривь и вкось – ой, забыли врача, ах, надо позвать родственников, которые специально приехали из Саратова, ну и что, что без приглашения, ух ты, мы совсем забыли про соседей с Калининского... и с Кутузовского... и с Поварской... Так и набралось двести пятьдесят человек, которые еле влезли в ужатый после долгих баталий список.

Принц Анатолий гордился этим списком, словно медалью, и каждый раз, приходя, читал его на все лады с выражением и пафосом, словно объявлял важные фамилии со сцены Колонного зала Дома Союзов, а цифру 2 озвучивал как «на две персоны»:

Давид Коб – 2,
Мамед Муслимов – 2,
Арно Бабаджан – 2,
Майя Кристаллическая – 2,
Оскар Фельдман – 2,
Марк Фридкин – 2,
Александра Хомутова – 2,
Леонид Ларошель – 2,
Эдита Пиеха – 2.

– Н-да-а-а-а, ну это просто самые что ни на есть сливки всей мосмешпухи, каждое имя – подарок! – говорил он мечтательно, мысленно приобщаясь к каждому обладателю прочитанных фамилий. – А от Пиехи я просто млею, такая красивая, что глаза болят на нее смотреть...

Принц свыкся наконец с неизбежностью свадьбы, уже потом, когда выбрали ресторан и Лидка выдала ему секретные сведения, во что это торжество обойдется – пять! тысяч! рублей! «Пять тысяч! Да на эти деньги можно целый “Москвич” купить! А их практически в унитаз сольют», – все равно негодовал Принц, ну хоть уже мысленно, про себя, не на публику.

Место для свадьбы выбирали действительно долго. Дома точно отпадало – такую тучу приглашенных ни одна квартира не выдержала бы, на даче тоже никак нельзя, потому что ноябрь и непогода, а столько гостей вместила бы только лужайка перед домом и только летом. Подумывали, конечно, о ресторане ЦДЛ, там было бы очень просто все устроить, но Алена решила, что все-таки нет, там набежит куча нетрезвых классиков с криками «Горько!», им лишь бы выпить, а повод всегда найдется. Ресторан Союза композиторов тоже не годился – катастрофически мал. Во всех других местах необходим был блат, в первую очередь для того, чтобы хотя бы немного сэкономить и принести, если, конечно, разрешат, часть своего алкоголя. И вот наконец родители жениха и невесты приняли решение, уже не подлежащие изменению, и даже для верности внесли пополам задаток, чтобы снять под свадьбу «Зимний сад» – большой и красивый зал в ресторане «Прага» – со сценой и с фонтаном посередине самого сада. Удобно, солидно, в самом центре, да еще и вкусно. Там, несмотря на такое чешское название, была хорошая старая русская кухня с небольшими чешскими вкраплениями.

В общем, определились.

В «Праге», на двести пятьдесят человек.

Свадебное меню решили сделать пафосным, праздничным, богатым, как в таких случаях и положено, ничего не пожалеть: заказали целых пять полутораметровых вареных осетров, три-четыре таза, даже корыта, салата – оливье, сырный, из свежих овощей, что-то еще, много разной нарезки – буженина, сервелаты, ветчины, помимо осетров, еще и рыбные ассорти. Много солений, икра такая и сякая, тарталетки с сыром и чесноком и знаменитые пражские завитки, те самые, Лидкины любимые, – рулетики из ветчины с сыром в желе, которые были только в «Праге». На горячую закуску жульен из шампиньонов и основное блюдо на выбор – бифштекс, котлета по-киевски или судак орли. Вино взяли только грузинское. Водку «Столичную» и «Московскую»,

экспортную, купили в магазине «Березка» – договорились, чтобы была своя, блат все-таки.

Ковалевы - 2	Васильев	223 4 462	Мельник
Резваны - 2	Герасимов	270 5 441	Малышев
Богаревы - 2	Данилов		Кристьянин
Розенман - 2	Давыдов		2 стехника
Серовы - 2	Жилин		2 - Земля
Тарасовы - 2	Жуков		2 - Сахар
Томская (2)	Мельник		(2) Юсупов
Кашевы - 2	Мельник		Кузнецов
Деметровы - 2	Смолов		Сидоров
Ленин (2)	Золотых		Белыев
Князьков - 2	Хорошкин		Канонин - 1
Кавченко	Караганов		Киселев
Суворов	Хорошов		Рудин
Тасмуков	Хорошов		Ковальков
Ташков	Хорошов		105
Ташков	Хорошов		2511581
Ташков	Хорошов		260 03 02, Kachkov
Ташков	Хорошов		260 05 57
Ташков	Хорошов		Something
Ташков	Хорошов		Something
Ташков	Хорошов		inside
Ташков	Хорошов		Kura
Ташков	Хорошов		Kukka
Ташков	Хорошов		Kuka
Ташков	Хорошов		Konimim
Ташков	Хорошов		(110)

Казалось бы, обычный список на день рождения Роберта. Список-то, может, и обычный, но люди... Валентин Катаев, Борис Полевой, Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Тихон Хренников, Андрей Дементьев, Лев Лещенко, Людмила Зыкина, Владимир Шаинский... Культурный слой, так сказать

Сам торжественный день прошел довольно сумбурно и утомительно. Накануне Дементий, сам почти еще ребенок, решил попрощаться со своим детством: собрал свои любимые игрушки – конструктор лего и пистолетик – и отнес их к детям родительских друзей, решив, что вступать в супружескую жизнь с пистолетиком и лего как-то уж совсем неловко. Хотя над этим решением думал долго.

Ну а день свадьбы закрутился с раннего утра. Парикмахерша подопоздала, заставила всех понервничать, наврала про сломавшийся автобус, а на самом деле просто проспала. Потом долго ковырялась, выдумывая какие-то особые свадебные локоны, а в конце концов плюнула и просто сварганила кудрявый пионерский хвост, который превратил Катю совсем уже в девочку. Невестушка особого значения этому не придавала, а Лидка не на шутку расстроилась, и пока мастер завивала ее, она все выговаривала, не могла остановиться: как так можно, с такой, мол, прической я ее всегда в школу провожала, с хвостом-то, ты бы еще бантики нацепила – и под венец! В общем, бухтела, бухтела, но парикмахерша безразлично смотрела на нее снулыми глазами и спокойно проглатывала ее словесный поток.

Оказалось, что регистрация брака – это довольно смешно, и отнеслась Катя к этому совсем по-детски. С другой стороны, 19 лет – возраст на грани, уже не совсем девочка, но еще не совсем женщина

Потом, уже ближе к обеду, когда вся женская половина была наконец основательно причесана, напомажена и приодета, поехали в Грибоедовский ЗАГС, причем все, и жених с невестой, и родители с той и с другой стороны, оказались абсолютно не в курсе, что за этот важный государственный акт полагается заплатить целых три рубля. Ну ни у кого и копейки не нашлось, честно. Все нарядились в новое и красивое, денег с собой никто не взял. У Дементия даже карманы на праздничном костюме не успели распороть, а уж деньги туда положить никто бы и не додумался.

Самым зажиточным оказался шафер – Давид Коб. У Дементия свидетелем стал его лучший друг, Арам, а вопрос с шафером для Кати долго оставался открытым. Катя никак не могла определиться. Она, конечно, хотела Ирку, но та опять куда-то уехала, запропастилась, растворилась в какой-то очередной экспедиции, к телефону, естественно, не подходила, и рассчитывать на нее как на свидетеля на свадьбе было бы опасно. Вот и решили предложить эту почетную роль шафера Давиду Кобу, который из близкого друга давно уже превратился в родственника. Кто как не он? И таки да, как в результате выяснилось, если бы не он и не его трешник, свадьба, может, и не состоялась бы по причине некредитоспособности.

Расписались достаточно быстро, процедура была четко отлажена по времени и ритуалу. Под вялые и местами нестройные звуки пенсионного квартетика, повторяющего с утра до вечера один и тот же марш старика Мендельсона, Катя с Дементием вошли в роскошный барский зал, видимо, бывший бальный – сквозной, можно сказать, навывлет, с высоченными резными потолками и окнами до самого пола. Его надо было пройти насквозь, от входа до стола, у которого, плотоядно улыбаясь красными губами, стояла тетка с высоченной согласно важности момента, пышной халой на голове. Через всю тетку, наискосок, шла, как государственная граница, широкая красная лента, которая отделяла ее нижнюю, устойчивую часть от верхней, колышущейся. Издалека эта мощная регистраторша напоминала красногубого кентавра или, скорее, кентавриху. Ног ее видно не было, их загораживал стол, ножки которого были длинны и стройны, как у заправского скакуна. Может, эта ассоциация не пришла бы в голову, если бы не кустик традесканции в горшке, который стоял с другой от

тети стороны стола и отчаянно напоминал лошадиный хвост! Катя залюбовалась, заулыбалась, ей показалось, что тетя с лентой вот-вот победно заржет и сделает круг по залу! Выглядело это очень наглядно и убедительно. Кате всегда нравились несурзные ситуации, а несурзнее этого мало чего можно было придумать. Но, увы, женщина-кентавр с лентой на необъятной груди не поскакала, а осталась непоколебимо стоять, поджидая, пока молодые подойдут поближе. И вот, довольно кивнув и подняв со стола тяжеленную книгу записей, она принялась заученно и нудно рассказывать о новой ячейке общества, о светлом пути, на который робко вступают в данный момент ее члены. Но, пообещала она, поддернув ленту на груди, потом он, путь этот, превратится в широкую дорогу, которая семимильными шагами, под неустанным руководством партии Ленина приведет молодую семью к коммунизму, и для убедительности подняла палец вверх, показывая, видимо, где он, коммунизм этот, находится географически. Кровавая улыбка полыхала на ее лице, занимая добрую его половину, казалось, она по-настоящему верила в то, что говорила.

– В добрый час, – защурилась она и почти заворковала, – вы подали друг другу руки и теперь под мирным небом родины идете вместе в грядущее. – Тут слегка запнулась, перевела дыхание, интонация ее поменялась, и она довольно грозно заметила, чуть подняв голос (что, видимо, требовалось по сценарию): – Вы, дети нашего народа, его надежда и будущее, сегодня вступаете в брачный союз! – На слове «брачный» она сделала ударение и зыркнула на Дементия. – В прошлом остаются годы юности, – нагло врала она восемнадцатилетним детям, – а впереди – ответственная пора семейной жизни. – Тут женщина-кентавр приосанилась, и загарцевала, как химичка в страшном сне: – Исполняя высокий общественный долг, как представитель Советского государства прошу ответить, готовы ли вы, Екатерина, всю жизнь быть верным другом Дементия?

Катя внутренне смеяться не переставала, но вопрос про верного друга Дементия выплеснул ее смех наружу, она громко хохотнула, взглянув на жениха, который тоже уже плоховато сдерживался. Они оба в голос засмеялись, но важная государственная дама решила им на это не пенять – что с них, детей, взять, – а для проформы задала тот же вопрос жениху. Верный друг Екатерины Дементий сдавленно произнес

«да». Дети подошли еще ближе к кентавру и расписались в книге, лежащей на его торсе.

Фамилию Катя не поменяла. Как была Екатериной Крещенской, так и осталась.

Так сквозь смех и стали официально мужем и женой.

После Грибоедовского решено было ехать к церкви на Никитской, где венчался Пушкин с Натали. Совершенно спонтанно, без особых раздумий. День был промозглый, ветреный, длинное французское платье Кати и так уже намочило от ноябрьского колючего снега, веночек из флердоранжа тепло совершенно не сохранял, а узкие лаковые туфли жениха отчаянно скользили – через всю Манежную площадь до могилы Неизвестного солдата в полуодетом и абсолютно не предназначенном для такой погоды виде просто бы не дошли. Тем не менее ритуал надо как-никак было соблюсти, куда-то цветы возложить, вот и отправились к месту венчания великого поэта, туда хоть можно было удобно подъехать. Но делать у Пушкинского храма было совершенно нечего, тем более что на дверях его висел огромный амбарный замок. Катя с Дементием, уж коли приехали, все-таки вышли из машины, постояли для вида на сильном ветру, поежились от холода, пофотографировались чуток, посмотрели на купола и бегом обратно в теплый салон – спрятаться от холода и уехать в ресторан, хоть и было еще достаточно рано.

Как только вошли в ресторан, их скрыли от людских глаз в огромном кабинете директора. Директор держался довольно нейтрально, важно и делово, но оказался вполне понятливым. Посадил замерзших детей около огромного аквариума с рыбками, попросил принести какие-нибудь бутерброды, с осетриной и копченой колбасой, и, главное, горячий чай с лимоном, чтоб отогрелись. И правильно сделал, надо было угостить, прямо как знал, что глядеть на аквариумную воду жениху с невестой предстоит еще часа три, если не больше, в ожидании, пока все гости соберутся. Дементий, поев, покрасовался у огромного зеркала, все время поправляя новую, подаренную Давидом Кобом бархатную темно-синюю бабочку со спрятанными стразами на перешеечке. Спрятанными, потому что эстрадные стразы эти Лидка сразу закомуфлировала кусочком бархата – молод еще был жених для такого великолепия. В общем, подустав от ожидания, Дементий залег прямо в свадебном костюме на

директорский диван и закемарил, а Катя, аккуратно расправив платье, замороженно уставилась на мелькающих золотых рыбок, бессмысленно снующих туда-сюда. Рыбок, мокрых, холодных, скользких и тупых, она не любила, но сейчас они ее успокаивали. Тоже бы не заснуть, подумала она.

Наконец настала счастливая минута, когда жениха с невестой освободили, можно сказать, выпустили из заточения. Всех собравшихся гостей, а их пришло немало, выстроили по бокам длинной лестницы, ведущей от кабинета директора вниз, в зал, и жениху с невестой – или они уже считались мужем и женой? – пришлось идти как сквозь строй. Катя почти бежала, наступая на лепестки роз, господи, как она мечтала, чтобы все это поскорее закончилось. Внизу лестницы молодые разбились по бокалу – на счастье – и потом весь вечер громко цокали осколками, которые впивались в подошвы. Пока торжественно шли к свадебному столу, к Дементию, новоиспеченному мужу, подошел в стельку пьяный метрдотель – как это директор такое допустил! – и сказал, что если его не угостить бутылкой водки в качестве, так сказать, подношения, как божеству, то жизнь у молодых может не сложиться, он неоднократно этот феномен проверял. «Я бы сам взял, – невнятно, но честно признался он, – но это ж не мое, вы сами должны подарить». Дементий кивнул, проблем в семье с самого начала ему не хотелось, и он со знанием дела показал на стол, где стояли бутылки. Метрдотель воссиял, азартно схватил одну и сунул ее в карман почему-то горлышком вниз. Поблагодарил, присев в смешном книксене, и нетвердо пошел вон, оставляя за собой неровный след водки, которая сочилась из открытого горлышка через весь его организм. Ведь, чтобы водку не своровали, знающие люди порекомендовали Крещенским свинтить все крышечки от бутылок.

На свадьбе у детей, 1976 год

Свадьба гулялась долго и по всем законам – среди приглашенных был один бравый боевой генерал и беременная – к плодородию и карьере. Беременной, кстати, была Неля, жена певца Давида Коба, ребенок должен был родиться вот-вот. Драки, правда, как на правильной свадьбе положено, не случилось, ее заменили буйные танцы, в результате которых один из гостей со стороны жениха упал в фонтанчик и некоторое время молча и невозмутимо лежал там, глядя на всех вполне довольными кафельно-голубыми глазками. Видно было, что ему там нравится. Когда вытаскивали, начал сопротивляться.

Шикарный концерт, спонтанно устроенный самими гостями, – а как иначе, если шафер сам Давид Коб и все остальные рангом не ниже, – длился до самой полуночи, когда молодые уже покинули свадебное пиршество. Лучшим тостом на свадьбе стал тост жениха. «Спасибо, – сказал мальчик, – маме и папе за то, что они наконец

разрешили мне жениться». Алла с Робертом долго смеялись, а мама и папа Дементия трогательно прослезились.

Через пару дней, разобрав горы странных подарков (самым необычным стал «сервиз для семейных драм», который подарил врач с необычной специальностью – психолог, но в основном почему-то надарили стаканов всех мастей и разноцветных колючих клетчатых пледов), молодые отправились в неудачное свадебное путешествие. Неудачное. Не доехали даже до аэропорта. По дороге начался сильнейший снегопад, почти ураган, машины встали, застряв в сугробах, и даже когда небо прояснилось и погода стала летной, столько снега было насыпано на дороге, что до аэропорта так и не добрались. Поездку отменили. Решили отложить путешествие в Таллин «на пропотом».

Хорошие новости

Квартира Крещенских опустела – птичка вылетела из гнезда. Пока ждали заселения в новый кооперативный дом на «Аэропорте», молодым сняли на время жилье в далеком далеке – аж на Мосфильмовской, в одном из первых, недавно построенных круглых домов. Хотели этими кругляшами разнообразить вид Москвы, не все ж советскому человеку в хрущевках жить! Их, таких круглых, планировали к Олимпиаде возвести ровно пять штук, по количеству олимпийских колец, но идею эту быстро похерили – жильцы жаловались на неудобства, дом трещал по швам, мебель отъезжала от стен, ни один косяк не был ровным, все было решительно перекошено. Вся мебель в квартире отстояла от стен довольно далеко, вид был неуютный, выпирающий, какой-то недоделанный и временный. А все почему? Правильно! Круглый дом – и ни одного прямого угла в комнатах. В этом доме вообще не было ничего прямого! Характерным звуком в доме был ежедневный грохот передвигаемой мебели – соседи старались обнаружить более или менее прямые отрезки в стенах.

А еще казалось, что архитектор, задумывая эти нежилые колеса, выискивал самую сильную в Москве розу ветров, чтобы поместить эту домину прямо в ее центре. Дом был как магический круг с многочисленными арками, войдя в одну из которых ты уже не был уверен, дойдешь ли невредимым до своего подъезда или тебя на жуткой скорости вынесет из противоположной арки на пустырь. Особенно страшно было зимой, когда лед... – та еще картина. Помимо этого, молодец-архитектор решил собирать звуки и голоса в этом его детище – если один ребенок тихо, почти шепотом звал маму на детской площадке, то звук его лепета летел, подхваченный силой ветра, бился, как пинпонгов шарик, о круглые стены и долетал до каждого окошка диким великанским голосищем! Лай собак, веселые пьяные песни, старушечьи сплетни и даже шепот влюбленных – все это собиралось со всего двора именно в твои уши, и тебе никогда не удавалось побыть у себя в квартире в одиночестве, голоса преследовали повсюду. Да, звуки в том круглом дворе отзывались таким оглушительным эхом, что хоть уши ватой затыкай, шумовой фон шел постоянно. Ко всему прочему, до центра добираться было слишком сложно и долго: дом стоял на отшибе,

автобуса не дождешься, заледенеешь или сжаришься, а до метро сорок минут пешком, куда это годится? Но решение с арендой все равно приняли верное – надо было детям приглядеться друг к другу, как-то притереться в быту, хозяйство начать, а как иначе. А остались бы на Горького, Лидка и взяла бы на себя обслуживание еще и «детешек», зачем это в ее-то возрасте?

Пожили Катя с Дементием в круглом доме совсем недолго, вскоре подоспел свеженький, выцыганенный Робертом писательский кооператив, свой, двухкомнатный, в районе метро «Аэропорт». Добротный такой район, изначально заселенный писателями всех званий и мастей, от Симонова до Галича, с литфондовской поликлиникой, ателье и своим детским садом. До детского сада было, конечно, еще далеко, не в географическом, конечно, а в сугубо моральном плане – Катя детей очень хотела, но не срочно, в принципе, года через два, может, и тогда пожалуйста. А еще лучше после института. Так, во всяком случае, ее все уговаривали, да и она понимала, что это правильно.

Но подождать два года не получилось, Катя забеременела почти сразу. Муж отреагировал радостно и бурно, но быстро сдулся и оказался растерянным и ошеломленным. Родители и Лидка мгновенно засияли, но восприняли эту новость как и не новость вовсе, а как закономерное событие, которое обязательно следует через пару месяцев после свадьбы, словно точно знали, что именно сейчас это и должно произойти, так у них и было заранее задумано.

Сама Катерина была ошарашена и не могла понять, как ей быть дальше. Она, несомненно, прекрасно знала, откуда берутся дети, но одно дело – читать об этом в медицинских книжках, а другое – почувствовать интересные изменения в своем собственном теле, те чуть заметные намеки, которые с первых же дней природа начала рассеивать по ее юному организму. С одной стороны, она, как вполне законопослушная девочка, восприняла эту новость как данность – если забеременела, надо рожать, выбора нет, она об этом уже начала задумываться, хоть и сама была еще почти девочкой. С другой – а другая сторона казалась пока более убедительной – инфантильность, детский страх боли и неокрепшая женственность забивали основной природный инстинкт размножения – Кате было страшно и все тут, она не очень-то и понимала, как реагировать, страх пока переполнял ее и

затмевал все остальные чувства. Часто, да что часто, почти ежедневно после института они с Дементием заходили к родителям на Горького – оторваться от семьи целиком и полностью пока не получалось, особенно сейчас. Пока Дементий с Робертом ездили по каким-то важным делам – Дементий в роли водителя, – Катя засаживалась с мамой и бабушкой на кухне, где под бравурные советские песни, доносящиеся из вечно включенной радиоточки, обсуждали насущные женские проблемы.

– Не знаю как-то, мне пока страшно, очень хочу, но боюсь, куда все это сейчас? – Катя села, прижавшись к матери, и та почувствовала мелкую девчонкину дрожь. Лидка от плиты посмотрела на эту сентиментальную картину – мадонну с великовозрастным беременным младенцем – и невольно улыбнулась. Она теперь неосознанно готовила любимые Катюлины блюда, даже в дни, когда ее не было. А уж если знала, что дети зайдут, то часам к трем, к их возвращению из института, все уже стояло на столе – бульончик или постный борщ со сметаной, жареная картошечка, мелко порезанная, соломкой, с куриными котлетками или ее любимые макароны с сыром. Лидка очень по Кате скучала, даже если та приходила ежедневно. Нежность, накопленная за долгую жизнь, требовала постоянного применения, хоть домашние, особенно Лиска, с лихвой ее получали. Она, эта нежность, выплескивалась через край, расплывалась вокруг, каким-то невероятным образом вбрызгивалась в воздух, окружающий Лидку. Ее можно было ощутить, хоть такое и казалось странным. Ни слов никаких не надобилось, ни жестов, только взгляд, бабушкин лучистый взгляд, проникающий в самую душу. Все замечательные качества каким-то невообразимым путем соединились в одной этой женщине, это была настоящая эссенция всего истинно женского, и если можно было бы каким-то волшебным образом Лидку разбавить, то хватило бы еще на сотню богинь. Но именно нежность затмевала все остальные.

– Попривыкнешь, солнышко мое, мыслями успокоишься, еще неделька-другая пройдет – и ты почувствуешь, что уже не сможешь жить без этой крохотульки. Размером с зернышко сейчас, наверное, да? Всего-то ничего, а его уже все любят, прямо пропитано все любовью. И я его люблю. И Дементий. И мама с папой. Даже Лиска. Это самое большое счастье, которое Бог дает. – Лидка, старейшина семьи, стояла над своими птенцами – дочкой, внучкой и еще одной зарождающейся,

неизведанной пока, маленькой, наполненной жизнью точкой, – как орлица в гнезде, закрывая крыльями, оберегая и защищая. – И бояться совсем не стоит, это нестрашно, так задумано природой... – Лидка поцеловала Катю в темечко. – Если б ты знала, как я до сих пор себя корю, что еще штук десять таких, как Аллуся, не нарожала! А ведь были все для этого возможности! Нет, я, видите ли, танцевала! Ума нет – считай, калека! Представляешь, какое счастье бы произошло! Хотя и понимаю: таких, как твоя мать, не бывает и быть не может! Жар-птицы в стаях не летают! – И Лидка чмокнула на этот раз уже Алену.

Алена с улыбкой посмотрела на мать и прислонилась головой к ее груди, другой же рукой провела по длинным дочкиным волосам, стараясь успокоить ее и вселить уверенность.

– Все счастливые женщины проходят через это. Именно счастливые, – сказала она. – Ты представь на секунду, что в семье нет детей... Это же ужасно, это настоящая беда! Я помню, как мы с папкой обрадовались, когда узнали, что ты у меня родишься! Хотя лет мне было, конечно, немногим больше, чем тебе сейчас... И на радостях пошли в кафе и объелись мороженым, отметить так решили, дурачье. У меня потом неделю горло болело, даже голос пропал.

Катя притихла, прильнула к маме, вжалась в нее, чувствуя защиту и опору, слушая ее тихий, чуть хриплый, но уверенный голос, предназначенный только ей одной. Алена все гладила и гладила дочкины волосы, зная, что пуповина, когда-то связывающая их, не обрывается, просто становится длиннее. Она говорила простыми словами, совершенно не поучая, тепло и с присущим ей юмором: и у тебя так будет, Козочка, ничего не бойся, все будет хорошо! Вы еще не раз с Дементием в кафе пойдете праздновать, вот увидишь! Только мороженым не обжирайся!

Пора к профессору Боку

Поход к врачу решили не откладывать, пусть посмотрит, посоветует, научит, как себя вести, нельзя такие вещи пускать на самотек.

Роддом, где работал профессор Бок, находился на Шаболовке, прямо под Шуховской башней, и очень напомнил Кате школу – с такими же широкими лестницами, гардеробом с грозной нянечкой, стенгазетой с расписанием приемных часов, просторными классами-палатами и кабинетом директора. В кабинете директора сидел, конечно же, Бок. Он встретил Катю объятиями и улыбкой, расплывшейся по всему лицу, и завел к себе в обитель, уставленную моделями беременных животов на разных сроках развития и красочными схемами выхода созревшего плода из влагалища. Это была для Кати первая официально-профессиональная встреча, привычнее Бока было видеть тамадой за столом и тем более без белого халата. И конечно же, Катя волновалась: лазить по креслам перед другом своих родителей ей совсем не хотелось. Она чувствовала себя скованной и безумно зажатой, но рассматривала все эти пособия с нескрываемым интересом, ведь здесь еще ни разу не была, а мечта о медицинском все равно теплилась где-то там, глубоко внутри. Именно Бок, кстати, зная про это Катино пристрастие к медицине, до последнего уговаривал ее поступить все-таки в медицинский, а не в престижный, но невнятный МГИМО.

– Ну кем ты оттуда выйдешь? В лучшем случае женой дипломата и уедешь, будешь жить где-нибудь «на Занзибаре, в Калахари и Сахаре, на горе Фернандо-По, где гуляет Гиппо-по по широкой Лимпопо». Так всю жизнь и прокатаешься по чужим углам. Ни кола ни двора, сплошные чемоданы да мечты о спокойной оседлой старости. А врач – это звучит гордо! Это возможности! Это благородство! Это уважение! Это лучшая из профессий!

Катя была, конечно, полностью с этим согласна, но все-таки решила не испытывать судьбу и не пропускать в случае провала целый год. Химию она точно бы не сдала, к гадалке не ходи. А Бок тогда по-настоящему расстроился, узнав про МГИМО.

– Тебе чайку налить? С печеньками! – Бок спросил только так, для проформы, и, не дождавшись ответа, засунул кипяtilьник в большую стеклянную банку, стоящую позади его профессорского кресла на маленьком столике. – О! Совсем забыл! Мне вчера в качестве, так сказать, взятки два пакетика финского морса принесли! Представляешь? Морс в пакетиках! Я еще не пробовал! Давай-ка выпьем. – Бок снова полез в шкаф, где стройными рядами стояли дорожные бутылки коньяка с красивыми наклейками, подарочные коробки с разнообразной заграничной выпивкой, явно что из «Березки», и сложенные стопкой пачки – прямо как в магазине – однотипных коробок с конфетами «Ассорти». Но он достал два маленьких – с пол-ладони – пакетика с непонятным названием Marli и трогательной крохотной соломинкой, приклеенной сбоку. Один вручил Кате, другой взял сам. Катя покрутила пакетик в руках, рассмотрела, как диковинную игрушку, увидела маленькую дырочку, запаянную фольгой, и аккуратно примерилась туда соломинкой – подошло прекрасно. Морс как морс, ничего сверхъестественного, но эта милейшая упаковка, эта одинокая соломинка и невиданный способ его питья отличались от всего того, что Кате приходилось видеть до сих пор.

– Можно я пустую коробочку с собой возьму, дома покажу? – спросила Катя у профессора.

– На здоровье! Но скоро их много будет, и удивлять уже будет нечем, Катюнь, к московской Олимпиаде еще и не такое увидишь, – пообещал Бок. – Давай-ка теперь по чайку и к нашим делам.

Пока вода закипала, Бок выспросил все, что надо знать для заполнения карты: и дату последних месячных, и сколько они длились, о прививках, хронических заболеваниях, инфекциях и вредных привычках. Хотя и сам прекрасно знал Катю с детства, но выспросить заново был обязан. Единственное – уберег девочку от неловкости по поводу интимных подробностей половой жизни, возраста ее начала и количества партнеров. Зачем лишний раз вгонять ребенка в краску. Заполнив историю, позвонил по внутреннему телефону:

– Добрый день, Леночка, попросите, пожалуйста, зайти ко мне Элеонору Львовну. – И, повесив трубку, объяснил: – Это наш лучший врач, может, даже не только у нас в роддоме, но и вообще в Москве. Твоя мама, кстати, у нее рожала, она не рассказывала? Вчера мне

звонила и в категорической форме заявила, что доверить тебя может только ей, Элеоноре.

Докторица пришла быстро, не вошла, а влетела в кабинет, разок стукнув и сразу распахнув настежь дверь, – эффектная, элегантная, энергичная – эти три «э» очень ей соответствовали. А еще с прямой спиной и достаточно строгого вида, Катя даже немного испугалась, но все равно предпочла бы ее, а не дядю Володю.

– Хм, какая молоденькая, это хорошо, – вроде как поздоровалась она. – Ну что ж, пойдём. – И повела Катю, как на заклинание, в свой кабинет.

– Первый? – спросила Элеонора, вдруг неожиданно улыбнувшись.

– Да, – кивнула Катя.

– Желанный?

– Очень.

– Прекрасно! – Она в принципе была немногословна, а когда говорила, то четко, по существу и словно рубила фразы. Высокий медицинский колпак, не шапочка, а именно колпак, ей очень шел, делал ее еще более значительной, могущественной и в какой-то мере даже торжественной, придавая черты некоего сказочного персонажа. Да и накрахмаленный халатик был не бесформенным, а подлаженным по фигуре, правильно подчеркивающим, что надо подчеркнуть. «Снежная королева!» – решила Катя.

Королева Элеонора быстро ее осмотрела, все время кивая головой и во всем с собой соглашаясь, а потом повела на УЗИ, взяв за ручку, как свою родную дочь. Но сама делать не стала, хоть и все, видимо, умела, а нависла над врачом, пристально вглядываясь в монитор.

– А вот и наш человечек! – победно сообщила Элеонора, словно долго-долго искала его по всем углам организма и вот наконец нашла. – Прицепился правильно, к стеночке, где положено, сердечко бьется ровно, вот, сама послушай.

Катя подняла голову, чтобы посмотреть на изображение, и только и увидела, что крохотный пульсирующий темный комочек, сердечко, так радостно начавшее биться с десятков недель назад. Элеонора Львовна что-то стала спрашивать у врача по поводу толщины воротниковой зоны, следить за измерением еще каких-то там параметров, копчиково-теменных, что ли, произносила другие сложные, но вполне понятные Кате слова, но нет, сейчас ее ничего не могло отвлечь от вдруг

осознанного счастья, она лежала и просто улыбалась. Если б УЗИ делали кому-то другому, можно было бы с интересом наблюдать за процессом, но сейчас ее волновало не столько изображение, сколько трепещущий звук микроскопического сердечка, который все еще стоял в ушах. Лежала и улыбалась какой-то дурьей монализовской улыбкой, осознав, что повзрослела именно в тот самый момент, как услышала этот мерный стук, мгновенно превратившись из впечатлительной боязливой девочки в истинную женщину, которая во что бы то ни стало должна сохранить эту трепещущую жизнь. Сердце ее, как ей казалось, почти уже материнское, нежно щемило и истекало сладостью, словно его окунули в шелковистый мед, – такого ошеломляющего чувства она еще ни разу в своей жизни пока не испытывала.

– Ну что, девочка моя, все хорошо! – прервала ее нирвану доктор. – Вытираем животик салфеточкой, встаем и идем в кабинет к профессору допивать чай!

Катя очнулась, вытерла свой пока еще плоский девичий живот и послушно пошла за Снежной королевой.

– У нас все хорошо! Осенний человечек будет, сентябрьский, числа двадцать пятого и родится! – сообщила она Боку, который по-настоящему обрадовался, заулыбавшись во всю ширь неровных зубов, словно оказался кровно заинтересованным в том, что должно произойти к концу сентября. Вдруг резко встал, отодвинул кресло и сделал шаг к большому книжному шкафу. Повозился, наклонившись у нижних полок, достал, ничуть не стесняясь, уже початую бутылку хорошего армянского коньяка и налил себе рюмашку.

– Элеонора Львовна, дорогая, знаю, пить вы не станете, но я, с вашего разрешения, не могу не отметить эту прекрасную новость!

Элеонора по-царски улыбнулась и милостиво кивнула:

– С удовольствием составила бы вам компанию, но меня ждут больные. Рада была познакомиться! – И ушла, гордо чеканя шаг.

– Катюша, за тебя, моя девочка, за хорошую весть, за продолжение! – чуть не прослезился Бок. – Не знаю, как ты, но родители твои светятся от счастья! И я вместе с ними! Как время быстро летит, вчера ведь только школу окончила, а уже без пяти минут мама! Роба мне звонил прямо перед твоим приходом, волнуется, переживает, книжку доктора Спока достал, очень, говорит, редко бывает, хвалят ее. А я спрашиваю: зачем тебе доктор Спок, когда у тебя

есть доктор Бок? – Он хохотнул и осушил рюмашку. – Алена, та о другом волнуется: брать ли тебе академический отпуск сразу или подождать, хочет, чтобы вы с Дементием пожили на даче, чтобы и воздух, и козье молоко, и фрукты-ягоды – всякое такое.

– А Лидка? Неужели Лидка ничего не спросила? – Катя улыбнулась, хотя точно знала, что именно бабушка должна была узнать у Бока.

– А на вопрос моей любимой Лидии Яковлевны я отвечу письменно! – Бок поднял вверх палец и задрал свой большой нос.

– Про еду? – Катя отхлебнула чаю и хрумкнула печеньем.

– Откуда ты все так хорошо знаешь? Да, и про диету тоже!

– А когда будет понятно, кто у меня? – Катя решила заранее, что обрадуется любому ответу.

– Точно хочешь узнать? А то многие мамы носят в ожидании сюрприза. Недельки через две посмотрим, тогда и скажу точно. Все рекомендации ты и без меня знаешь – тяжелого не поднимать, таблеток не есть, диету соблюдать, не переохлаждаться и не перегреваться, не волноваться, никаких бань и саун...

– Я их и не люблю... – вставила Катя.

– В ванне тоже не лежи, только душ! – Бок звучал довольно сурово, когда речь заходила о серьезных вещах.

Дома Катю ждал обед, нельзя сказать, что торжественный или какой-то необычный, обед как обед: куриный бульончик, блинчики с мясом и запеченная в сухарях цветная капуста с куриными котлетками. Катя цветную капусту, особенно ватную, разваренную, не очень-то любила, но Бок объяснил Лидке, что в ней целые завалы железа, белка, витамина С и еще каких-то важных минералов, а это как раз то, что Кате сейчас необходимо для ребенка. Нравится – не нравится, как говорится, спи, моя красавица! Торжественность заключалась в другом – из волшебного черного сундука была вынута на свет божий бутылка заграничного виски, уже давно початого, но пока все еще радующая жидкостью чайного цвета. Алена прятала его с глаз, и не только с глаз, но и конкретно от Принца, который мог выпить целый стакан не поморщившись. Это он только так говорил, что перешел на портвейн, надеялся, что все расслабятся и он тогда себе напозволяет. Ему было все равно, что пить, главное, чтоб в состав питания входил спирт, и побольше, то есть чтоб горело и уздечку плавало. А Алена смаковала

виски по чуть-чуть, первый раз попробовав этот чудесный напиток в Шотландии, где их с Робертом научили, как именно его правильно пить – безо всякого льда, а чуть разведенный простой водой. Виски доставался из сундука в самых волнительных случаях, которые кому-то пусть и могли показаться вполне будничными и незначительными, как, например, сегодня – первый поход девочки к гинекологу. Но Лидка знала: это рубикон – и никак не могла проминовать такое важное событие. Она суетилась вокруг стола, что-то уносила, приносила, раскладывала и наконец села и расплакалась.

– Я даже не думала, что так расчувствуюсь... Это ж уже правнучка будет... Или правнук... Это ж какое счастье, что дожила! И опять повторю, о чем жалею. – Тут она обняла Катю, которая наклонилась над ней, чтобы успокоить, и в который раз сказала: – Что сама не родила еще детей, чем больше, тем лучше. Поверь, это моя самая большая ошибка в жизни. Рожай, если Бог дает.

– Нарожаем! – пообещала Катя бабушке. – Ты только плакать заканчивай!

– Дурочка ты, когда плачут от счастья, ангелы поют! – сообщила Лидка со знанием дела, активно втирая при этом слезы обратно в глаза.

Алена вручила Лидке стакан с виски, Лидка выпила залпом, жутко поморщилась и смачно выдохнула:

– Фу-у-у-у, какая теплая гадость... Не переводи на меня такое добро. С водкой не сравнить. Вот сколько раз ты меня этим поила, ей-богу, воспринимаю только как лекарство. И пахнет... какими-то... клопами. Валокордин и то поприятней! Ты эту виску дорогущую оставь для себя, а мне налей-ка крещенки из морозильника, вот уж питье так питье, не сравнить с этими капиталистами!

Вскоре вернулись мальчики, как ласково называла их Алена, – отец семейства с Дементием. У Дементия с утра было всего две пары, он заехал за тестем, и вместе они отправились по каким-то делам, успев к обеду объехать уже пол-Москвы, побывав в двух издательствах, у редактора и машинистки. И теперь с гордостью показали на пороге, лучезарные, счастливые, с большими букетами цветов для Кати.

– Ой, ну прекращайте меня смущать! Вы что, каждый мой месяц беременности собираетесь отмечать? – Цветы перешли из Катиних рук к Лидке, и та снова пошла плакать на кухню. – Теперь надо понять, как с институтом быть, когда академотпуск брать.

– Я все узнал. – Жующий Дементий выглядел значительно, но звучал смешно и шепеляво. – С тридцатой недели беременности. Но если возникнут какие-то проблемы, то в отпуск можно уйти и раньше.

– Какие такие проблемы? Нам проблемы не нужны! С чего это вдруг? – Лидка зазвенела тарелками, чтобы освободить на столе место для цветов. – С тридцатой так с тридцатой. У нас в семье все по правилам!

Все сидели за столом притихшие, словно переваривая официальную новость, которую услышали от Бока. Одно дело – Катины девичьи догадки, а другое – справка от профессора с печатью и подписью. Никому ничего решили не сообщать – примета плохая. Пусть об этом, когда придет время, сам живот скажет своим видом. Лидка в суеверия не особо верила, но на этот раз с Аленой согласилась – столько вокруг глазливых и завистливых! Ни к чему лишний раз давать повод.

– Вы, главное, Нюрке пока не говорите, – попросила Катя, – пусть она узнает самой последней.

– Да ладно, она тебе зла не желает, просто сильно ревнует к Лиске, – улыбнулась Алена. – Самой-то Бог семьи не дал, вот и окрысилась на весь мир, а все свои не востребуемые материнские чувства на Лиске отрабатывает. Не сердись на нее, просто пойми. Знаю, что клюет тебя, но постарайся не обращать внимания. Где сейчас няньку найти? И Лиска любит ее, это важно.

Катя все это понимала, но все равно чувствовала в Нюрке какую-то фальшь, хоть знала ее с самого Лискиного рождения. Даже не то чтобы фальшь, а двойное дно какое-то. И все припоминала ей тот случай с пропажей конверта и консервов. Тогда все спустили на тормозах, несмотря на то что Принц Анатолий настаивал на принятии категорического решения по ее поводу. «А с Лиской ты гулять будешь? А кашу ты сварить? А с ней ты останешься сидеть, когда нам вечером уйти надо? А пол ты вымоешь? Вот то-то и оно, – подытожила Лидка, – не пойман – не вор». Хотя сама прислеживала за кухонным порядком вещей и тихонечко в одиночку оплакивала каждую баночку крабов или чего другого, которые утекали прямо из-под рук. И не то чтобы сильно их жалела, а просто не хотела ворошить семейный покой. Катя тонко чувствовала это напряжение, связанное со злобной и мстительной Нюркой, и уж ей-то в последнюю очередь хотелось доверить эту пока

еще скрытую ото всех тайну. У них в деревне всех, небось, глазили направо-налево – такое представление, во всяком случае, было у Кати.

Девочка

Как только закончилась зимняя сессия, позвонил Бок и вызвал к себе на УЗИ, прямо как знал, что Катя только что сдала последний экзамен и уже свободна как птица. На следующее утро они с Дементием заскользили к нему в роддом по еще не убранному и не посыпанному песком дорожкам, чтобы на этот раз узнать точно – у них будет дочка! «Только тонус матки слишком повышен для второго триместра беременности, – сурово сказала Элеонора Львовна, – дам спазмолитики, и вообще хорошо бы лечь на сохранение, чтобы поднять лишнее напряжение и предотвратить гипоксию плода». «Если видно, что это дочка, то это уже никакой не плод, а самый что ни на есть ребенок», – возразила Катя врачу. «Ребенком станет, когда родится, пока в животе – плод», – безапелляционно заявила Снежная королева, насупив брови. Катя от больницы отказалась наотрез – зачем ложиться-то, можно все соблюдать и дома, пообещала она. Элеонора посоветовалась с Боком, и тот разрешил, никаких препятствий он не видел, но наказал быть теперь поаккуратней, без волнений и нагрузок, в общем, поберечься.

Катя внимательно посмотрела на мужа, стараясь понять, насколько его обрадовала весть про дочку, но он казался счастливым и безмятежным, что-то тараторил про имя, которое надо тщательно подобрать дочке, что времени для этого еще полно, но, скажем, имя Варвара ему уже сейчас категорически не нравится, Лариса тоже какое-то дурацкое. «А из хороших какое?» – спросила Катя. «Ленка хорошее, Настю можно, да и Ира тоже вполне ничего...» – «Нет, Ирка не подойдет, это ж смешно совсем, Ирка у нас такая одна», – заулыбалась Катя. Но мысль эта Дементию, наоборот, понравилась, и он всю дорогу домой болтал и болтал на нервной почве, привыкая, видимо, к тому, что скоро их станет трое. Держал Катю за руку и все заглядывал в глаза.

– А я так и знала, что девочка! – обрадовалась Лидка. – Мне где-то с неделю назад сорока приснилась! Прилетела на балкон, ждет, в клюве что-то держит. Подхожу к ней, она не пугается, не улетает, головку так набок наклонила и колечко мне показывает блестящее, вот, мол, смотри, что у меня есть. Колечко оставила, а сама улетела. Так что по всем приметам девочка. – Лидка, самая старшая в семье, но еще не старая,

благостная, гордая, пышущая видимым счастьем, прародительница всех Крещенских девчонок, ворковала и журчала, как живой семейный родник. – Девочка – это хорошо, это счастье, у нас такие хорошие девочки получаются! – И она обняла Лиску, которая пришла на кухню в поисках еды. Лиска заулыбалась и что-то шепнула бабушке на ушко.

– Прямо сейчас? Ну пойдем тесто замешивать.

– А если б родился мальчик? – немного взволновалась Катя. – Неужели ты бы его не так сильно любила?

– Мальчик? А у нас мальчики не получаются. Вот где ты в нашей семье видишь мальчиков? Робочка не в счет, он надмирный. Разве что Бонька. – Лидка хлопнула себе по коленке, и из-под стола появился заспанный спаниелька, который в основном сидел только на кухне, хотя старый плед был постелен ему в прихожей под зеркалом, у самого входа, чтобы, так сказать, оберегать и охранять любимых людей. Но то, что Бонька был охотничьей собакой, в расчет никто не брал – если ты собака, должна охранять. Мнение по поводу своей работы у Боньки было абсолютно другое – он был спутником, другом и даже, если хотите, собеседником. Он просиживал свою недлинную собачью жизнь в основном у Крещенских на кухне, у очага, у еды, вслушиваясь в разговоры людей и к своему взрослому состоянию прекрасно понимая многие слова и даже предложения. Особенно интонацию. Вечно воркующую Лидку Бонька обожал – она была пищевой богиней! В каждой комнате у нее были тайнички с сухариками для любимой собачки. О том, что сухарики, помимо Боньки, любят еще и тараканы, часто вылезаящие из мусоропровода, она и не думала – главное, чтобы Бабасик – так ласково называла она его – был доволен.

Серьезный разговор. Роберт с Бонькой

– Надмирный? – переспросила Катя. Лидка любила играть словами, которые требовали объяснения.

– А что тут непонятного? Над миром. Выше людей. И уж точно не просто мальчик, – Лидка сказала это без пафоса, спокойно и уверенно, словно знала наверняка – да, в их семье живет почти божество, человек, на которого надо молиться, единственный в своем роде. – Но уж если ты постарайся и потом родишь еще и мальчика, это тоже будет огромным счастьем! Хотя я не очень-то с мальчиками умею. Пипка у них эта маленькая – ни то ни се, это ж надо знать, как ее у младенчиков обихаживать, чтоб не повредить чего...

– Не волнуйся пока, мы уж потом как-нибудь с мальчишечьими пипками разберемся, сейчас пока рановато, – улыбнулась Катя. Она вообще последнее время стала обращать внимание на это свое более частое улыбочное состояние, пусть легкое, невесомое, почти незаметное, скорее, даже не состояние, а свечение внутренним счастьем, которое трудно было теперь удержать в себе. В институте никаких изменений не планировалось, все тихо-мирно, академический Катя брать и не собиралась, решила, что будет ходить, пока ходится. На дачу тоже ехать отказалась – она ж не больная какая, а просто беременная. Позванивала Ирке, ей в первую очередь хотелось обо всем этом рассказать, но ее стабильно не было дома, скорей всего, и в Москве не было.

Дементий и начало той зимы

Зима выдалась холодная и снежная, вполне классическая, такая, как зиме быть и положено. Высоченные, спекшиеся от мороза сугробы лежали в переулках сплошняком, убирать их никак не успевали, ведь все загребушие, рукастые машины катались, никуда не сворачивая, туда-сюда только по улице Горького и еле успевали поглощать свежевывавшую порошу. Машины суетились, жадно поедая снег, еще и еще, отправляя его по длинному желобу в грузовики, которые, наполненные и переполненные этим добром, не успевали отъезжать от этих обжор восвояси. Загребушим все было мало. Оно и понятно – главная, ведущая к Кремлю улица, лицо не только Москвы, но и всей страны, обязана была быть чистой.

Рано утром откуда-то выходили дворники в огромных безразмерных валенках, с широкими лопатами и ведрами ярко-оранжевого песка. Утро и начиналось с этого, такого знакомого мерного скребущего звука – вжик-вжик лопатой, вжик-вжик, не сбивая такта. А потом пятерней в песок и – как сеятели со старых плакатов, равномерно раскидывали его на вверенном участке, чтобы окрасить бесцветную утреннюю зимнюю улицу в радостный апельсиновый цвет.

Машина в такие морозы заводилась из рук вон плохо. В особо холодные дни, когда наутро намечалось куда-то обязательно ехать, Дементию приходилось выскакивать во двор по несколько раз за ночь, чтобы прогреть мотор, или же вообще притаскивать домой аккумулятор, чтоб бедняга этот вконец не замерз и наутро был дееспособным. Да еще эта дурная секретка капризничала, видимо, тоже была теплолюбивой и от холода по ночам срывалась, отчаянно голося на весь двор. Двор от этих ночных душераздирающих звуков вздрагивал и зло хлопал закрывающимися форточками. Его колодезная конфигурация, как назло, до невозможности усиливала эти завывания, сирена орала на все лады громко, долго и устрашающе, так, что слышно было и композиторам в соседнем дворе тоже.

Морозы тянулись весь январь, в начале февраля к ним присоседился еще и пронизывающий, обжигающий ветер, и выходить на улицу совсем не хотелось. Но куда было деваться – институт, хочешь не хочешь – иди учись. Молодые жили пока на Горького, мама с Лидкой

настояли, волновались, все-таки первая беременность у девочки, глаз да глаз за дитем, за Катей то есть. А то спокойно может уйти, не позавтракав, мужа покормит – за этим делом следила с ответственностью, – а сама сухомятку какую-нибудь сунет себе в рот и давай опаздывать – пошли-пошли, быстрее-быстрее, мне к первой паре... Поэтому Лидка и вставала по утрам у руля – кашку на молочке сварить, обычно геркулес или манную, без комочков, маслицем сдобрить, курагу туда же замоченную подбавить, чернослив, который с вечера в воде постоял, – сами знаете для чего, тостики на сковородочке, яички в мешочек, колбаску докторскую свеженькую и какао – как без этого детей на волю отпустить? И все с неизменной улыбкой, с явной любовью, даже любованием, скрытой гордостью какой-то: ласточки мои дорогие, птенчики, воробушки, голубки мои хорошие – они всегда были для нее какими-нибудь птичками, разными, по настроению, но именно птичками. Вот так до лифта проводит, улыбаясь, перекрестит на дорожку тихонечко, якобы незаметненько, и пойдет себе, что-то под нос напевая, задумываться об обеде.

Дементий, никогда не знавший бабушкиной, да и настоящей материнской любви – чего уж тут скрывать, сам об этом печалился, – Лидку полюбил всей своей юношеской, совсем еще щенячьей душой, с удивлением открывая в себе новые грани глубинных возможностей. Неужели с такой теплотой и так самозабвенно можно было вдруг привязаться к совсем чужому человеку, к чьей-то бабушке, пусть еще не совсем древней, но далеко не первой свежести и внешности уже пожухшей. Но внешность тут была ни при чем, хоть в возрасте Дементия это очень даже было и важно. Лидка, эта «чужая бабушка», излучала какой-то особый волшебный внутренний свет, который, скорее всего, юноша до этого ни в ком еще не встречал и не видел, но отчетливо чувствовал, может даже не очень осознавая, что происходит и почему Лидия Яковлевна так ему интересна. Что бы она ему ни рассказывала, будь то байки из ее далекой молодой жизни еще аж при Ленине и Сталине, будь то подробности ее многочисленных романов и даже – о Господи! – ее недвусмысленные намеки на ориентацию своих закадычных друзей-балерунов Севы и Володи, – все это поражало свободой и простотой, с которой Лидка об этом говорила. Собственные родители были дома с Дементием немногословны, строги и чопорны, никакие более или менее опасные темы не затрагивались вообще. Да и

было им особо не до разговоров. Отец семью навещал редко, все больше мотаясь по командировкам, в основном заграничным, мама приходила с работы уставшая, поникшая и немногословная. Не до откровенностей. Воспитание их было суровым, сугубо коммунистическим, по ясно и четко изложенным принципам очередного исторического съезда и с верой в светлое будущее. Все было заранее рассчитано и предназначено, ничего неожиданного не планировалось. И все эти милые разговоры по душам мамы или папы с сыном в их семье вообще не предусматривались. Сыт, одет, обучен – что еще нужно? Вот уже и женат. И когда мальчик попал в эту необычную семью, семью Крещенских, в питательную и питающую любовью среду, где все друг друга не просто любили, а обожали, он сначала удивился – неужели так и вправду бывает, неужели не притворяются? – а потом и сам с радостью полностью растворился в этом новом для себя ощущении. К Кате он испытывал нежнейшие чувства, ему казалось, что на большее он точно не способен, что любви на других просто не может остаться, не заложено в нем, но нет, ошибался. Потенциал был, и еще какой! Его словно вывезли из северной хмурой и неприветливой страны, где и людей-то за шапками и тулупами не разглядишь, и доставили к теплому морю, на песчаный пляжик, где зелень, цветочки, птички поют и люди улыбаются и играют в волейбол. Он поудивлялся, поприслушивался к себе, а потом научился не только принимать эту любовь, но и дарить ее другим. Сильнее всего, после Кати, конечно, прикипел к Лидке. Пел по утрам ей песню, от которой она расцветала, репертуар никогда не менялся:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?

Припев:

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах, звеня,
Страна встает со славою
На встречу дня!

Лидка действительно была в то время кудрявой до неприличия, попала как-то не к своему мастеру в парикмахерской, не к Зиночке, та оказалась на больничном. Ее и завили как барашка, стыдно выйти. Завивка была химической, дорожкой – на целых шесть рублей, перманент, одним словом, его еще шестимесячной называли. Лидка проходила овцой довольно долго, и песня эта как нельзя кстати ей подошла. «Кудрявая, что ж ты не рада?» – дурным голосом заводил Дементий, и Лидка, с готовностью улыбаясь, всегда отвечала: «Я рада, Демушка, я рада, что ты!» И срочно вступала в песню со следующего куплета. Так утро и начиналось в семье Крещенских – с «Песни о встречном»! Да и записочки Дементий тоже научился писать дурацкие, записки вообще были отличительной и удивительной чертой этой семьи, хотелось не только словами, но и письменно сказать о своей любви, оставить, так сказать, артефакты.

«Робочка, если проснешься раньше меня, обязательно разбуди, я сварю тебе кашку. Лидка».

«Девоньки! Уехал! Ждите! Буду!»

«Дорогая Катя! Алла Борисовна Киреева сказала нам, что ты отвратительно ешь! Мы огорчены. Неуловимые мстители и ваш отец!»

Я – плохой!

Ты – во!

Я – ушел!

Ты – спи!

Я – тебя

Лю!

Р-Р-Р.

А вот с чего началось Катино утро в двадцатилетний день ее рождения:

Мы сегодня
не будем хмуриться.
Стала наша Катюха
старше.

Двадцать лет
мы с дочерью мучаемся
И желаем
мучиться
дальше.

Мама и папа, 17 июля 1977 г.

И Лидка вторит: «Дорогой мой человечек! Поздравляю тебя с днем рождения! Желаю тебе и всей твоей семье здоровья! Я восхищаюсь твоим умом, элегантностью и всем, что дано тебе мамой, папой и мной! Обнимаю, целую, очень люблю! Твоя Лидка».

Дорогая наша Кука!
Без тебя на даче – скука.
Без тебя на даче смутно
И пустынно почему-то.

Эти записочки согревали посильнее центрального отопления, создавали удивительный уют, неповторимую атмосферу тихого счастья, о котором не получится рассказать, а можно лишь почувствовать на себе, оказавшись каким-то чудом внутри этой семьи, что и выпало на долю Дементия, совсем еще подлётка – шутка ли, уже в семнадцать лет! Но он быстро, совершенно не сопротивляясь, принял негласные правила, абсолютно новые для него и неожиданные, и вскоре сам с радостью включился в эту вроде как игру. Проверял сначала свои возможности на Лидке, даже не на законной жене, а именно на Лидке, – все ли правильно, не выбросит ли записочку сразу в мусор, не обсмеет ли его при всех, не прицепится ли к ошибкам в его каракулях? Но нет, Лидка на все его писульки отзывалась с большим вниманием и любовью, складывала их у себя в комнате и каждый день явно ждала новую порцию юношеских мыслей.

«Кудрявая! Забирая жену в институт, буду внимательно следить за ее диетой! Обещаю! Ни о чем не волнуйтесь! Придем как придем, но обязательно! Ваш Дементий».

«Очень вкусный вчера был суп! Есть ли надежда, что ма-а-а-аленькая тарелочка осталась и на сегодня?»

«Сегодня вернемся позже, сразу из института заедем к врачу – пора по сроку! Катя совсем уже не волнуется, все вроде идет нормально. Так что как только, так сразу – жди меня и я вернусь, only very much!»

Дементия в семье Крещенских полюбили все, кроме, конечно же, няньки Нюрки... Он для нее стал опасным придатком к уже давно нелюбимой Катерине, подозрительным и коварным, как она это себе придумала, зловредным юнцом, который с детства аж до его нынешних двадцати лет только и делал, что вынашивал злодейский план: как бы так прилипнуть к порядочной семье с малым дитятей и начать обедать этих достойных людей и, главное, «рабенка».

За кулисами Колонного зала. Диктор телевидения Светлана Моргунова с сестрой Кати, Алёна, Людмила Гурченко, жена композитора Марка Фрадкина Раюша, Леонид Утёсов и Роберт. Середина 70-х

Она шипела и фыркала на него, как помесь змеюки с кошкой, делала страшные гримасы, словно готовилась к поступлению в

театральный и проверяла на бедном парне свой талант, а могла и тарелку с едой отнять, пока, конечно, никто не видит, если ей вдруг казалось, что «этот» много себе навалил. Ну а если бедный заклеванный Дементий обращался к малой, то Нюрка налетала на него как фурия, закрывая впалой грудью Лиску и сгибаясь в тех местах, которые у человека вообще не должны были сгибаться. Потом, бросив на парня испепеляющий взгляд, начинала причитать как ненормальная: «Ты ж моя хорошая, ты ж мой ребеночек, пошли быстрее отсюда, не слухай его, слухай меня, меня слухай, говорю!» Но Катя Дементию все быстро про Нюрку объяснила, и вопросов больше не возникало. Он просто ее сторонился.

За кулисами Колонного зала Дома Союзов. Роберт с дочками и диктором телевидения Светланой Моргуновой. 1979 год

Родители Дементия совершенно не показывались, жили своей привычной отдельной жизнью и возникали на горизонте редко. Дементию скучать было некогда, и к ним он абсолютно не стремился, не было нужды и особого желания возвращаться в прошлую жизнь и с ними тесно общаться. Ушел и ушел. Кате было это дико – как так, почти не видеть родителей, живя с ними в одном городе, не общаться

каждый день, не спрашивать совета по любому поводу... Отец, правда, и сам звонил сыну, но тогда это было даже хуже, чем если бы он пропадал, – разговор часто затягивался на час, а то и больше, начинаясь обычно со слов «сынок, не волнуйся, это простой будничныи звонок». Разговоры в выходные обязательно отличались началом беседы, поскольку будни оставались уже в прошлом. «Это простой воскресный (или субботный) звонок», – говорил отец и затягивал свою долгую шарманку ни о чем, но в целях сугубо воспитательных. Хорошо, что телефон в квартире Крещенских был на длинном шнуре и можно было уйти в комнату, чтобы никому на кухне не мешать. Кстати, вопрос о том, почему они окончательно не съедут и не начнут самостоятельную жизнь, звучал постоянно. Ответ, что Кате сложно самой готовить, что у нее токсикоз, воротит от самого вида еды, да ни времени, ни сил после института уже ни на что не хватает, отца не устраивал – так положено, это правило для советской семьи, особенно если есть своя отдельная квартира. Сразу же начиналось: «вот мы с твоей мамой в наше время...» – и далее следовало перечисление всех принципов и правил, по которым они вели свой семейный уклад, когда начинали совместную жизнь в славных пятидесяти годах, по пунктам, подробно, долго и нудно. Катя начинала вопросительно заглядывать в комнату, когда разговор уже норовил перевалить за час, и с надеждой посматривала мужу в глаза – ну что, долго еще? а сейчас? ты же весь вечер на телефоне... Но Дементий лишь строил очень говорящую гримасу и недоуменно пожимал плечами – а кто ж его знает? Но всегда тихо дослушивал одни и те же воспоминания до конца, не прерывая потока отцовских мыслей, – да, папа, я слушаю, папа, да, я здесь. Видимо, отец так восполнял общение, которое недодал сыну в детстве. А может, уже и начинал наставлять, как правильно воспитывать еще не родившуюся дочь.

Подруги в институте, а их на курсе всего-то двенадцать девочек было, о Катином положении уже прознали. Да и как было этого не заметить – она слегка округлилась, помягчала, замедлилась и сменила модную зеленую мини-юбку на просторные теплые брюки-клеш. По лестницам уже не носилась галопом через две ступеньки, по коридорам ходила важно, мило переваливаясь и гордо себя неся. Мимо курилок спешила, демонстративно зажав нос, чтобы не вдохнуть дым, а после занятий они с Дементием по-стариковски все чаще отправлялась домой,

а не на буйные студенческие гулянья к кому-то на флэт. Иногда даже шли пешком, чтобы прогуляться и подышать свежим воздухом. Друзья не приставали, понимали, что тут уж не переубедить, лучше со своими предложениями и не соваться.

Катя пребывала в тихой радости, лучилась счастьем и все чаще смотрела внутрь себя. К состоянию своему она уже привыкла, растворяясь в нем все больше и больше и часто обращаясь к девочке, которая жила внутри. С удивлением и благоговением наблюдала за изменениями, которые незаметно с ней происходили. Настроение было почти постоянно прекрасным, но каким-то безмятежно-рассеянным и блаженным. Хотя могла вдруг на пустом месте удариться в плач, от избытка чувств, например. Слова из ее головы куда-то исчезали, и вместо них появлялись слезы, обильно, красноречиво, безостановочно. А еще она стала намного чаще замечать красоту там, где раньше бы и виду не подала. «Мои гены проснулись», – радовалась Лидка, и они с внучкой, как две девочки-подружки, восхищались необычайным закатным цветом неба или волшебной формой снежинки, упавшей на варежку. А могли надолго зависнуть над булькающим бульоном и смотреть, как красиво плавают мелкие желтые звездочки жира, соединяясь в замысловатые узоры. Звуки и цвета стали различаться более отчетливо, запахи казались более насыщенными, а мир вокруг – чуть ярче, что ли. А вместе с миром не отставали сны и фантазии. Сны были до невозможности цветные, живописные, насыщенные событиями и персонажами. Раньше Катя не помнила ни одного, кроме кошмаров с химичкой на курьих ножках, а остальных вроде и не было вовсе, сейчас же ждала ночи, чтобы поскорей заснуть и начать смотреть прекрасное ночное кино, которое рождалось в ее голове.

Днем она все чаще клала руки на живот, которого еще толком и не было, так, одни намеки, и тихо мечтала о том и о сем, что родит вот в двадцать лет, а бабушкой сможет стать уже в сорок, а сорок – это, как ни крути, с одной стороны, закат жизни, а с другой – не так уж и катастрофически много. А потом и правнучку дождется лет в шестьдесят, ну это уже будет настоящая древность, об этом и думать страшно, но Катя думала вопреки всему. Что будет тогда, через сорок лет, настанет другой век, может, все уже в космос улетят, если оно так пойдет, как сейчас, вот о чем все говорят... Она снова вспомнила о прекрасном фильме «Москва слезам не верит», на премьеру которого

недавно ходила с родителями в кинотеатр «Звездный». Папа был приятно удивлен и растроган, когда во время киношного застолья кто-то из героев сказал, что «дальше всех пойдет Роберт» и, собственно, как Кате казалось, не ошибся, а мама заулыбалась и поцеловала папу в щечку. Но Катя вспомнила о фильме по другой причине – вот бы так же, как и главная героиня, проснуться – хоть на часик, да пусть даже на пять минут – в будущем. Будильник зазвенит – и ты встаешь уже в ином мире – другая квартира, чужие занавески на окнах, какие-то цветы в горшках, почему-то кот, музыка непонятная по радио, шум машин за окном на незнакомой улице... С кухни пахнет блинчиками, мама, наверное, пожарила, рано чего-то встала... Приглушенный стук пишущей машинки, это папа, ему тоже не спится... Дементий, почти уже поседевший, еще не проснулся, спит себе тихонечко рядом... И дочка, дочка совсем взрослая, воркует что-то своей только что народившейся дочке... Как оно тогда будет? В правильное ли время зазвонит будильник? Все ли будут рядом? Все ли вообще будут? Про Лидку она почему-то в этом сне не вспомнила...

Снова в отъезде

В середине февраля, прямо накануне Аллусинового дня рождения, Алена с Робертом улетели в далекую командировку по Азии, в Сингапур и еще в какую-то удивительную соседнюю с ним страну, не то Малайзию, не то Индонезию, Лидка в голове не удержала, но точно помнила, что буква «з» в этом названии была. Ну, в том районе все страны были сказочными и удивительными, отчего ж не посмотреть. Уехали дети, Алена с Робочкой, надолго, недели на четыре, почти на месяц, чтобы поучаствовать с советской писательской делегацией в международной литературной конференции. Съезды эти последнее время стали в Азии очень популярными, страны вроде как приоткрылись и им вдруг стало интересно, что в мире творится, рассказывала Лидка Принцу и подругам. Ну еще и поднабраться впечатлений поехали, а как без этого стихи писать? А из этой азиатской страны с буквой «з» полетят аж в Австралию недельки на две, там от Сингапура на самолете не так уж и далеко, чуть больше шести часов, как, скажем, от Москвы до Якутска, не страшно. Надо же воспользоваться такой прекрасной возможностью – побывать в Австралии, правда? Экономия опять же Союзу писателей на билетах выйдет. Лидка объясняла это долгое отсутствие детей, хотя на самом деле пыталась убедить в этом именно себя, что это намного проще и дешевле, чем возвращаться в Москву и снова лететь черт-те куда на край света.

Накануне поездки Алена договорилась с Тонькой, секретаршей Всея Руси, что при верховных писателях сидела неустанно, что если случится оказия в ту далекую сторону, где им предстояло находиться, чтоб непременно звонить Лидке и посылать весточку из дома, как там что, как Катерина, как мелкая, шутка ли, в таком положении семью на месяц оставлять! Ну а с другой стороны, как Робочку отправлять одного с этой его двенадцатиперстной язвой, ему уход нужен, особенно в этой Азии с острой непривычной едой! Взяла с собой геркулеса, макарон, гречки, сухариков из бубликов засушила, сгущенное молоко, баранок для перекуса и привычный чай – «со слоником». По-хорошему, конечно, надо было в санаторий ехать, полежать там в тишине и покое, полечиться, на настоящей диете посидеть, анализы сдать, но нет –

попросили, надо ехать, делегацию возглавлять. Кто, как не вы, Роберт Иванович, когда, как не сейчас, Роберт Иванович... Вот собрались и поехали, оставив своих девочек на попечение совсем неопытного Дементия.

Ну да опыт дело наживное.

Тонька функции свои исполняла исправно, напоминая Лидии Яковлевне, кто когда отправится в ту далекую сторону, чтобы успеть написать весточку или вдруг отправить лекарства или посылочку. Лидка сразу и садились писать:

«Аллуся!

Так рада, что могу написать с okazjiей, глядишь, и через пару деньков письмо может быть уже у тебя. День рождения твой решила особо не справлять, как без вас, тем более только отболела, но ты обо всем уже знаешь. Я всем отвечала, что у меня еще нет сил что-то устраивать. И все-таки пришли Светлана Г., Феликс с Таней, Принц, Оля, Надька, Веточка, Володя Р. с Наташей. А часов в 10 Ларошели. Оба усталые. Светка была буйная, но ушла рано, в 12 часов. Сготовила я им кабанчика, замариновала как следует, очень вкусно получилось, все были в восторге! Напекла лепешек, картошку запекла в духовке с сыром (не пожалела), пирожков в масле. Катюля свой знаменитый курник сделала, но на него столько добра уходит, очень расточительное блюдо! Но безумно вкусно, конечно. Ну и еще пришлось наготовить закусок и салатов, одним кабаном, как хотела, не отделалась! Посидели очень хорошо и разошлись под утро. Толя остался ночевать, уж не знаю, на сколько дней его хватит.

Числа 13 февраля Кутя мне принесла кусочек материала (образчик шлю) и умоляла сшить ей модное платье на беременность, чтобы не ходить, как она сказала, «деревенской бабой». И я таки сшила, но подлиннее, правда, чем на рисунке, не отходила от машинки 2 дня. Ей очень идет, правда, ходить пока некуда. Фасончик рисую. Кутенька очень

похорошела, положение ей к лицу. Красотка! Демочка от нее не отходит, приятно за ними наблюдать, все время воркуют.

Вещички вы прислали чудесные! Все ушло к Катюле. Ей все идет. Мое платье – не снимаю. Только подкоротила. Катюля просит еще что-нибудь на ноги, все жалуется, что ей приходится носить не свое, а мое разношивать. Ну у меня ж все новое, красивое, просто ноги больные и новую обувь не любят.

Лиска в восторге от этих резиночек для волос.

Купи мне еще, пожалуйста, туфли мягкие, можно на полразмера больше, но на среднем каблуке, можно даже чуть выше, цвета беж или серого, в общем, светленькие. Сейчас на платформе модно, хоть таким обманным путем стану казаться молодой высокой красавицей! Для подарков купи, пожалуйста, моим девкам бигуди, несколько комплектов. И какие-нибудь мелочи. Оля не хочет ночную рубашку и туфли тоже не хочет. И сама не знает, чего она хочет. Если помады недорогие, купи ей, как у меня, – номер 06, ей понравилась. А Толе пошли несколько открыток из разных интересных стран, авось какая-нибудь и дойдет, он будет счастлив.

Роберт и Алёна. Конец 70-х

С замечательным композитором Никитой Богословским. Рояль застелен скатерочкой, водка с закуской, все как у людей. И никто из великих не считал это кощунством – край скатерти откидывался, крышка поднималась и начинала звучать музыка

С прекрасным художником Саввой Бродским

И снова гости. Мест за столом не осталось, вот Катя с женой Феликса Таней и пошли на кухню, ближе к еде

За нас не волнуйся, мы в порядке, дети смотрят за мной, я за ними, все под контролем. Были на днях

на даче, Севочка приболел, возили ему с Толей лекарства, поправляется.

У нас во дворе повесили наконец два фонаря, дошло, наверное, мое письмо до начальства. Светло как днем, висят высоко, больше не выкрутят! А то, сама знаешь, невозможно вечером возвращаться, на ощупь шли! Но еще, говорят, это к Олимпиаде готовятся, все подчищают, облагораживают, подкрашивают, очень, надо сказать, заметно. Ходить уже не так страшно, ни тебе пьяных, ни бомжей, ни цыган, гуляй – не хочу! Так что приезжайте скорей понаслаждаться красотой и покоем! За эти две недели, что вы в отъезде, было затишье, никто не заявлялся, всего лишь один раз какой-то графоман принес письмо, Нина не пропустила, молодец все-таки, стоит насмерть. Так что до квартиры не доходят. А может, даже и электрички пореже стали пускать, вот и лень ехать людям лишний раз, кто его знает.

Да, ходили мы тут недавно с Толей в Колонный зал, у Оскарчика был концерт, чуть не забыла тебе рассказать! Весь бомонд, сама понимаешь, от мала до велика. Песни у него прекрасные, мы с Принцем подпевали! Робочкиных много исполнили, принимали замечательно! В антракте даже вышли в буфет пропустить по рюмочке коньячка! Все спрашивали, почему вас нет, сказала, важная командировка на другой конец света.

Ждем вас не дождемся, возвращайтесь скорей, приедем в аэропорт встречать!

Крепко вас целую, получайте удовольствие!

За нас не волнуйтесь!

Ваша Лидка!»

Грибной супчик

Где-то за недельку до приезда Алены с Робертом вдруг как снег на голову объявилась Ирка, причем на этот раз позвонив, а не просто откуда-то заскочив по дороге.

– Ты дома? Я могу заехать? – голос ее звучал тускло, от былой звонкости не осталось и следа. Договорились прямо сразу, откладывая такую редкую гостью Катя не хотела, тем более что ни слуху ни духу о ней не было вот уже как месяца три, Катя со счета сбилась. Да и о беременности Ирка вряд ли знала.

Примчалась она почти через полчаса, ворвалась, почти вломилась в дверь, разгоряченная, с пылающими от мороза щеками и заиндевевшими белыми ресницами. Но пальтишко на ней было старенькое, потертое, еще школьное, на рыбьем меху. Катя узнала его, скривилась, посмотрела на замерзшую Ирку и не сразу поняла, что с ней не так. А Ирка с порога бросилась обниматься. Видно было, что очень соскучилась.

– О, Крещенская, да ты раздалась как будто, объемная такая... – Она отошла на два шага и оглядела подругу с ног до головы. – Слушай, все понятно! Как я рада, тебе идет!

Тут из кухни на звонок вышла Лидка, выпустив в коридор восхитительный запах жарящегося лука с чесночком, и поспешила вразвалочку к Ирке.

– Девочка моя, ну наконец-то! Какое счастье, что пришла! Пойдем, ты как раз к обеду! – Она взяла Иркину руку и шумно задышала на нее, согревая. – Как замерзла-то! У меня грибной супчик с перловкой, как раз зимний, сразу и согреешься! И сметанка есть! А знаешь, что на второе? – Ирка постаралась сделать заинтересованное лицо, но получилось у нее это плохо. – Голубчики! Ты любишь голубчики?

Ирка, рассеянно оглядевшись, сделала ручкой копошащейся в дальнем углу кухни Нюрке и села, освободив перед собой стол от Лидкиного шитья. Лидка с Нюркой, отгораживая себя серьезной шумовой завесой, с удвоенной силой завозились на кухне и загремели кастрюлями. Да и радио «Маяк» орало вовсю.

– Ну рассказывай, что у тебя хорошего! – Катя прибиралась на столе, чтобы расставить тарелки.

– Сядь на минутку, я совсем ненадолго. – Ирка вдруг схватила Катю за руку и насильно усадила рядом с собой. Румянец ее не прошел, мороз, видимо, тут был совсем ни при чем, что-то ее жгло изнутри. Иней на густых черных ресницах уже растаял, и Ирка стала выглядеть не настолько беспомощной, чем когда вошла.

– Ну как ты, Королева?

Ирка усмехнулась, но получилось это горько, коряво, совсем не весело. Она посмотрела в сторону кухни, но Лидка была вся в делах и на девчонок не обращала никакого внимания, а Нюрка вообще ушла собирать Лиску на прогулку.

– Короче, все вышло так, как я и предполагала... – Она нервно сглотнула, подыскивая правильные слова. – Думаю, Гелий мне изменяет. Причем это не просто какой-то один случай, а стойкое ощущение... И вроде опыта женского совсем нет, да и жизненного тоже, зато проснулось какое-то звериное чутье. И ничего, казалось бы, конкретного, но вот чую... Так еще, как назло, и месячные пропали давным-давно. Но, думаю, опять гормональный сбой, у меня такое бывает... – Ирка вдруг резко заморгала левым глазом, и через секунду тик, как обычно, задергал половину ее лица. Она осеклась, пытаясь справиться с этим очагом мелких конвульсий, начала гримасничать и открывать рот, чтобы попытаться остановить их, отвлечь, а потом просто схватилась за лицо и отчаянно стала его растирать. – Так усилилось за последнее время, ужас, надоело...

– Тебе к неврологу надо сходить, с тиками ведь можно как-то справляться, таблетками там или еще чем, – попыталась приободрить Катя подружку.

– Думаю, мне не к неврологу, а уже к психиатру пора, совсем не справляюсь, какую ночь не сплю. В общем, «все хорошо, прекрасная маркиза»! Слушай... – Видно было, что Ирка искала подходящие слова чтобы сказать о чем-то очень для нее важном. Пальцы ее нервно застучали по столу, совсем не попадая в такт песне, которая, казалось, на всю мощь неслась из радиоточки:

Вместе весело шагать по просторам,
По просторам, по просторам
И, конечно, припевать лучше хором,
Лучше хором, лучше хором.

– Лучше хо-о-ором, лучше хо-о-ором, – слышался с кухни Лидкин голос под аккомпанемент детского крика.

Спой-ка с нами, перепелка, перепелочка,
Раз иголка, два иголка – будет елочка.
Раз дощечка, два дощечка – будет лесенка,
Раз словечко, два словечко – будет песенка.

Ирка, не ожидая такого активного пения с кухни, взглянула на пританцовывающую среди кастрюль Лидию Яковлевну и тихо сказала Кате почти на ушко:

– Застукала я тут, короче, своего Гелия... Всего и надо, что не вовремя зайти к нему домой... Мне его соседка открыла, он у нее комнату снимает недалеко от «Ударника», наискосок, в самом начале Полянки. Сказал, что дипломную будет писать, что никто не мешает, родители не зудят, красота! Я и решила завезти ему котлеток из кулинарии. Завезла... Подробностей никаких нет, рассказывать нечего, но уж поверь, так мерзко и гадко мне все равно еще никогда не было. – Она посмотрела на подругу темными тревожными глазами. – Даже на секунду показалось, что я исчезаю, расплавляюсь... До сих пор в голове постоянно жжет... Понимаешь, он мне просто не открыл. Но я же слышала там возню, понимала, что не один. Стояла под дверью и слушала как оплеванная. Не думала, что так тошно станет... А как же я, спрашивается? Сейчас-то понимаю, что увидела в нем больше, чем в нем было. По молодости и дурости своей. Намного больше. Ты себе даже не представляешь, сколько красивых слов было сказано за эти несколько лет. И куда вот мне теперь?

Она замолчала, отрешенно глядя перед собой застывшим взглядом, чужим, нутряным. Это была уже не та Ирка Королева, знакомая Кате с детства, и даже не просто двадцатилетняя беспечная девчонка – перед ней сидела пожившая снулая баба, которой уже успело все отчаянно надоест. Катя застыла, совершенно не понимая, что в этом случае можно ответить, в семье такое если и обсуждалось, то речь шла в основном о поживших товарищах, которые, как говорила Лидка, «сходили налево», загуляли немного для того, чтобы, так сказать, освежить семейные отношения, такое сплошь и рядом! И жены, кстати, если умные, прекрасно это понимали. Репутация у большинства из тех,

кто приходил в дом к Крещенским, была, мягко говоря, подмочена, но в обществе относились к этому если не с одобрением, то с пониманием, мол, люди творческие, эмоциональные, ищущие, им для вдохновения необходимо! А иначе как муза придет, ее ж чем-то приманить надо. Вот и приманивали кто как может. Но тут был другой случай – чистой воды предательство, предательство первой любви, такое трудно простить, казалось Ирке. Катя задумалась, а Лидка уже спешила с кухни с тарелкой пахучего дымящегося супа, который аккуратно, чтобы никого не обжечь, поставила перед Ирккой.

– Сейчас сметанки принесу. Катюль, а ты пока хлебушка нарежь.

Вот бы рассказать бабушке, подумала Катя, вот бы посоветоваться, уж она бы точно научила, что делать... Но, поймав немигающий Иркин взгляд с припущенными веками, поняла, что этот номер точно не пройдет.

– Давайте, девочки, начинайте, пока не остыло! И Боньке со стола ничего не давать! Он в последнее время так обнаглел, все время клянчит, словно из голодного края!

Бонька радостно оглянулся, услышав свое имя, и пошел напрямик под стол, на свою исходную попрошайничью позицию. На Катю у него надежды было мало, ни кусочка не даст, проверено, а Ирка могла расщедриться, тихонько так, незаметненько что-то и подкинуть исподтишка. Если, конечно, ей морду на колени положить и тяжело вздыхать, тогда точно должна дать.

Катерина потянула носом и на минуту отвлеклась. Бабушкин грибной суп пах почему-то не супом, а летом. Ведь запахи – это воспоминания. Во всяком случае, Кате так казалось. Она водила ложкой по тарелке, вылавливая плотные кусочки грибов, спрятавшихся в перловке, а сама вспоминала духмяную, распаренную солнцем поляну, куда они однажды вышли с папой, когда поехали за черникой в сосновые латвийские леса. Травы почти не было, только мягкий мох и высокие мачтовые сосны, светящиеся почти оранжевым, даже, скорее, янтарным цветом. И запах, этот маслянистый запах был воистину чудесным: откуда-то тянуло дымом, который, смешавшись с ароматом сосновой хвои, забродившего меда, летней листвы и трухлявых древесных веток, превратился в настоящий бальзам. Ноги утопали во мху, земля под ним была сырая и тоже восхитительно пахла крепким духом грибницы. Грибов, казалось, тут-то и быть не могло – как им

пробиться сквозь плотную шубу из мха? Но нет, пролезли, продрались, просунулись, чтобы показать свои карие шляпки, молодые и упругие, пока еще нетронутые улитками. Вскрикнув по-детски, Катя стала яростно и азартно собирать их в корзинки, предназначенные для черники, совсем не для грибов. И даже Роберт, не замеченный раньше в грибной охоте, изумленно вынимал крепенькие белые из мха, улыбаясь тому, как легко, без единого усилия они отходят от гнезда, совсем без упрямства и капризов, так, словно кто-то только что понатыкал их под соснами и спрятался в кустах, радуясь удачной шутке. Запах этот грибного леса глубоко засел тогда в девичьих мозгах, хоть с тех пор почти и не встречался, а теперь этим восхитительным супом приятно напомнил о себе. Даже Ирка, уж на что не любила в принципе есть, с удовольствием добирала последние ложки Лидкиного особого супа. И несмотря на то, что Бонька тяжело вздыхал из-под стола, давать ему особо было пока нечего.

– Голубчики! – торжественно объявила, как конферансье, Лидка, ставя на подставку утятницу с плотными рядами голубцов, утонувших в томатно-сметанном соусе.

– Спасибо, Лидия Яковлевна, я больше не могу. А суп был и правда очень вкусный! – поблагодарила Ирка.

– Один! Всего один за мое здоровье! – нашлась Лидка, и сопротивляться тут уже стало бессмысленно.

Лидка снова ушла на кухню и запела что-то про глаза чайного цвета, вторя Ободзинскому из радио:

Пусть я впадаю, пусть
В сентиментальность и грусть
Воли моей супротив,
Эти глаза напротив.

Вот и свела судьба, вот и свела судьба,
Вот и свела судьба нас.
Только не подведи, только не подведи,
Только не отведи глаз.

Слова «супротив» и «напротів» звучали смешно, даже по-дурацки, когда пелись с ударением на последнем слоге. Но Лидка тщательно их

выговаривала, именно так, как было задумано авторами. Катя улыбнулась, а Ободзинскому было все равно – он и не догадывался, что поет в дуэте с Лидкой.

– В общем, такие дела. А я с этими мыслями уже который день ложусь и встаю, никак не могу перестать об этом думать. Клялся-божился потом, конечно, что просто из любопытства решил попробовать и понял, что лучше меня нет. А дверь не открыл, потому что стыдно было. А мне и посоветоваться не с кем, понять не могу, что теперь делать-то? – с тихой надеждой спросила Ирка.

Катя замялась, не очень понимая, что ответить.

– Давай я с Демкой посоветуюсь, может, предложит что-то дельное.

– Ты что, дура, что ли? Что ты ему скажешь? Что меня на кого-то там променяли? Ты в своем уме? Как я буду ему потом в глаза смотреть? И вообще всем... Состояние такое мерзкое, хоть в петлю... – Голос Ирки сник и потускнел. Она отодвинула тарелку с недоеденным голубцом и снова глубоко вздохнула. – Видимо, это единственный выход... – Глаза ее забегали туда-сюда, она горько усмехнулась и дунула на челку так, что та на мгновение вздыбилась. Потом вновь посмотрела на подругу, теперь уже безо всякой надежды.

– Не будь дурой. На нем свет клином не сошелся. Можно не говорить никому, не вопрос, тогда просто уйди от него и никогда не возвращайся. – Катя больше ничего и придумать не могла, а что, это ей казалось самым правильным решением.

Ирка взглянула на нее исподлобья и, снова заковыряв вилкой в голубцовой начинке, только и сказала зыбким голосом:

– Да, просто уйду... Это легче всего. Ты права.

Потом к ним подседа Лидка со своими шутками и прибаутками, Ирка вроде как оживилась, положила себе еще голубчик и после чая в спокойном, даже, можно сказать, благостном настроении ушла, обещав почаще заглядывать при условии, что ее накормят таким вкусным грибным супом, теперь уже ее любимым.

Лидкины советы

– Ну и что с ней снова приключилось? Сидела нахохлившись, как вошь на гребне, я за ней приглядывала. Совсем квелая. Я уж ее не стала расспросами мучить, и так видно – тусклая вся стала. Не дело это, в ее-то возрасте! Я себя помню! Эх-х-х, – выдохнула Лидка и если б умела, то на этом месте обязательно бы присвистнула, чтобы показать, какой лихой, веселой и разухабистой была ее жизнь в двадцать-то лет! Она любила приводить цитату из Островского, это было как раз ее («Прямо моими словами сказал!») – восхищалась она, хоть за точность и не ручалась): жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы! В этом она была с классиком абсолютно согласна! В ее двадцать лет первая саратовская любовь была уже далеко позади, на горизонте маячила Москва со всеми ее возможностями, искушениями и приключениями. А уж без приключений Лидка никак не могла! «Ну в кого ты такая беспутная?» – удивлялась ее мама, Поля, когда ее старшенькая приходила домой под утро вся в слезах и рыдала, что замуж уже точно никогда не выйдет, что все мужчины олухи и разгильдяи, что она все время ищет чистую любовь, а ее все нет и нет... Как ярко фонтанировала ее жизнь, какими долгими и прекрасными казались ее насыщенные молодые дни и особенно ночи, как она тогда всего этого не ценила, а пролетала словно на крыльях – постоянные репетиции, выступления, походы в кино и в Парк имени Горького, танцы под патефон у кого-то в гостях, встречи и расставания, романы и романчики, мелкие и крупные, – как она все это тогда успевала, объяснить не могла ни себе, ни людям, и уж особенно маме, которая очень за нее, непутевую, переживала. Потом первое замужество – проба пера, но перо через пару лет затупилось, а потом и вовсе сломалось. Зато какая дочь умница и красавица выросла, стоило терпеть! Что тут скажешь – счастье и вечный оптимизм быстренько заживили сердце, и жизнь продолжилась с новой силой, заструилась, побежала по свежему руслу, устаканилась и расцвела совершенно другими красками!

Лидкин юбилей – 75 лет, в связи с чем ей подарили такой вот старый номерной знак для дома. С Лёничкой Рошалем, который сначала был педиатром сестры, а потом стал большим другом семьи. 1978 год

Лидка с любовью взглянула на внучку, которая тоже была обеспокоена состоянием подруги, сидела, зачем-то обхватив живот, который только-только стал проявляться.

– Она тебе хоть сказала, из-за чего такая смурная?

Катя встрепенулась и, конечно же, замотала головой, причем слишком активно. На Лидку даже не посмотрела, та усмехнулась и сразу поняла, что да, конечно, сказала.

– Не хочешь – не говори, я понимаю, но Ирка-то вся в мучениях, это ж невооруженным глазом видно. Пусть с мамой, что ли, посоветуется, нельзя проблемы в себе закапывать, им выход нужен. Родители снова в отъезде?

Катя говоряще пожала плечами и кивнула, что да, мол, конечно, в экспедиции, очередные богатства для страны ищут. Лидка глубоко вздохнула, села напротив внучки, источая запах хорошо прогнившего мяса, и стала растирать опухшие колени, сняв с них компресс с каким-то новым чудодейственным модным средством от всего на свете. Катя не сдержалась, поморщилась. Запах был неистребимым, въедался в ноздри, и открытая форточка уже не помогала.

– Н-да, вонища страшная, знаю, – стыдливо улыбнулась бабушка. – Но поймешь меня, когда будешь в моем возрасте. Я ж еще побегать хочу, а колени не дают... Принц по большому благу достал; говорит, специально для космонавтов изобрели. Хотя название у этой жижи какое-то несолидное, из трех букв... И, честно говоря, не думаю, что они там в космосе могут этим пользоваться, помрут от вони да вдобавок всех инопланетян распугают!

Лидка стоически терпела и вонь, и боль в ожидании результатов, обещания от этого телячьего экстракта были грандиозными, практически панацея. Уж если все органы лечит, то коленкам уж точно поможет, надеялась Лидка.

– В общем, подумай, как ее разговорить, а выговориться ей точно нужно, вижу. Родители ее, конечно, совсем забросили. Взрослая она, все понимаю, но как же без опоры все время девку оставлять?... Неужели не чувствуют? Сама себе хозяйка – это хорошо, но что-то с ней все-таки не так. Стала какая-то забитая, пугливая, тревожная и все копит и копит в себе страхи, первой даже заговорить боится. А раньше как пела звонким голосочком, как звенела, сколько радости излучала! Двадцать лет – и на тебе, глаза как у мороженой трески, мятые какие-то... Начинается самое интересное, все впереди, а настроя уже нет, что бы там ни случилось, удар-то надо держать. В общем, надо ей как-то помочь, проблемы-то, скорей всего, на любовном фронте, иначе никак... Гелий, что ли, чудит? – Лидка пристально посмотрела на Катю взглядом, требующим ответа.

– Наверное, даже скорей всего... Короче, да... Я ей посоветовала его бросить, – выдохнула Катя с привкусом какой-то детской

беззащитности, тем самым нарушив свою клятву никому ничего не говорить.

– Ясно. Завел новую... Да таких Гелиев как говна за баней! У моего возраста есть все-таки свои плюсы – пусть я вблизи стала хуже видеть, зато козлов чую на расстоянии, – со знанием дела сказала Лидка, но Катя отвела глаза и пошла от греха подальше заваривать чай. Включила радио погромче, чтобы постараться отвлечь бабушку от темы, – артист Юрий Каюров громко и с явным напором и выражением читал брежневскую «Целину».

«Если вернуться к бытовым неурядицам, – читал он, подбавляя в голос металл, – какие встречались на целине в пору ее освоения, то уж они действительно были временными. Не понимали этого только себялюбцы, – на этом слове он сделал ударение, а после – говорящую паузу, – не желавшие пальцем шевельнуть для общего дела. Про таких метко говорят в народе, что они – ни папе, ни маме, ни нам с вами».

«Ни себе ни людям, говорят», – мысленно поправила Каюрова Катя, а заодно и дорогого Леонида Ильича Брежнева.

– Да выключи ты дребедень эту, иди сядь... Или ты совсем не хочешь об этом разговаривать? – позвала Лидка.

Да, тема Иркиных открытий, потрясений и любовных проблем совершенно не радовала Катю. Признаваться в том, что произошло между ними на самом деле, Ирке абсолютно не хотелось, да что там – не хотелось, она бы просто постеснялась откровенно все рассказать. А Кате было непонятно: предположим, даже если Гелий ей изменил – и что теперь? Ложиться умирать? Глупость какая-то. Да плюнуть и растереть! Сколько еще таких Гелиев у нее в жизни будет! Нельзя же так по-детски к этому относиться! Может, это Ирке просто почудилось или вообще было враньем, чтобы потом посмеяться.

– Поесть мне захотелось, у нас что-нибудь осталось? – спросила Катя, пытаясь окончательно сменить тему разговора и выманить Лидку с насиженного места.

– Ты ж только что пообедала! – удивилась Лидка и на поводу у внучки не пошла. – Зачем так разжираться, мать моя! Положение положением, но будь добра следить за собой! Вон яблочко поди помой – и хватит пока с тебя! А то после родов не соберешься.

На следующий день вдруг из Канберры, из самой Австралии, позвонила Алена, все недели их отсутствия с международной связью

было совсем плохо, вернее, ее не было вовсе. А тут на тебе, раздался вполне человеческий звонок, не тренькающий или заикающийся какой-нибудь, а вполне нормальный, будто звонили с соседней улицы. Лидка подняла трубку и сначала даже застыла от удивления, услышав далекий голос дочери:

– Мамуля, але, ты меня слышишь? Але! Але! – Голос то приближался, то затихал, почти исчезая, то начинал слегка побулькивать, то становился слишком громким и угрожающе шипящим. – Как вы там? Здравствуй! Заволновалась что-то, давно вас не слышала, не видела. У вас все хорошо? Как Катюля? Как Лиска? Ты сама как? – она задавала вопросы, даже не думая дожидаться ответа.

– Откуда ты звонишь, Аллуся? Как неожиданно! Какое счастье! – И хоть Лидка постоянно находила счастье буквально во всем, в любой малости и милом пустячке, на этот раз это нечаянное счастье было самым что ни на есть настоящим и реальным: через моря и океаны она услышала голос своей девочки!

– Мы в Канберре, в Австралии! Пусть Катюля покажет тебе потом на карте, где это! Разрешили из посольства позвонить, ну а ты ж меня знаешь, я сразу ноги в руки и бежать, тут уже поздний вечер, ну и вот! Рассказывай давай, пока не прервалось!

– За нас не волнуйся, у нас все нормально! Все, слава богу, целы и здоровы! Принц два дня как уехал, до этого целых пять дней ночевал! Не знаю, что с ним делать, опять покрасился. Ходит какой-то глупый, с какими-то невнятными тремя волосинами, но иссиня-черными! Представляешь, как это смотрится? Жуть! Приедешь, поговори с ним! Было бы смешно, если б не было так грустно. Заказ к 23 Февраля взяли, Демочка съездил, привез, так там с сервелатом, со всеми делами и знаешь, с чем еще? С какими-то невиданными пакетиками морса и маленькими, почти игрушечными упаковочками джема! Катюля, помнишь, недавно от Володи Бока пустой пакетик принесла, мы все ахали, а сейчас у нас пачек десять! Просто чудо! Невозможное удовольствие! Мы, правда, с девочками одну попробовали, а остальные я до вашего приезда оставила. А пустую коробочку Оля даже забрала домой своим показать. Это, говорят, специально к Олимпиаде такое завезли. То ли еще будет! Об этом все только и говорят!

Лидка тараторила и тараторила, изредка проверяя, слушает ли ее Аллуся. А та расслабилась, наслаждаясь родным материнским голосом,

разговором особо и ни о чем, о будничных домашних мелочах, которые прекрасно согревали в такой дали и совершенно успокаивали. Она иногда улыбалась, представляя крашеного Принца, кивала, радуясь всеобщему семейному здоровью, и мягчала, внимательно вслушиваясь в счастливый голос матери.

– Ну хорошо, дай мне девочек на секундочку, голосочки их услышать, и все, ждите нас, мы совсем скоро!

Девчонки заворковали и класть трубку все отказывались и отказывались, пока Лидка не прикрикнула на них, что, мол, все эти разговоры через моря-окияны денег стоят, и немалых, отстаньте, говорю, вешайте трубку!

Тот самый звонок

И вот, когда до прилета Алены с Робертом оставалось всего два дня, раздался тот самый звонок.

Катя с Дементием ушли поутру в институт, им обоим надо было рано, к первой паре. Холод на февральских улицах стоял зверский, ветер выл уже который день, превращая, в общем-то, не самый сильный мороз в ледящий душу и тело пронизывающий колотун. Люди закрывали лица, чтобы не обморозиться, а если вовремя, то есть практически сразу, сделать это не успевали, то обветривались и мгновенно краснели. Дойти от дома номер 9 до метро вниз по улице Горького, не продрогнув до самых костей, хотя чего там идти, – было почти невозможно. Лидка сначала дождалась, пока внизу хлопнет дверь лифта и выпустит детей на улицу, а после с любовью и ужасом следила за ними из окна, сначала из кухни, как они идут, воробушки нахохлившись, торопясь и поскользываясь и еще сильнее от этого прижавшись друг к другу, а потом перешла, почти перебежала в гостиную, заняв свой любимый наблюдательный пункт там, где обзор был еще шире и удобнее, – в выступающем эркере. Дементий крепко держал Катю под руку, и они почти бежали эти пять минут, щурясь от колкого мелкого снега и захлебываясь ветром. Прежде чем скрыться за зданием Почтамта, Катя посмотрела на окна, отыскала бабушку и ласково сделала ручкой. Такой уж у Крещенских был ритуал – всегда родных провожать, пока не скроются из виду, не исчезнут с глаз, за горизонт не уйдут или на машине не умчатся, цепляться взглядом за любимый силуэт до последней возможности, а как иначе? А уж если кто отправлялся на поезде, так надо было еще дождаться последнего вагона и посмотреть ему «под хвост», вроде как пожелать счастливого пути. На удачу. И это не было как-то навязано или специально кем-то оговорено в каком-то семейном своде правил, нет, все было намного проще, эта привычка выросла из любви, из особых Крещенских отношений, из потребности вечно быть вместе, рядом и из-за невозможности расстаться.

Лидка еще какое-то время постояла у окна. Все краски зимой куда-то исчезли, оставив только две – белую и черную. Все равно красиво, подумала она. Маленькие фигурки черных прохожих шли, клонясь и

сопротивляясь ветру, черные машины медленно ползли по заиндеветой дороге, выпуская из зада белый дым. Троллейбусы еле-еле тянули, нехотя доползая до остановки и высаживая в февраль съезжившихся пассажиров в тяжелых черных пальто. Каждый из них выдыхал по легкому облачку белого пара, и этот обновляющийся парок струился над их черными меховыми, скорее всего ондатровыми, шапками. Вся Москва тоже дымила, пар поднимался отовсюду и подзакрывал Лидке панораму. За запертой дверью кабинета что-то глухо ухнуло и с шумом закрылась форточка, хотя ее всегда держала бечевка. Но Лидка и глазом не моргнула, привыкла ко всем этим выкрутасам. Она быстро задернула легкую тюлевую занавеску и пошла смотреть, не проснулась ли Лиска.

День шел вяло, Нюрка пришла и, не раздеваясь, одела Лиску, повела гулять, а заодно и в магазин, надо было добыть продуктов к приезду Алены с Робертом. Потом с журналами поднялась Нина Иосифовна, которая обычно ненадолго задерживала их, просматривала сама, чтобы первой быть в курсе, и после беглого ознакомления их снисходительно приносила. У нее был свой список приоритетов. Больше всего любила «Советский экран», «Здоровье» и «Работницу». Эти журналы она успевала пролистать за день. На «Новый мир», «Иностранную литературу» и «Дружбу народов» времени, конечно, не хватало, и она просила у Лидии Яковлевны потом как-нибудь дать их ей почитать. Ведь как приятно блеснуть знаниями перед самим Робертом Крещенским, пока он стоит в ожидании лифта:

– Роберт Иванович, я в восторге от цветаевской «Повести о Сонечке»! Вы читали в последнем «Новом мире»? – Она старалась показаться интересной, начитанной и современной. – Ну конечно же, вы читали! Есть в этой эллегии что-то великое и романтическое! Как отчетливо просматривается прошлое и будущее! И вы помните там прекрасного Павла Антокольского? Его незабвенное:

Я люблю тебя в жаркой постели,
В тот преданьем захватанный миг,
Когда руки сплелись и истлели
В обожанье объятий немых.

Но Роберту обычно удавалось уже уехать далеко ввысь от навязчивой Нины Иосифовны и обожанья объятий немых, так и не произнеся ни слова. Но если лифт долго не приходил... тогда Роберт просто поднимался пешком.

Лидка забрала у лифтерши порцию прочитанных журналов и отдала, вежливо отвечая, парочку других, еще летних, – но кто куда спешил? В летних, по рассказам Принца, было особенно много интересного, ведь он тоже баловался новинками и вычитывал все Робочкины журналы от корки до корки. И у него было право первой ночи на чтение периодики сразу после Алены. Прочитанные детьми и Принцем журналы Лидка потом распределяла по своему усмотрению – сначала они шли Веточке, самой умной, интеллигентной и начитанной, потом Оле, Надька же с Тяпочкой периодику не жаловали, предпочитали книги. Ну а как потрепанные и заляпанные журналы возвращались домой – а вернуть их надо обязательно, с этим в семье было строго, – их убирали до лучших времен на антресоли, где они вылеживались еще какое-то время, пока не накопятся в достаточном количестве. Только потом их отвозили на дачу, в сарай, который давно превратился в подобие библиотеки. Иногда и Лидка читала что-то и, конечно, не абы что, а исключительно по Аллусиной рекомендации, учитывая, что времени на чтение у нее почти не оставалось – разве что по вечерам, если она не падала от усталости, и во время летних отпусков, вот тогда да, она в упоении восполняла все свои пробелы.

Нина Иосифовна хотела было еще о чем-то поговорить, но тут-то и зазвонил телефон. Лидка поспешно попрощалась, хлопнула дверью и заторопилась на кухню. Голос в телефонной трубке был не совсем знакомый, хотя отдаленно и вызывал какие-то ассоциации, но вот какие именно, Лидка поначалу не поняла.

– Здравствуйте, – довольно сухо сказал женский голос. – Это квартира Крещенских?

– Да. – Это начало Лидке уже не понравилось.

– Позовите, пожалуйста, Катерину. Это говорит ее классная руководительница из школы, если помните, меня зовут Наталия Борисовна.

Вот оно что, чуть не присвистнула Лидка, это та самая легендарная химичка, из-за которой девочка моя язву нажила в двенадцать-то лет! Та, которая гнобила и терроризировала ее на протяжении всей этой

чертовой школы! О которой ходили слухи, что она при этом еще и сильно набожная – это химичка-то – и тайно носит в своем портфеле иконку Богородицы «Прибавление ума». Прибавление ума, а лучше всего доброты, ей явно бы не помешало! Сколько ночей Катюля из-за нее проплакала! Как же, как же, я тебя, гадюку, помню! Но вслух, конечно, ответила совсем по-другому:

– Рада слышать вас, Наталия Борисовна, я вас помню, несомненно, помню... Катюля сейчас в институте, будет только после пяти, – сказала Лидка холодным голосом и сразу же вспомнила эту вьедливую стерву с низким задом и непропорционально маленькой головкой, эту востроносую воблу с кукишем вместо прически и разъехавшимися глазами. Красотой она, бедняжка, не блистала и не блистала вообще ничем, разве что знанием периодической таблицы Менделеева. А еще она всегда шурилась, когда говорила с родителями бедных школьников, и глазки ее превращались совсем уж в щелочки, Лидка вспомнила почему-то именно это ее свойство. Ей довелось пару раз пообщаться с классной, когда Алена с Робочкой были в отъезде, так вот, у той была манера разговаривать так, словно она каждого ученика, независимо от того, отличник он или двоечник, подозревала в чем-то непристойном. Прозвище ей дети и дали соответствующее, под стать их к ней отношению – Натаха-какаха, потом имя Натаха как-то само собой отпало, а она так и осталась ходить Какахой.

– Я, к сожалению, перезвонить позже не смогу, мне надо еще двадцать пять человек предупредить, поэтому сообщаю вам, э-э-э-э... А с кем, кстати, я говорю? – вдруг спохватилась она.

– Это Катина бабушка, Лидия Яковлевна.

– Очень приятно, Лидия Яковлевна, – нагло соврала Наталия Борисовна, – тогда вот эту информацию вам придется передать вашей внучке самостоятельно и лично: похороны Ирины Королевой состоятся послезавтра, в пятницу. В девять утра от школы будет организован автобус, который отвезет всех желающих на прощание на кладбище. Передадите? В эту пятницу, запомнили? Девочки вроде как дружили, Катерина должна об этом событии знать. Хотя хоронить таких людей на кладбище не положено. Понимаете, о чем я? – И, не дав опомниться, быстро попрощалась и моментально повесила трубку.

Лидке понадобилось время, чтобы хоть немного постараться прийти в себя, она даже не вполне еще осознала, что именно

произошло. На дворе у какой-то машины громко заорала сигнализация, эти истошные звуки в последнее время стали привычным городским фоном. Похороны? При чем тут наша Ирка и чьи-то похороны? Лидка все никак не отдавала себе отчет в том, что сказала ей сейчас эта бесчувственная тетка. При чем тут Ирка?.. С Иркой вообще никакой связи быть не может. Ну не может быть такое, это точно ошибка... Лидка сидела у телефона с трубкой в руках, все еще не решаясь ее повесить, чтобы вконец не обрубить ту мизерную возможность какой-то ошибки, которая, как ей казалось, могла оставаться, пока этот страшный разговор еще не закончен. Трубка безлико и раздражающе гудела, Лидка нашла в себе силы и положила ее дрожащей рукой на телефон. Потом спохватилась, открыла телефонную книжку и набрала Лену, еще одну Катину школьную подругу, с которой пути хоть давно и разошлись, но на горизонте она все еще иногда маячила.

– Леночка, здравствуй. – Лидка сама не узнала своего голоса, так глухо и безжизненно он зазвучал. Лена же Лидию Яковлевну признала сразу и, не дожидаясь вопросов, рассказала все, что знала сама, выспрашивать не пришлось. Подробностей не было ни у кого в классе, по слухам, Ирка просто пришла к своему молодому человеку на съемную квартиру, а минут через десять, громко распахнув дверь его балкона, бросилась с шестого этажа. Умерла мгновенно, не дождавшись скорой. Родители на этот раз были в городе, приехали, бедные, увидели огороженное милиционерами место, обоим стало плохо. Началось разбирательство. Больше ничего пока не известно. Какой-то ужас, добавила Лена, Ирка не могла так поступить, это совсем было не в ее характере. Все, что угодно, но только не это.

«Наверное, поэтому химичка и сказала, что “таких” не хоронят... Бедная девочка, как же было можно так с собой поступить? С собой, с родителями, с Катюлей, со всеми нами... Какое безмерное несчастье... А как ей шла жизнь! Как она умела прекрасно это делать раньше – жить! И вот на тебе... Наверное, была слишком уж веская причина, ведь от жизни надо получать удовольствие, иначе она теряет всякий смысл. Видимо, смысл жизни в эту минуту был утерян и у нее не хватило сил дождаться следующей...»

Лидка так и осталась сидеть на кухне около самого телефона. Сидела отрешенно, не могла встать, чего-то, видимо, ждала. Чего? Найти в себе силы, чтобы пойти заниматься домашними делами? Сил

не было и в помине, ноги словно отказали, ей и пошевелинуться было трудно, застыла как муха в янтаре. Или ждала, что раздастся еще один звонок о том, что все это чудовищная ошибка, что Ирка жива, просто в больнице и в скором времени поправится или что вообще это была совсем не она, а все это сон, страшный сон. Или кто-то посоветует, что ей теперь делать, даст инструкцию по выживанию выживших, тех, кто ее любил, а теперь осиротел.

Часы на стенке тикали невозможно громко, отсчитывая каждую прожитую секунду, словно кто-то бил молотом по наковальне. День за окном угасал, темнел, так и не увидев солнца. Ветер из открытой форточки отчаянно пытался расшевелить легкую кухонную занавеску, и она в конце концов поддалась, зацепившись за открытую дверцу шкафчика, а потом так и осталась несуразно и коряво висеть. Лидка сидела, слегка раскачиваясь, и привычно гладила больные натруженные колени. Она плакала. Беззвучно и горько. Слезы нахлынули изнутри, начав обливаться по-настоящему больное и израненное жизнью сердце – на его долю много чего пришлось. Лидке показалось, что она задыхается и что ее легкие тоже заполнены слезами. Она забулькала, закашлялась, пытаясь перехватить дыхание, но оно совсем сбилось, а сердце принялось постепенно наливаться горечью и жаром, словно его медленно опускали в кастрюлю с закипающим маслом. Утонув в горе, сердце непривычно и пугающе стало замедлять ход. Слезы, наполнив все внутри, стали наконец изливаться наружу. Просто шли из глаз, стекали по щекам и падали на фартук в том месте, где трепетало удивленное жизнью Лидкино сердце. Его сильно передернуло, словно перевернуло, и оно громко и неровно забилось, совершенно сбившись с ритма, то спеша, то приостанавливаясь, не в состоянии попасть обратно в привычный ход. Лидка вдруг сильно испугалась и начала инстинктивно растирать себе грудь, по-старушечьи приговаривая:

– Господи, горько-то как, Господи... Ничего, дай Бог, выдержим, ничего... – И быстро приглушенным голосом вдруг зачитала свою любимую молитву на все случаи жизни, чтобы несчастной Ирке помочь там, где в полной неизвестности мечется ее бедная неприкаянная душа, и чтобы и себе тоже попытаться отложить путь в Царствие небесное: – Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою, Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших. Аминь.

Читала и читала, не останавливаясь, долго, торопливо, словно могла не успеть. Ей и казалось, что не успевает, что еще чуть-чуть – и произойдет что-то неизбежное и она не должна этого допустить. Все сейчас было в ее руках, но что именно, она не понимала. Нескончаемую молитву ее прервал телефонный звонок.

– Лидок, мне рассказали новый анекдот! – Принц был в своем репертуаре. – Слушай сюда! Приходит еврей к врачу...

– Толя, приезжай немедленно. Срочно, я тебя очень жду, – сказала Лидка и повесила трубку. Она знала, что Толя все бросит и приедет, какие бы важные дела у него сейчас ни были.

А что для него могло быть важнее испуганного Лидкиного голоса...

И действительно, прошло не больше часа – Лидка отсиделась, отдышалась, накапала себе сорок капель валокордина, который сердцу не сильно помог, но успокоил, засунула под язык мятный кругляш валидола, а потом, поразмыслив еще, обильно намочила ватку меновазином и натерла меж грудей, там, где щемило и где, по ее разумению, находилось сердце. Прислушавшись к себе, тяжело встала, ватку оставила у сердца, прижав для верности лифчиком, и пошла к балконной дверце выглядывать своего Принца.

Совещание

– Лидок, что теперь делать-то? Надо ж как-то Катюле сказать... Нет, сначала Дементию, лучше он сам... Давай девок вызовем, пусть подключатся, они все ушлые, авось правильно посоветуют... – Принц оказался в еще большем замешательстве, чем Лидка.

Откладывать решение было некуда, дети должны были вернуться из института скоро, но Лидка и вправду решила вызвать подмогу в лице подруг. Первой прибежала Надька, она жила совсем рядом, на Пушкинской площади, потом подъехала строгая испуганная Веточка, и наконец вплыла запыхавшаяся бело-розовая Тяпочка. Ольге позвонили, но быстро явиться она не могла, жила в Мытищах.

Лица у всех были скорбные и при этом сильно удивленные, на них ясно читалось недоумение – как могла советская девушка, да ладно бы советская, но такая бойкая и живая, свести счеты с жизнью? Быстро сели вокруг стола – Лидка не поставила даже чай, ни сил, ни желания не было. Помолчали. Каждый горевал как умел. Надька, как обычно, азартно кашляла и, прикуривая одну от другой, дымила едкими беломоринами. Она выражала свои эмоции всегда с помощью сигарет, поигрывая каждой, покручивая ее, поглядывая, не пора ли потушить, и была в постоянном с ней диалоге, лицо ее еле угадывалось за дымовой завесой. Веточка, не сняв теплой меховой шляпки, подняла черную вуалетку и, нервно поводя ноздрями, резкими мелкими движениями обмахивалась от Надькиного дыма, разгоняя его по комнате, чтобы, видимо, хватило всем. А добрая Тяпочка истекала слезами, утирая их розовым платочком, но они все сочились и сочились из ее опухших розовых глазок.

Много времени на слезы не было.

– Самый важный вопрос сейчас – как все это сказать Катюле... И кто должен сказать... – Лидка осеклась, не продолжив дальше.

– Так, а если вообще не говорить? – предложил находчивый Принц, источая еле заметный кисленький подстарковатый запах. – Пройдет время, то-се, вся острота осядет, подзатянется, мы потом с ней весной на кладбище съездим, цветочки положим и ладно.

– Уймись! Ты вообще уверен, что в здравом уме? – не выдержала Лидка. – Как ты себе это представляешь? Хороший совет, нечего

сказать!

– Пусть я не в здравом уме, зато пока в своем! – Принц был настроен решительно, он просто хотел оградить Катюшу от неизбежного горя.

– Анатолий, ты и вправду думаешь, что это лучший вариант? Ты ж тут не только для антуража сидишь, голову-то включи! – Веточка от негодования вновь поправила вуалетку на шляпе и не мигая уставилась на раздражителя. – Ты считаешь, что наша девочка заслуживает такое предательство? Да она нам этого ни за что не простит! – Веточка стала озираться в поисках одобрения и в полной мере получила его от Тяпочки, которая яростно закивала и шумно засморкалась, не в силах сказать ни слова. Лидка все-таки пошла за рюмками, бедную девочку надо было помянуть.

– Тогда сначала скажем Дементию. Если он глава семьи, то пусть сам и решит, как сообщить, – предложил Анатолий.

– Да он сам еще ребенок, что он может решить... – вздохнула Лидка, разливая по рюмкам лимонную крещенку, потом посмотрела на бутылку и в голос зарыдала: – Мы совсем недавно с ней... с Ирккой... делали... лимонную... Совсем же недавно... Вот именно ее, эту порцию... Что же творится-то на свете? Почему все так несправедливо? Молодые сами себе жизнь обрубают, а мы, старые, их провожаем... А надо ж наоборот... Куда Боженька смотрит? – И все бабы, не сдержавшись, зарыдали одним протяжным голосом, похожим на крик болотный выпы, да и Толя, смахнув слезу, махом выпил рюмку, чтобы дальше не подтекать.

– Это как посмотреть, – вдруг произнесла Веточка. – Длинная жизнь – это тоже проклятье, ты в конце концов остаешься один и тебя никто не может понять... Но вот Ириша, уму непостижимо... Такая славная и талантливая девочка, она ж редкая была, как орхидея... Очень мне импонировала... Но в ней всегда читалось что-то драматическое... Нда-а-а-а... – протянула Ветка и запнулась. А Надя, запалив новую беломорину, задумчиво произнесла:

– Она ж не сама пошла на такое... Ведь кто-то конкретный не дал ей пожить...

– Кто ж теперь скажет... – вздохнула Лидка. – Был человек – и нету. А как родителей-то жаль, бедные люди, утерян смысл жизни, полностью утерян...

Они успели посидеть и погоревать совсем немного, так ничего умного и не придумав, а решив в конце концов переложить ответственность на молодого мужа при их коллективной поддержке.

Вскоре раздалась возня в замочной скважине, послышался залиvistый молодой смех и Катя с Дементием, что-то оживленно обсуждая, ввалились в прихожую. Лидка тревожным и настороженным взглядом окинула лица подруг и, зачем-то посмотрев на часы, обреченно пошла детям навстречу.

– Ты как? – участливо спросила Катя бабушку. – Мама больше не звонила?

Она чуть нагнулась, чтобы поцеловать Лидку. Щеки у нее были холодные, и Лидка, невольно вздрогнув, отпрянула.

– А-а-а-а, холодно? – заулыбалась Катя. – Ветер сильный, а так всего минус пятнадцать, не больше. У нас гости?

Катя вошла на кухню и сквозь дым увидела Принца и любимых Лидкиных подруг, которых давно уже только Лидкиными никто не считал, они были общими, несмотря на то что по возрасту, конечно, больше всего подходили бабушке.

– А что это вы сидите вхолостую? – Катя пошла целовать всех по кругу. – Ни закуски, ни чая, пусто! Сейчас руки помою и что-нибудь побыстрому организую!

Надька снова замахала костлявыми руками, чтобы разогнать дым, а Веточка даже попробовала улыбнуться.

– Иди-иди, приведи себя в порядок. – Лидка приобняла внучку и подтолкнула ее к двери, а сама, словно всю жизнь плела интриги, мастерски перехватила Дементия, который тоже собрался в ванную ополоснуться после долгого институтского дня. Он удивленно посмотрел на свою «кудрявую», но покорно пошел за ней на кухню, увидев, как все застыли, держась за рюмки, словно именно в них и было спасение.

– Демочка, послушай меня внимательно! – Лидка набрала воздуха и выпалила на одном дыхании: – Сегодня позвонили, сказали, что Ирка Королева покончила жизнь самоубийством. Прыгнула с балкона шестого этажа. Я не знаю, как сказать Катюле, я боюсь. Реши сам. Все.

Дементий не мигая смотрел на Лидию Яковлевну и с первого раза тоже не совсем понял, о ком идет речь. Какая Королева? По фамилиям он никого из подруг особо не знал, тем более что касалось школьных...

Хотя Ирку знал одну-единственную – лучшую Катину подругу... неужели та самая? Но тут в кухню вошла Катя и, не обратив внимания на повисшую тишину, пошла к холодильнику, чтобы быстренько сварганить хоть какую-то закуску для Принца и Лидкиных девочек, иначе все они быстро опьянеют, а это известно чем обычно заканчивается – Надька промахнется, свалится со стула и будет потом еще минут пять, отчаянно захлебываясь, хохотать, лежа на полу, и отказываться вставать, исполняя какой-нибудь зажигательный лежачий танец, Тяпочка начнет от умиления плакать по любому поводу, потом пойдет сушить платье феном и в конце концов заснет в ванной, а Веточка станет с выражением, но безостановочно читать стихи Рильке, ее любимого немецкого поэта с русской душой:

Дрожат огни. Туманна синь.
Все смолкло в городской истоме...
Мне кажется, что в старом доме
Незримый шепчет мне: «аминь»...

И на «аминь» Оля, которой здесь почему-то нету, начнет мелко креститься, делая явной свою легкую набожность... Хм, еще Принц... Про него проще всего, пьянел он быстро, хотя всех уверял, что вообще никогда не пьянеет. Его коньком были пошлые солдатские анекдоты (Лидка называла их почему-то именно солдатскими), которые в его трезвом состоянии сочлились очень дозировано и, видимо, тщательно отбирались, а в пьяном лились поганым потоком, вгоняя всех присутствующих в краску.

Катя достала из шкафа под окном несколько пачек нарезки финского сервелата в вакуумной упаковке. До этого нигде, никогда и ничего в вакууме не продавалось, а тут на тебе – из Финляндии пошла доселе невиданная еда – аккуратно нарезанная копченая колбаса, сыр, граммов по сто, вроде как на одного, съел – и порядок. Морс опять же в коробочках, даже порционное молоко и масло в маленьких брикетиках. Да, как здорово все-таки, что и у нас наконец будет Олимпиада! К ней все эти роскошества и завозили. Так приятно было хоть таким путем приобщиться к западной жизни и попробовать ее на вкус – и это оказалось не так уж противно! Катя вскрыла несколько пачек с колбасой, красиво уложила все на тарелку, добавив туда пару кусочков

сыра для цвета и разнообразия, и отнесла на стол. Девочки были грустны, прятали глаза и сидели на этот раз как-то слишком тихо, хотя обычно их хохот слышался аж от самого лифта. Да и Принц затаился, его вообще как не было. Ну ладно, тихие так тихие, значит, есть причина, потом узнаю, решила Катя и стала обыскивать холодильник. Увидела вчерашний почти не тронутый бульон, из которого решила выловить курицу и как-то ее красиво подать. Думала недолго – разобрала на части, взбила яйцо с перцем и «вегетой» и, окунув туда кусочки, а потом обваляв их в муке, быстро обжарила в кипящем масле. А еще порезала вчерашний батон и, слегка присыпав хлеб тертым сыром с той же «вегетой», запекла в духовке. Минут через пятнадцать все было готово и выставлено на стол.

Девочки с Принцем немного оживились, ведь, судя по почти пустой бутылке крещенки, довольно уверенно выпивали, и закуска пришлась очень кстати. На кухне появился и Дементий, тоже, как и все, пригубил настойки и сел у стены, места за столом ему не хватило. Присев буквально на минуту, подошел к Лидке и что-то тихо спросил ее, наклонившись к самому уху. Та грустно покачала головой и, спохватившись, испуганно взглянула на внучку.

– Что тут за тайны мадридского двора? – не выдержала Катя, забыв наконец о готовке. Она только теперь осознала, что гости вели себя очень неестественно, тихо и осторожно, словно их придавило чем-то невидимым, сковало и они сосредоточились на том, как из-под этого завала выбраться. Молчание за столом – плохой знак. – Чего вы все такие мрачные? Что случилось-то?

Все разом зачем-то нарочито заулыбалась, хоть и сидели на слезе, но никто не захотел нарушить равновесие, разделив Катину жизнь на «до» и «после», – боялись.

– Да просто давно не виделись, соскучились, вот и заскочили на огонек, – делано заулыбался Принц, – тем более скоро Аллочка с Робочкой приедут, совсем не до нас будет.

Девочки хором закивали, не смея все же поднять глаза, лишь одна Лидка смотрела перед собой и вроде как видела внучку и одновременно ее не видела. В душе ее с уходом Ирки очень явно оборвалась еще одна струна. Лида была человеком очень чувствительным, способным сопереживать и откликаться сердцем на чье-то горе, а тут горе оказалось не чьим-то и проникло в самую душу. Нельзя сказать, что

неожиданно, но неожиданно больно. Чтобы девочка, подающая всяческие человеческие и профессиональные надежды, утонченная и умная, милая и чистая, как вологодская роса, решилась на такое, не подумав, импульсивно... Видимо, то, что она увидела, убило ее еще до того, как она прыгнула, и прыжок этот был не столь уже для нее и важен.

– Хватит метаться, посиди с нами. – Дементий подтащил еще один тяжелый резной стул, чтобы усадить жену. – Поешь лучше, я сам все доделаю.

Катя втиснулась между Лидкой и Тяпочкой, подвинув себе пустую тарелку.

– Ну что так тихо-то? Дем, включи, пожалуйста, радио, может, там музыка какая-то будет...

Но нет, музыки не случилось – Михаил Ульянов читал «Тихий Дон» Шолохова. Торжественно, чуть хрипло, немного монотонно. И хоть Катя не имела ничего против Дона, Шолохова и Ульянова, проникновенный голос большого актера радости в грустные посиделки не добавлял.

– Как ты себя чувствуешь? Что врач? – первой разговор начала Надя. Терпеть затянувшееся молчание было уже невозможно.

– Да нормально, как у всех, – улыбнулась Катя. – Хотя советы скучные, какие-то старушечьи – правильно питаться, гулять на свежем воздухе и не волноваться. А я по поводу каждой отметки волновалась! Слава богу, хоть экзамены уже позади!

Девочки закивали, захрустели тостиками с сыром, стали раскладывать по тарелкам дефицитную колбасу и небольшие кусочки курицы, тщательно подбирая с блюда отваливающиеся комочки панировки. Снова повисла тишина под чавканье и приглушенный голос Ульянова. Слов было не разобрать, никто и не пытался, каждый думал, как сказать Кате, и каждая минута, откладывающая это известие, казалась жизненно необходимой.

Тишина была недолгой. Молчание прервал стук брошенных на тарелку приборов и Тяпочкино рыдание. Она все время, с самого Катиного прихода сдерживалась что было сил, но сил у нее не было вовсе... Потом вдруг ее чуть повело, глаза заволокло слезами, пальцы ослабли и выронили звонкую вилку с наколотым куском финского деликатеса. Она огляделась, словно увидела всех впервые, и громко

зарыдала, обхватив за шею сидящую рядом девочку. Та от неожиданности вскочила, опрокинув тяжелый стул, который с грохотом и звоном задел целую батарею стоящих сзади на полу оранжевых бутылок фанты.

– Господи, да что такое-то?! – почти закричала Катя. – Вы мне скажете или нет?

Дементий подскочил к жене и обнял ее, пытаясь заслонить от новости, которую она сейчас услышит, а Лидка явственно зашипела на Тяпу.

Принц, поняв, что тянуть больше нельзя, что и родителей рядом нет, а девочке в голову может прийти все что угодно, произнес:

– Ирки Королевой больше нет... В пятницу похороны...

Тяпочка завывала и, пытаясь заглушить нечеловеческие звуки, закрыла рот пухлыми ручками, издавая еще более страшные захлебывающиеся всхлипы, и быстро пошла прочь из комнаты, натываясь по дороге на все, что попадалось на пути.

Катя остолбенела, смысл слов, сказанных Толей, она не очень-то сначала и поняла. Сами слова, конечно, знала, но то, как они прозвучали все вместе, просто не восприняла. За столом повисла тяжелая пауза, все разом онемели. Лидка быстро обняла внучку, отняв у мужа, закрыла руками, словно крыльями, и стала шептать, быстро, горячо, горько и очень тихо. Она знала: тише скажешь – глубже достанешь... Шепот этот предназначался только Кате одной, никому больше.

– Солнышко мое, так случается в жизни, Бог отнимает самых дорогих и самых лучших, забирает к себе по какой-то причине... Ирка наша была как бабочка, летящая против ветра... Вот и унесло ее. Ей уже хорошо там, ее теперь ничего не связывает с этим миром, а нам надо выстоять, пережить эту страшную потерю. Уходить гораздо легче, чем оставаться. Ей хорошо, это нам плохо... Сколько радости она нам принесла... сколько счастья... А даже ушедшее счастье счастьем остается. Оно с нами навсегда и останется. – Катя зажмурилась, лицо ее исказила гримаса, и она беззвучно заплакала. – Я с тобой, деточка моя, мы все с тобой...

Все зачем-то встали вокруг плачущей девочки, каждому захотелось поддержать ее, обнять и успокоить, насколько это было возможно. Только Тяпочка заперлась в ванной, чтобы выплакаться в гордом

одиночестве, хотя выплакаться до конца у нее все равно бы никак не получилось.

Первое детское горе

– Как? Как это случилось? – почти беззвучно спросила Катя. Дементий почти насильно усадил ее и встал рядом.

Лидка умоляюще посмотрела на подруг, сил рассказывать про бедную Ирку уже не хватило.

– Она покончила жизнь самоубийством... Бросилась с балкона... С шестого этажа. Но, видимо, не мучилась, умерла мгновенно, – тихо сказала Веточка. – Сегодня позвонила ваша классная руководительница и сообщила это Лидочке. Похороны в пятницу. Никаких подробностей больше нет.

Веточка опустила вуалетку на глаза, чтобы не так видны были слезы, но разве можно было спрятать их под сеткой? Глаза ее блестели, словно в них закапали масло, и она аккуратно вытирала их тонким пальчиком в ажурной перчатке.

Катя сидела опустошенная и оглушенная первым по-настоящему большим горем, случившимся за ее пока еще короткую, почти детскую жизнь. Смерть прабабушки Поли была не совсем в счет, та уходила долго, годы, все отдаляясь и отдаляясь от разумной жизни, теряя связь с родными людьми, наработанными привычками и любимыми местами. В конце концов однажды перестала узнавать своих, стала жить детскими фантазиями, не возвращаясь в действительность, совершенно обрушив все накопленные отношения, полностью уйдя от реальности, а вскоре и из жизни. Ухода прабабы не то что ждали, а давно были к нему готовы, она мучилась, изматывая свою потрепанную физическую оболочку, которая только и напоминала о ее существовании.

А с Ирккой был совсем другой случай. В ее внезапную смерть поверить было совершенно невозможно. Вот только ведь недавно была, разговаривали, за столом вместе сидели, грибной суп ели... Ну ладно, пусть жаловалась немного, с кем не бывает, ну изменил он ей, да и ладно, велика важность... Но чтоб так все взять и оборвать... Что на самом деле могло произойти и, главное, кого она там, бедная, у него увидела, что мгновенно решила выйти с балкона?! Катя закрыла лицо руками и заплакала, горько-горько всхлипывая по-детски. Она еще не умела терять, не очень научилась, и впервые в жизни ощутила, как становится безумно больно, когда назад уже ничего не вернешь. Ни

позвонить, ни увидеть, ни написать. Нет, уже нет, только похоронить и стараться не забывать. И все. И больше ничего.

Сердчишко Катина отчаянно забилося, не желая опустошаться и терять тепло, которое давала ей подружка, даже когда не была рядом. Катя очень четко сейчас это поняла. Ее придавило безысходностью, состоянием, доселе неизведанным, а тут прочувствованным в полной мере... До этого страшного момента решение каким-то образом находилось всегда – с помощью нужных ли врачей, вовремя порекомендованных, высокого ли начальства, сделавшего правильный звонок еще выше, или важных друзей, давших необходимый совет. Теперь ясно было, что ответа на... смерть... нет и быть не может.

Дементий с Лидой, муж с бабушкой, встали над девочкой, инстинктивно положив ей на спину свои ладони, чтобы перетянуть боль на себя, чтобы оградить, насколько это было возможно, от такого огромного горя, дать ей почувствовать, что не одна. Веточка сообразила, побежала в ванную, где была аптечка, чтобы накапать валерианы – «Валерьянку же беременным можно?». Остальные – Надька, Тяпа и Принц – скорбно стояли чуть поодаль, не зная, чем можно быть полезными. Надька, правда, перестала курить, а Тяпочка плакала в три ручья, немного подвывая и снова совсем по-детски.

Принц, постояв немного, сел в кресло у телефона, сил, в основном душевных, у него больше не было. Первые минуты он маялся, что никак не может помочь, а потом и вовсе ушел в гостиную, чтобы тихонечко погоревать вдаль ото всех, хотя знал, что обязан быть рядом со своими девочками, что сейчас, в отсутствие Алены с Робертом, он их единственная опора. Но нет, не смог вытерпеть, не смог даже посмотреть на опухшую рыдающую девочку и Лидочку, еле-еле стоявшую на ногах... Все отводил глаза, рассматривая дверь черного хода, закрытую шкафчиком и железными крючками, держащими крышки от кастрюль. А Лидочка... Как ей на все хватает сил, подумал он... И хватает ли? Ее он жалел больше всего, зная, как душа ее отзывается на любую мелочь или несправедливость. А тут не мелочь – целое большое горе, жуткое, настоящее... Он встал с дивана, походил по комнате, чтобы встряхнуться, и подошел к окну.

Темнота навалилась быстро, даже стремительно, фонари уже горели вовсю, освещая падающий в их лучах снег. Снега вообще было что-то не по-февральски много. Принц прижал лоб к холодному стеклу

и застыл в абсолютно нелепой позе. Понимал, что надо вернуться на кухню, но никак не мог себя заставить это сделать. Вдруг услышал какую-то суету, возню и поспешил из гостиной, оставив на окне прямоугольную отметину от своего большого лба.

– Положите ее, положите, – хлопотала Веточка, – конечно, заболит, такое горе!

Катя сидела, немного согнувшись и взявшись за свой чуть округлившийся живот, лицо ее исказила гримаса на этот раз уже физической боли. Дементий аккуратно помог ей подняться и повел в комнату, чтобы уложить в кровать.

– Никто никуда не идет! – приказала Лидка, заслонив своим девочкам выход из кухни. – Совершенно ни к чему устраивать из этого представление! Садитесь за стол! Разберемся! – И, накричав на всех, сама стала звонить доктору Боку, чтобы посоветоваться, как с Катюлей быть дальше.

– Да, вдруг заболело в самом низу живота... Да нет, заныло, говорит... Да, легла, лежит... Ноги поднять на подушку? Зачем? – Но пальцем показала на Веточку, чтобы та метнулась выполнять врачебное указание. – Валерьянку накапала, а как же! Свечку с папаверином? Нет... Таблетку ношпы? Сразу две? Хорошо, свечки сейчас сбегает купим, а пока ношпу. – И на этот раз указание досталось Принцу. Тяпа и Надька снова остались не у дел, хотя особого расчета на них и не было. Но, пока Принц поскакал в ванную, чтобы найти таблетки, Надька нацедила водички и, как эстафету, на границе коридора с кухней передала ему чашку. Тяпочка беспомощно огляделась, встала и приоткрыла окно, чтобы проветрить помещение на случай, если Катюля быстро вернется. Потом села на место и снова отчаянно заплакала, овеваемая свежим сквозным ветерком.

Боль постепенно угасала. Катя отлежалась под пристальным вниманием Дементия, вставать ей категорически запретили. Голова была пустая и мутная, думать ни о чем не хотелось, да и шевелиться тоже желания не было. Слезы поначалу лились сами собой, но поток их становился все слабее и слабее, и девочка, всхлипнув еще пару раз на плече у мужа, вскоре заснула.

Принц был сразу послан в дежурную аптеку за важными свечками и оставлен ночевать – мало ли что.

Следующий день прошел довольно тихо, Катя по указанию Бока пролежала, задрав ноги на подушку и почти не вставая. Доктор был все время на телефоне, но просил пока наблюдать и не суетиться. Пусть девочка поспит и отдохнет, нужен покой. Но когда Лидка рассказала ему про завтрашние похороны, Бок, ни минуты не размышляя, запретил даже об этом думать. «Нет и нет, это просто опасно!» – чуть ли не закричал он. И что было делать? Лидка с Дементием откладывали как могли эту его просьбу, вернее запрет, и вообще пока никого к Кате не допускали. Было несколько звонков и от одноклассников, но ее не подзывали – нет и все, подойти не сможет. Снова позвонила классная, была суха и деловита, словно по привычке собирала школьников на субботник или на сбор макулатуры, напомнила, что завтра в девять у школы. Кто опоздает, тот пропустит мероприятие. Так и сказала – мероприятие. Лидка ужаснулась, хотела было ее вразумить, но поняла, что это бесполезно, положила трубку и выпила валокордина.

Лидка в глубине души, конечно, понимала, что удержать Катю от проводов лучшей подруги вряд ли получится. Никакой здравый смысл здесь не работал. Она попыталась прощупать ее настроение, уговорить полежать еще пару деньков, чтобы потом тихо-спокойно съездить и на кладбище, и к родителям помянуть Ирку. Катя на это только зыркнула диким взглядом и удивленно спросила:

– Неужели ты смогла бы так поступить? Неужели ты смогла бы потом себя уважать?

И никакие уговоры Лидки и Дементия больше не помогли. Она решила – и все. Она поедет.

Проводы

На следующее утро после долгих споров и переговоров решили поехать втроем – Лидка, Катя и Дементий. Доводы, что в автобусе не хватит на всех места, силы не возымели – теперь уже Лидка показывала свой характер.

– Меня это совершенно не интересует! Поймаю такси, поеду следом! Катюлю без присмотра не отпущу, это во-первых! За вами обоими нужен глаз да глаз! Да, Дементий, и не надо на меня так смотреть! – Лидка могла быть и жесткой, когда речь шла о жизни и смерти, а тут это была не просто фигура речи. – И потом, я взяла с собой целую аптечку, и это во-вторых. Вдруг кому понадобится? Ирка мне как внучка была, я обязана ее проводить, и это в-третьих. Неужели вы думаете, что я спокойно смогу тут сидеть и ждать? Да я сразу умру, как только за вами закроется дверь!

Ясно было, что против этого аргумента уж точно не поперешь, – поехали втроем.

Старенький обшарпанный автобус с трясущейся выхлопной трубой словно мерз как пес, потрясываясь около школьного двора, но на улице рядом с ним никого не наблюдалось, все сидели внутри – утро было слишком морозным. Катя поскреблась в переднюю дверь, которая, громко скрипнув, открылась, и все втроем поднялись в салон. Людей внутри было немного: девчонок десять из класса, трое парней и две учительницы – химичка и их старенькая учительница начальных классов, Елена Михайловна, милая и добрая. Родителей – никого.

– Ну, здравствуй-здравствуй, Крещенская! Садись! – прозвучал малоприятный голос химички, и Катя вздрогнула, вспомнив это резкое «Садись!», когда не могла с ходу на уроке ответить про какую-нибудь валентность или вспомнить формулу водорода или какого-нибудь гелия... Гелий... Этот Гелий и был причиной Иркиной смерти, Катя ни секунды в этом не сомневалась. Ее передернуло, слезы снова подступили к глазам, но она постаралась взять себя в руки и у нее получилось не расплакаться.

Лидка тепло поздоровалась с одной учительницей, кивнула другой, а Дементий усадил Катю к мерзлому окошку, чтобы ее не укачивало – когда смотришь в окошко, не так тошно, сказал он. Подождали еще

минут десять, никто больше не появился, и, тяжело вздохнув, автобус тронулся. Девчонки сначала вяло переговаривались, а потом затихли, кто-то даже заснул. Дорога из Москвы была долгой, скользкой и однообразной, и вот, добравшись до какого-то села с обычным незапоминающимся названием, водитель свернул на заснеженную ухабистую дорогу и вырулил в белоснежное нетронутое поле, в конце которого вразброс, без какого-то определенного порядка торчали одинокие черные кресты. Ни деревца, ни кустика, только кресты. Встревоженные девчонки стали опасливо озираться – долгая дорога и жутковатый вид старого сельского кладбища их по-настоящему напугали, а может, они в жизни такого пока не видели. Да еще в небе с криком металась ворона, дополняя непривычно мрачную и неприглядную картину. Издалека Кате показалось, что это черные могильные кресты, взмывшие в облака, и стало по-настоящему жутко.

Почти никого не было, лишь горстка людей да старенькие «Жигули», непонятно какой дорогой добравшиеся сюда. У людей, стоявших вокруг свежей кучи земли, автобус, закряхтев, остановился, но наружу никто не поспешил. Девчонкам, да и парням тоже, стало по-настоящему страшно. Все смотрели на зловещую яму, которая, как разъявленный рот, чернела посреди белого поля в ожидании, когда проглотит Ирку Королеву, хорошую веселую девчонку, их ровесницу, звонкую и необычную. Метель все поддавала и поддавала снега, припорошивая яму и заметая следы работы двух пьяных мужиков, которым и в яме было совершенно комфортно. Потом один подкинул вверх, на волю грязную лопату, выкарабкался сам и протянул руку напарнику, чтобы помочь выбраться из преисподней.

– Хм, все-таки очень странно, что Королеву хоронят на кладбище, – нашла что сказать Наталья Борисовна, увидев яму. Елена Михайловна укоризненно на нее посмотрела, но та все равно продолжила, сделав вид, что никакого укора не заметила. – Таких в лесу хоронят, отдельно от других. Ну хоть храма рядом нет, и то хорошо, – удовлетворенно произнесла она и по-учительски зыркнула на всех вокруг.

– Ну зачем вы так сейчас? – не выдержала Елена Михайловна. – Не к месту и не ко времени. Думайте что угодно, но вслух хотя бы не произносите, стыдно за вас. Бедная девочка, надо проститься с ней по-человечески.

Хорошо, что Лидка сидела далеко и не слышала выступлений химички, иначе бы обязательно встрянула и задала бы ей, дуре, жару: как можно вообще такое говорить, а тем более на похоронах. Ни сочувствия, ни сострадания... Катя, прислонившись головой к заиндевевшему по краям стеклу, смотрела не мигая на зиявшую черную дыру за окном и не думала вообще ни о чем. Голова была пустая, оглушенная, непривычно тяжелая. Мысли если и были, то вязли, не имея возможности оформиться во что-то разумное. Катя перевела взгляд на скромный узор на стекле, который ничего собой не представлял, просто ровные черточки, почти как на листке из тетрадки по математике, но совсем крохотного масштаба. Издалека этот еле заметный узор и вовсе казался бесформенным пятном, а при ближайшем рассмотрении завораживал своей четкостью и выверенностью линий. Как появился на стекле этот маленький и строгий, без излишеств листок в клеточку? Катя уставилась в эту точку, как вдруг перед ее окном появилось белое, словно замороженное, лицо женщины в приспущенном черном платке. Несколько прядей, вылезших из пучка, били на ветру по ее глазам. Она почти не щурилась и не мигала, глаза словно заledenели. Ирина мама, Катя сразу ее узнала, хоть и редко видела. Она, конечно же, была с ней знакома, несколько раз общалась, разговаривали, но не более того. Их ведь почти никогда не заставляли дома, родители все ездили и ездили по командировкам в поисках непонятно чего.

Ирина мама потопталась на месте, потом легонько постучала пальцем по стеклу и позвала Катю наружу. Лидка засуетилась, стала было тоже спускаться, но Катя ее остановила и усадила на место, в тепло. Дементий вышел первым, подал руку жене, и их обоих ветер чуть не сбил с ног. Плотные серые тучи висели низко-низко над этим скорбным полем, кудрявые, кучевые, как небесное стадо овец, они все куда-то торопились, подталкивая друг друга. Не то ветер их подгонял, не то они подгоняли ветер.

Вдали, почти на горизонте, черной точкой показался автобус. Тот самый, который вез Ирку туда, куда никому не по пути. Мама тоже увидела эту точку, еще сильнее побледнела, даже посерела, как облака, закрыла лицо ладонью, и плечи ее задрожали. Потом резко встряхнулась и пошла к Кате, глядя ей прямо в глаза, наверное, чтобы не сбиться с пути, хотя сделать предстояло всего несколько шагов. Но

видно было, что может от горя потеряться в себе, остановиться, окаменеть. Раскрыла, как птица, руки, обняла девочку.

– Я знаю, чем ты была для дочки и чем она была для тебя. – Голос ее не дрожал, а казался безжизненным и монотонным, словно утратил все краски. – Ты очень для нее была важна как подруга, даже как сестра, знай это. Я всегда спокойно ее оставляла, понимая, что ты... – Она посмотрела на Дементия, стоящего поодаль, и Лидку, которая все-таки вылезла из автобуса и повисла на молодом зяте или кем он там ей приходился. – Понимая, что вы, – она подчеркнула это «вы», – рядом.

Девчонки с парнями прилипли к окнам автобусика, рассматривая раздавленную горем Иркину мать, которая о чем-то перешептывалась с Катей. Чувства большинства этих совсем еще молодых людей, только что сбросивших с себя обидное название «подросток», были оголены и еще не приспособлены к непредсказуемой взрослой жизни. А учительницы, убеленные сединами, что одна, что другая, глотали, не сдерживаясь, слезы. Они взрослую жизнь уже заканчивали, и опыта у них накопилось предостаточно.

– Она тебя очень любила. – Иркина мама посмотрела на приближающийся автобус, в котором везли гроб ее дочери. – А мы теперь совсем одни... Совсем... Она таким солнышком была, такой лучистой... Песни всегда пела... Она вам пела? – И странно посмотрела на Катю, совершенно ее не видя, и было понятно, что всеобъемлющее горе заполнило всю ее до краев. Мама хотела сказать что-то еще, но запнулась, словно захлебнулась, прикрыв синие обветренные губы рукой. Автобус проехал мимо них прямо к яме. Девчонки заторопились из своего убежища и съезжились, выйдя на ветер, а потом инстинктивно сбились гуртом, чтобы сохранить тепло и отогнать страх.

– А самое жуткое, что она не одна ушла... – еле слышно сказала мать. – Ребенок должен был у нее родиться, так следовательно сказал... Она сама, наверное, и не знала еще об этом. Но вот и ребеночка с собой унесла, девочка моя... Да и меня тоже...

Тут она завывала, резко развернулась и бросилась, почти побежала, скользя и падая, к автобусу, из которого вышел Иркин отец, привезший свою дочку в эту холодную белую пустыню, откуда уже пути назад не будет.

Катя зачем-то посмотрела на небо, не опустилось ли оно еще ниже. Облака и правда уплотнились, набрякли и заполнили все вокруг, почти нависнув над мерзлой землей и слившись со снежной взвесью. Ворон тоже заволокло, они кружили где-то там, в вышине, и слышны были только их истошные крики. Мелкие колючие снежинки, почти как стекольная пудра, били Катю по лицу, пытаюсь хоть как-то оживить, но нет, услышанное вконец ее оглушило. Ей казалось, что она плавает в киселе, – движения стали тяжелыми и замедленными, мысли вязли. Дементий, почувствовав что-то неладное, слегка встряхнул жену, чтобы вернуть в чувство, а Лида, сощурившись, пристально вглядывалась в лицо внучки, чтобы понять, что происходит, и неустанно читала при этом молитву, ища единственно возможную поддержку сейчас – поддержку свыше.

А понимать и помогать было уже поздно.

Катя теряла ребенка.

Внизу живота неистово заболело, словно ржавым тупым ножом резали то, что в Кате зародилось и почти совсем оформилось, то, вернее, ту крохотку, девочку, которую очень ждали и уже научились любить. Боль была такой сильной, что Катя рухнула на снег.

Все, кроме Дементия и Лидки, стояли спиной и ничего не видели. Из автобуса вынесли гроб, открывать не стали, причина была понятна. Мать обхватила деревянный короб руками и почти легла на него, не в силах отпустить. Муж попытался было ее поднять, но она все цеплялась и цеплялась за тяжелую крышку, как за последнюю надежду оставить дочь на этом свете.

Снег под Катей стал кровавым. Пятно росло, окрашивая лед в необычайно красивый красный цвет. Она беспомощно смотрела то на его расплывающиеся границы, то на испуганных родных, хлопочущих над ней. Кинжал из ее живота постепенно вынимали, боль стала тупой и разлитой, достигнув поясицы и опоясав ее.

Гроб обвязали толстыми ремнями и стали потихоньку опускать. Осиротевшие мать с отцом стояли держась друг за друга и смотрели на этот физический уход их единственной дочери. Вот она пока еще здесь, пока еще вроде как с ними и можно замедлить этот уход, а через пару мгновений, если ничего так и не сделать, останется только холмик мерзлой земли и все. И навсегда.

Дементий поднял Катю на руки – она оплывала как свеча и ничего уже, словно замороженная, не чувствовала – и побежал к «Жигулям». Лидка, насколько могла быстро, поковыляла за ним по льду. Водитель сообразил все сразу, отказывать, конечно же, не стал, только хозяйски подстелил под полумертвую пассажирку стопку газет из багажника и газанул, подхватив по дороге машущую обеими руками бабушку.

Ирку засыпали, холмик прибили лопатами и набросали сверху мерзлых красных гвоздичек, которые мигом покрылись снегом. Креста не ставили, только временную, наспех сварганенную табличку с именем и датами: Королева Ирочка, 1958–1979.

Мать с отцом уезжать не захотели, встали у края могилки, опутив головы и держась друг за друга. Так и застыли, как замерзшие призраки, заносимые снегом.

Девчонки вконец озябли, нервно пошептались, повсхлипывали, потоптались еще рядом с ними, но от горя отвлекать не посмели. Они огляделись, Катю с мужем и бабушкой не увидели и решили, что те уехали не попрощавшись. Учительницы, смирившись с метелью и чужим горем, подхватили друг друга под руку и, прикрыв лица варежками, чтобы снег не так бил в глаза, залезли наконец в автобус. Не увидев в поле больше никого, сказали водителю ехать.

Автобус, по-стариковски вздохнув, закрыл скрипучие дверцы, развернулся и двинулся по еле заметной запорошенной колее, наехав на большое красное пятно, так похожее на чью-то замерзшую кровь...

Table of Contents

[Екатерина Рождественская Призраки дома на Горького](#)

[Подноготная](#)

[Нехорошая квартира](#)

[Подглядывающий Ленин и новые возможности](#)

[Книжная жизнь](#)

[Письмоносцы](#)

[Лидкин Принц](#)

[Консьержи](#)

[Ирка Королёва](#)

[Планы на жизнь](#)

[Половой вопрос](#)

[Нож гуркхов](#)

[Первая родительская ссора](#)

[Все-таки мгимо](#)

[Тайное стало явным](#)

[Окрестности дома](#)

[Два дома композиторов](#)

[Композиторские преимущества](#)

[Фамильная крещенка](#)

[Иркины секреты](#)

[Картофельные бабы](#)

[Автобиография](#)

[Очередное письмо](#)

[«Кишка» и переехавший дом](#)

[Книжный «Москва»](#)

[Заначки](#)

[Елисеевский](#)

[Выпускной](#)

[Балтийские каникулы](#)

[Запах кислых щей и тухлой рыбы](#)

[Перепуг](#)

[Катино семнадцатилетие](#)

[Институт](#)

[Лучше поздно, чем не туда](#)

[Скоро свадьба](#)
[Странная Ирка](#)
[Очередной псих](#)
[На югах](#)
[Подарок из Франции](#)
[«Интурист»](#)
[Смотрины платья](#)
[Свадьба](#)
[Хорошие новости](#)
[Пора к профессору Боку.](#)
[Девочка](#)
[Дементий и начало той зимы](#)
[Снова в отъезде](#)
[Грибной супчик](#)
[Лидкины советы](#)
[Тот самый звонок](#)
[Совещание](#)
[Первое детское горе](#)
[Проводы](#)

